

Вера Катша

Башня Ярости

Книга вторая

КОЛОД

Вера Викторовна Камша Башня Ярости. Книга

2. Выходы ветра

Серия «Хроники Арции», книга 5

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129292

Камша В.В. Башня ярости. Книга вторая. Выходы ветра (Хроники Арции): Эксмо; Москва; 2003

ISBN 5-699-03517-6

Аннотация

Ничто не предвещает бури...

Но приближается время исполнения пророчеств.

Лишь те, кто видит больше обычных смертных, давно следят за наползающим безумием. Безумием, в которое будут вовлечены все жители Тарры – мирийцы и таянцы, атевы и эландцы, эльфы и орки, старые хранители и новые силы, родившиеся на большой земле.

В сумерках лжи и предательства брезжит свет трех звезд. Свет, что озарит дорогу тем, для кого честь и долг не пустые слова.

Время, когда каждому придется сделать выбор, пришло.

Но так далеко не суждено заглянуть даже прорицателям...

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	23
2895 год от В.И.	23
2895 год от В.И.	27
2895 год от В.И.	31
2895 год от В.И.	35
2895 год от В.И.	42
2895 год от В.И.	48
НЭО РАМИЭРЛЬ	55
2895 год от В.И.	59
ЭСТЕЛЬ ОСКОРА	63
2895 год от В.И.	68
2895 год от В.И.	71
НЭО РАМИЭРЛЬ	75
ЭСТЕЛЬ ОСКОРА	79
НЭО РАМИЭРЛЬ	89
2895 год от В.И.	94
2895 год от В.И.	97
2895 год от В.И.	100
2896 год от В.И.	104
2896 год от В.И.	109
2896 год от В.И.	111
НЭО РАМИЭРЛЬ	119

2896 год от В.И.	126
НЭО РАМИЭРЛЬ	130
2896 год от В.И.	136
2896 год от В.И.	145
НЭО РАМИЭРЛЬ	151
2896 год от В.И.	157
НЭО РАМИЭРЛЬ	164
2896 год от В.И.	174
2896 год от В.И.	179
2896 год от В.И.	185
ЭСТЕЛЬ ОСКОРА	190
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	192
2896 год от В.И.	192
НЭО РАМИЭРЛЬ	198
2896 год от В.И.	202
2896 год от В.И.	206
Конец ознакомительного фрагмента.	209

Вера Камша

Хроники Арции Летопись 5

Башня Ярости.

Книга 2. Востоды ветра

Александрo Гoродничкoму.

Автор благодарит за оказанную помощь Майка Гончарова, Александра Домогарова, Данила Мелинца, Юрия Нерсесова, Илью Снопченко, Артема Хачатуриянца

ВСТУПЛЕНИЕ

*— Сердце, скажи мне, сердце, —
откуда горечь такая?*

*— Слишком горька, сеньор мой,
вода морская...*

*А море смеется
у края лагуны.
Пенные зубы,*

Улов был прямо-таки отменным. Теперь они не только отдадут старому Тенару долг, но и смогут купить новый парус. Полные сети, и не какой-нибудь там салаки, а настоящего черноспинца! Густав – молодец! Ну и пусть никто, кроме них, не рискнул выйти в море! Шторма никакого нет, а рыба-то – вот она!

Шестнадцатилетний Робер Кошон с обожанием посмотрел на сидящего у руля старшего брата. Густав – самый очаровательный парень на всем побережье и самый видный, недаром Арлетта отказывает всем женихам! Ох, и бесится же ее папаша, ну да Проклятый с ним! Все равно Арлетта выйдет за Густава, хоть они с братом и беднее всех в Кер-Огасте. Пока беднее. Не пройдет и пяти лет, как у них будет все. И новая лодка, и хороший дом, и даже праздничные сапоги.

– Не нравится мне это, – голос брата вернул Робера на грешную землю, вернее, на утлое рыбацье суденышко, – ты будешь смеяться, но этот зануда Юстин, похоже, прав. Будет шторм, и немалый, – брат с грустью посмотрел на добычу. – Проклятый! Вот ведь жалость!

– Ты чего? – не понял Робер.

– А того, что кидай все за борт!

– Это ж черноспинец!

¹ Перевод А. Геелскула.

– Да хоть стервья рыба! ² Жизнь дороже! – Брат, не дожидаясь ответа, принялся выбрасывать драгоценный улов. Робер, чуть не лопааясь с досады, бросился помогать. Еще живые рыбины возвращались в свою стихию, вряд ли сообразив, что с ними произошло. Тяжело сидевшая в воде «Арлетта», освободившись от груза, весело закачалась на пока еще небольших волнах.

– Если выкрутимся, – пробормотал Густав, – носа из бухты не высуну, пока на небе хотя бы один хвост ³ будет!

Теперь Робер и сам видел, что дело плохо. Горизонт стремительно темнел, над головой неслась свора лохматых, рваных облаков, то заслоняя солнце, то выпуская его на свободу; из-за этой свистопляски море казалось полосатым. Черно-серое и ослепительно-серебряное сменяло друг друга, но туч становилось все больше, и яркие сполохи растворялись в свинцовой мгле.

«Арлетта» заплясала на волнах, как норовистая кобылка. Густав, убрав и тщательно закрепив парус, хмуро вглядывался в стремительно сужающийся горизонт. Шторм не заставил себя ждать. Сначала налетел ветер, затем хлынул дождь, смешавшись с солеными брызгами. Робер поймал себя на том, что шепчет молитву святому Жозефу и святому Луи. И за-

² Рыбаки считают, что за запретной чертой водится стервья рыба, в голове которой находятся драгоценные камни

³ Хвост, точнее, «лисий хвост», так на берегу Сельдяного моря называют облака, появление которых вечером предвещает на следующий день бурю.

чем только их понесло на промысел?! Брат одернул куртку из просмоленной парусины – на кожаную по милости пьянчуги-отца у них не было денег – и заорал:

– Держись!

Робер торопливо вцепился в попавшуюся под руки снасть, и вовремя. Суденышко грубо швырнуло в сторону, оно изрядно черпнуло бортом, но выровнялось. Густав, воспользовавшись коротким затишьем, умудрился развернуть лодку, встретив новый порыв ветра бейдевинд. «Арлетту» раскачивало вперед и назад, куда-то несло, она то взлетала к самым тучам, то проваливалась в ущелье между водяными горами, то – и это было всего хуже – зарывалась носом в волну. Юноше несколько раз казалось, что им конец, но кораблик каким-то чудом выправлялся.

Буря все усиливалась. Несчастную «Арлетту» трясло и мотало, как котенок трясет и мотает свою первую мышь. От напряжения и холода руки сводило судорогой, Робер не удержался и выпустил бечеву. Его б смыло, но Густав, успевший привязаться к мачте, ухватил юношу за пояс. Братья задыхались от водяной пыли, вокруг все кипело, словно в котле у ведьмы. Черные волны с грохотом разбивались друг о друга, ветер срывал с них седые верхушки, рев взбесившегося моря сливался с громом, а рогатые молнии, на мгновение раздиравшие тьму, слепили, делая сгущавшийся мрак еще непроглядней.

Робер, то и дело отряхиваясь, словно промокшая собака,

пытался сообразить, куда их тащит и сколько прошло времени. Казалось – целая вечность, но юноша не первый раз попадал в шторм и понимал, что, скорее всего, прошло не более оры, от силы – двух. «Арлетта» держалась молодцом, хотя водяные горы явно вознамерились добраться до низких туч, а дождь лил, как из ведра. Если бы не холод и боль в ободранных руках, все было бы не так уж и плохо.

– Ничего! – Густав кричал во все горло, но сквозь визг ветра его было едва слышно. – Скоро конец!

И в самом деле становилось светлее, да и дождь малость поутих. Может, обойдется? Куда же их снесло? И рыба пропала... Сквозь облака прорвался солнечный луч и сразу же погас, но Робер успел заметить буруны, не похожие на пенные гребни волн. Рачьи Рифы, не иначе! Святой Обен, за что?! Робер глянул на брата и по его лицу понял, что не ошибся.

Место было мерзкое. Здесь и в хорошую погоду разбились немало лодок, а при таком ветре шансов и вовсе не было; но кошка-судьба решила позабавиться, и мышку-»Арлетту» протащило мимо предательских бурунов. Если б Робер захотел, он мог бы коснуться выраставшего со дна гранитного зуба... Им повезло: кораблик покружило в водовороте среди четырех или пяти скал и поволокло в узкий проход между рифами. Цепляясь за снасти, юноша, не отрываясь, смотрел на окруженную белой пеной смеющуюся смерть, раз за разом проходившую стороной. Наверное, ветер нагнал воды и

затопил часть Рачьих. Неужели пронесет?

Впереди расстилалось ревущее море, казавшееся самым безопасным местом в мире. «Арлетта» сидит неглубоко, может, удастся проскочить... Налетел очередной порыв ветра, еще один бурун остался позади, но огромная волна, мимоходом подхватив суденышко, отбросила его назад, шмякнув бортом о вставшую из глубин скалу. Робер закричал от ужаса и обиды – до чистого моря оставалось всего ничего, – а проклятая волна рассмеялась и закинула надоевшую игрушку далеко вперед. Скалы-убийцы остались позади, но пробовина была слишком велика.

Густав попробовал подвести к течи парус, но куда там... Вычерпывать воду было еще глупее, но они пытались, хоть и понимали, что и им, и «Арлетте» конец. Робер с каким-то странным равнодушием поднял взгляд. Впереди среди дождевых струй мелькнуло что-то черное, исчезло и появилось вновь. Опять скалы? Нет! Наверное, он сошел с ума, но это корабль! Корабль, Проклятый побери! Откуда? Кого могло в такую бурю занести к Рачьим?! Все порядочные корабли сейчас или отстаиваются в гаванях, или болтаются в открытом море с убранными парусами, а этот!

Не веря собственным глазам, юноша смотрел на растущий на глазах парусник. Острый форштевень уверенно резал опененные горы, молния выхватила из мрака вздыбившуюся фигуру огромной короткохвостой кошки. Каким безумцем должен быть капитан, поднявший в такую бурю все паруса!

Черный трехмачтовик неся огромными оленьими прыжками, и в какой-то страшный миг Роберу показалось, что безумное видение промелькнет и исчезнет в свинцовой тьме, не заметив тонущей «Арлетты». Заметили! Слава святому Луи, заметили! Странные светящиеся паруса разом упали, парусник замедлил ход и остановился, заслоня обреченное суденышко от ветра. Кто-то, перегнувшись через фальшборт, сбросил им веревочную лестницу и приветливо махнул рукой. Густав несколькими ударами весел подогнал полузатопленный кораблик к борту, поймал раскачивающуюся ступень и полез вверх, Робер последовал за ним, но не утерпел и оглянулся. Там, где только что была лодка, плясали злые, серые волны. Юноше показалось – или Густав закричал? Какой страшный крик! Еще бы, он так любил «Арлетту», а теперь у них не осталось ничего, кроме жизни.

Кто-то сверху протянул ему руку, и Робер вцепился в нее, подивившись, какая она горячая, хотя с рукой-то как раз все было в порядке, это он замерз. Но теперь все будет хорошо, само небо послало им этот корабль!

Юноша спрыгнул на палубу и растерянно огляделся. Густав куда-то исчез, вокруг было пусто... Где же все?! Ведь кто-то же помог ему... Сзади послышался шорох, Робер обернулся, встретившись взглядом со стройным седым моряком, жалобно вскрикнул и неловко свалился на совершенно сухие доски, светящиеся мягким голубоватым светом.

Судно оделось парусами и рванулось с места. Волны ре-

вели, бросаясь на поднимавшиеся со дна скалы, но корабль со вздыбившейся рысью на носу несся вперед, не замечая рифов. Дождь по-прежнему полосовал море, однако на мерцающую палубу не упало ни капли, и лежащий на ней мертвый рыбак в промокшей до нитки одежде казался столь же неуместным, как жалкая дворняжка на наборном дворцовом паркете.

Тот, кто помнил, что раньше носил имя Рене Аррой, опустил на корточки рядом с умершим. Резкий порыв ветра взъерошил белые волосы, но холода он не ощущал, равно как и ставших привычными боли и адского воя в ушах. Сильная рука с длинными пальцами привычно легла на Черную Цепь. Что-то было не так! Капитан провел рукой по камням. Здесь! Вот оно! Кроваво-красная точка – красная, хотя должна была казаться темно-бурой, – бешено пылала и пульсировала в самой сердцевине зеленого кристалла, словно стремясь заполнить его целиком.

Вот, значит, что. Хотел спасти – и убил, и не просто убил, а залил собственную боль чужой жизнью. Это оказалось так просто... Когда-то давным-давно в Таяне он собирал в ладонь переспелую малину – достаточно было подставить руку и слегка шевельнуть ветку, и ягоды осыпались теплым градом... Аррой словно бы вновь ощутил жар позднего лета, сладко-горький волнующий запах, ожоги от крапивы на руках. Тогда он был жив, а теперь, выходит, может жить, лишь убивая других? Как в страшной сказке, которую рассказыва-

ла Ри эта дура Зенобия. Он еще отчитал старуху, хотя в ту пору кормилица Ольвии была младше, чем он перед своим последним походом. Впрочем, она всегда была гадиной.

Рене потер ладонью виски. Нужно понять, что с ним сделали, и найти выход! Аррой никогда не шел на поводу у судьбы, это еще один вызов, только и всего. Даже не вызов, а попытка купить. Его заперли в аду, а потом подсунули ключ от ворот. Убивай и живи, забудь о боли, жутком холоде, звоне в голове, о том, что рвет тебя на куски с того самого мгновения, как ты очнулся на пустом корабле с серебристыми парусами.

Красивая красная капля, прорастающая в зелени... Если он поддастся, она потянет за собой вторую, потом третью, и в один прекрасный день на берег сойдет всемогущий убийца, на шее которого будет цепь с рубинами. Но он не станет носить рубины! И питаться чужими жизнями не станет! Его воля при нем, вот и поглядим, кто кого!

Аррой закрыл глаза, сосредотачиваясь на алом пятнышке, отчаянно бившемся в самом сердце камня. Долой его! Не отрывая мысленного взгляда от раскаленного зерна, Рене потащил его наружу. Сначала не получилось ничего, потом навалилась боль, да такая, в сравнении с которой все предыдущее было, что легкий бриз в сравнении с эландской хъелой, и самым мучительным было осознание того, что ему ничего не стоит прекратить пытку. Прекратить и утонуть в блаженстве, брать от жизни все, что она может дать, почувствовать

себя хозяином. Даже не хозяином – владыкой!

Ты спокойно ел мясо, но разве жизнь быка или барана дешевле жизни человека, да еще человека подлого? Ты своей рукой отправил на тот свет не один десяток себе подобных, а если вспомнить то, что делали по твоему приказу, счет пойдет на многие тысячи, так что же тебя смущает? Ты можешь выбирать жертву по своему вкусу, уничтожая мерзавцев, по которым и так плачет веревка. Ты и раньше так жил. Ты сможешь помогать тем, кто тебе нравится, тебя нельзя будет отличить от того, кто и в самом деле жив. Ты будешь почти бессмертен, сможешь сделать много, возможно, даже спасти Тарру и уничтожить чуть было не погубившую тебя тварь из Серого моря, а цена недорого. В год десятка три мертвецов, ну, может три с половиной, и довольно. Что в этом плохого? Ты убивал и больше...

Ах, тогда шла война, а бараны и быки не были людьми? Но ты не человек, Рене из рода Арроев! Посмотри правде в глаза, ты никогда не был человеком. В тебе течет кровь старых богов, а боги всегда требовали жертв. Обычные люди в сравнении с тобой не больше, чем коровы в сравнении с людьми. Даже меньше. Так что вздохни поглубже и прими свою новую жизнь – и как данность, и как величайший дар.

Боль сделалась нестерпимой – хотя почему нестерпимой, если он терпит?! Красная искра была у самой поверхности, он знал это, хоть и не открывал глаз, не открывал, потому что открыть их – означало сдаться. Он не должен смотреть,

пока не покончит с этой каплей, которая разольется в море, если он смирится. Долой ее! Холод, жар, нестерпимый визг, липкие, жуткие прикосновения, словно от скрюченных полуразложившихся пальцев, завывания, малиновые и желтые спирали... Может, лучше остановиться, набраться сил и начать все сначала? Или оставить, как есть?

Что значит маленькое пятнышко на одном из камней? Один желтый лист еще не осень. Он знает, что может случиться, и будет осторожен. Рыбаков, конечно, жаль, но он не желал им зла, и они так и так погибали. Не желал зла, но причинил, так имей мужество отпустить свою жертву. Старший все понял раньше тебя и сам бросился в море. Он помог тебе, потому что избавиться от двух капель ты бы не сумел, так отпусти взамен его спутника. Этот юноша не твой и вообще ничей. Он умер, и пусть эта смерть будет просто смертью. Ты – Рене Аррой, а не людоед из сказки Зенобии... Уж не эту ли участь она ему предрекала? Страшнее смерти... Похоже, эту.

Холод, пронизывающий, смертельный холод и знакомая пульсирующая боль! Благословенная боль, потому что он победил! Он избавился от красного «подарка». Аррой открыл глаза и увидел зеленый, без единого изъяна камень.

Тело рыбака по-прежнему лежало рядом, его спасти было поздно. Море всегда было могилой для моряков. Счастливчик Рене коснулся волос юноши, чьего имени он никогда не узнает, а потом легко, как котенка поднял на руки и понес

на корму. «Созвездие» летело по бушующему морю, ветер и волны ему не могли повредить, ему вообще ничто не могло повредить. Счастливчик стиснул зубы и швырнул молодого рыбака вниз. Большого для него он сделать не мог. Тело да упокоится на дне морском, а душа теперь свободна.

Предоставленный самому себе корабль несся сквозь сгущающуюся ночь. Аррой не ведал, где его спутники, и лишь надеялся, что они просто мертвы – а вот он жив, потому что мертвец не может чувствовать такую боль и потому что над ним по-прежнему кружат звезды Тарры. Он не помнил, как ему удалось вырваться из серого тумана, и что с ним произошло, но был уверен, что вернулся вопреки воле того, кто погубил Залиэль и Ларэна. Но каким же дураком он оказался, непозволительным дураком! Вообразил, что все дело в боли и холоде, с которыми он как-нибудь, да справится. Если б он соизволил как следует подумать, рыбаки были бы живы. Или мертвы, потому что без помощи они бы утонули, как тысячи других, связавших свою жизнь с морем... Мог ли он их спасти, зная, во что превратился, или единственное, что он должен сделать для живых – это держаться от них подальше? Если так, ему придется выжидать, пока не придет пора убивать, убивать без пощады. Неужели он вырвался лишь для того, чтобы стать рукой смерти?

Счастливчик задумчиво тронул Черную Цепь. Она была как-то связана с тем, что с ним случилось, в этом он не сомневался. Она и что-то еще. Великий Орел, и почему, когда

тебе плохо, думаешь, что вся беда в твоей боли? И вообще, что будет, если он... сойдет на берег? Разумеется, подальше от людных мест. Просто сойдет, и все. Почувствует под ногами твердую землю, а не призрачную палубу, посидит на траве... Это-то он может сделать?! Рене не пошевелился, но корабль, обретший странный дар слышать мысли своего капитана, повернул на северо-восток. Аррой помнил высокую, похожую на башню скалу севернее устья Адены. Там никто не жил и почти никогда не бывал. Не будь Гверганды, залив, вдававшийся в сушу чуть ли не до Зимней Гряды, сгодился бы для постройки порта, но второй порт в тех краях – излишняя роскошь. Там Рене никто не увидит, и там он никого не убьет.

Рене так и не понял, каковы пределы, отпущенные ныне его «Созвездию». Казалось, корабль плывет с обычной скоростью, но теплые моря сменились неприветными волнами Сельдяного моря слишком быстро. Он никого не встретил на пути, сегодняшние рыбаки стали первыми. Наверное, он в глубине души что-то подозревал, иначе б вернулся на Лунные острова, а он о них позабыл и вспомнил лишь сейчас. Что-то его тянуло на север. Что-то или кто-то? Почему он не отправился к эльфам, ведь они могли помочь? Почему не бросился на поиски Геро? Почему почти не думал ни о ней, ни о Романе, ни о сыне? Он не забыл – так в чем же дело? Или он, как издыхающий снежный волк, хотел забиться подальше в родные скалы? Но он не думал о смерти, он вообще

ни о чем не думал, все мысли занимала боль. Боль и сейчас с ним, но он сумел взять ее на сворку в тот самый миг, когда погасил проклятую искру. Он может думать и помнить, уже неплохо!

Скала возникла из тумана неожиданно, а, может, он слишком задумался. У нее не было имени, как не было имени и у залива, на берегу которого она стояла. Когда-нибудь сюда доберутся докучливые монахи, нарисуют то, что увидели, на желтоватой хаонгской бумаге и дадут суше и водам имена святых, которых никогда не было, а если и были, то жили совсем не так, как пишет Книга Книг. Залив был удобным, глубоким, с чистым дном, защищенным от большинства ветров, но не у облюбованной Арроем скалы. Там море кипело и пенилось, волны сломя голову бросались на камни, отступали и снова бросались в яростной надежде свалить упрямые утесы. В былые дни Рене никогда бы не рискнул кораблем, но нынешнему «Созвездию» мели и рифы были не страшны. Корабль послушно подошел к самому берегу и остановился, как лошадь у крыльца. Капитан немного постоял, опираясь о борт. Болтали, что Счастливец не знает страха, но ему было страшно. Впрочем, взнудывать себя эландец умел. Рене, как обычно, когда на что-то решался, тряхнул головой и соскочил на берег.

Под ногами был обветренный темно-серый камень, но адмиралу показалось, что он оказался по колено в огне. Земля немилосердно жгла, хотя пламени не было. Выходит, он

прикован к морю и «Созвездию»? Ну, нет! Если он терпит холод, выдержит и жар. Аррой стиснул зубы и быстро пошел вперед. Наверх вела тропа – а, может, не тропа, а русло пересохшего ручья. Не лучшая дорога, но Рене дал себе слово подняться – и шел. Ему казалось, что он вброд переходит поток лавы, родившийся из недр огнедышащих сурианских гор, к которым адмирала так влекло в юности, а обнимавший плечи холод не только не развеялся, но стал еще нестерпимее. Ну и пусть! Он все равно поднимется!

Если бы кто-то увидел стройного седого человека, легко взбиравшегося вверх по каменистой осыпи, то никогда б не догадался, какой ценой дается путнику каждый шаг. Подъем был долгим, но все имеет свой конец. Цель покорила, одна из многих целей в жизни Счастливого Рене. Капитан «Созвездия» стоял на вершине, подставляя лицо слабому ветру. Ни жар, ни холод никуда не делись, но он добился своего, как добивался всегда.

Впереди лежало море, сзади зеленели поля. Весна? Но какого года? Сколько дней, месяцев, лет он пробыл в белесой мгле, сожравшей его спутников и изуродовавшей его самого? И ведь не спросишь... Рыбак выглядел, как все рыбаки, люди моря вообще похожи друг на друга. Такие же лодчонки бороздили Сельдяное море при Руисе Аррое, а те, кто ими правил, носили такие же просмоленные парусиновые куртки. Нет, по одежде погибших ничего не понять, но как хорошо, что он вернулся именно весной, в пору первой зелени

и первых гроз. А гроза будет, он чувствует это, это и что-то еще! Великие братья!

Рене стремительно обернулся. В узком проходе между двух отливающих серебром валунов замер черный зеленоглазый конь. Гиб! Как же он нашел его? Жеребец, поняв, что его увидели и узнали, приветственно фыркнул и топнул ногой. Аррой бросился было вперед, но, вспомнив все, безнадежно махнул рукой и привалился к потрескавшейся скале. Гиб с шумом втянул воздух и медленно и плавно двинулся к хозяину.

– Стой, – Рене Аррой, когда был жив, никогда не повышал без нужды голос, его и так никто не смел ослушаться, но у Гиба было свое мнение. Конь упрямо шел к тому, кого признал своим владыкой.

– Гиб, стой, тебе говорят! Да стой же... – На сей раз вороной жеребец послушался, замерев в паре шагов от адмирала. Седина Рене соперничала белизной с конской гривой. – Гиб, ты знаешь, что со мной?

Конь понуро опустил голову. Именно так он стоял в церковном саду Кантиски, готовясь отвезти Сезару Мальвани приказ отступать и известие о том, что Рене и Эмзар отдают себя в руки Михая Годоя.

– Знаешь? – переспросил Рене. – Вижу, что знаешь. Тогда уходи. Я рад был тебя повидать.

Гиб вскинул голову и коротко заржал, ударив ногой о землю. Затем заржал еще раз и шагнул вперед. Зеленый глаз

сверкнул совсем рядом.

– Уходи, ты мне не поможешь.

Водяной Конь подогнул колени и лег на камни. Он не ушел, и это не было ни упрямством, ни желанием утешить или выразить сочувствие.

– Гиб, уходи, я... – А что он? Он и сам не знал. Его прикосновение и взгляд убили человека, но Гиб – не человек. Водяной Конь – порождение древней Тарры, ему виднее, что для него опасно, а что – нет.

– Ты видел таких, как я? Да или нет?

Короткое ржание. Опущенная и вновь поднятая голова...

– Видел... Это очень плохо?

Гиб медленно наклонил шею вперед, так, что черные блестящие губы чуть не коснулись лица адмирала. Будь водяной демон обычным конем, Рене ощутил бы теплое, живое дыхание, как тогда, когда подал руку несчастному мальчишке, но порождение древней стихии не несло в себе тепла. Аррой посмотрел в бездонные зеленые глаза, пытаясь найти в них ответ. Их было двое. Конь, который не был конем, и седой моряк, еще недавно почитавший себя человеком. Над ними неслись рваные, окровавленные закатом облака, внизу в бессильном гневе громыхало и билось о скалы море. «Скоро оно свое возьмет, – устало подумал Рене, – эти скалы уйдут под воду, и они это знают. Знают, но ничего не могут изменить. Проклятый! Откуда такие мысли?! Разве скалы могут думать? Разве море может надеяться?»

– Гиб, так я тебе не опасен?

Конь вздохнул и ткнулся носом в лоб адмиралу.

– Тогда тряхнем стариной!

Жеребец вскочил, радостно мотая гривой, но потом замер и словно бы простонал.

– Что ты хочешь сказать? Я причиню тебе вред? Нет? Тогда что же? А, ты боишься за меня? Но что может случиться со мной теперь?

Гиб вновь издал странный звук, больше похожий на плач, чем на ржание, и прикрыл глаза. Рене задумчиво коснулся висевшей на шее цепи. Эланд будет затоплен, это так же неизбежно, как неизбежен вечер, это не хорошо и не плохо. Это так, и с этим не стоит бороться. Потому что пройдет время, и придет черед моря отступить, выпуская из тысячелетнего плена серебряные скалы, на которых снова совяют гнезда альбатросы. Но откуда эти мысли у него, Рене Арроя? Эти мысли и это знание? Неужели от Гибя? Или он сумел расслышать в извечном грохоте прибоя то, чего не слышал раньше? И кто же, во имя Проклятого, он теперь?

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

EX ORIENTE LUXL⁴

*Верность – прямо дорога без петель,
Верность – зрелой души добродетель,
Верность – августа слава и дым,
Зной, его не понять молодым,
Верность – вместе под пули ходили,
Вместе верных друзей хоронили.
Грусть и мужество – не расскажу.
Верность хлебу и верность ножу,
Верность смерти и верность обидам.
Бреда сердца не вспомню, не выдам.
В сердце целься! Пройдут по тебе
Верность сердцу и верность судьбе.*

М. Цветаева

2895 год от В.И.
19-й день месяца Сирены
ТАЯНСКАЯ ФРОНТЕРА

Болото сменилось лесом, а затем расступился и он. Александр и Ликия были в Таяне. Впереди расстилалась волни-

⁴ С Востока идет свет (лат.)

стая, сверкающая равнина, лишь вдалеке маячили высоченные тополя, которыми здесь испокон веку обсаживали дороги и села. Солнце стояло еще высоко, и от снежного блеска болели глаза. Садан одобрительно фыркнул, выйдя после бесконечного блуждания по лесам на открытое пространство, достойное его внимания, да и Александр смотрел на таянские степи с восторженным ожиданием. Ликия, сидевшая в седле перед Александром, обернулась, щеки ее пылали.

– Это Таянская Фронтера, Сандер.

– Остается убедиться, что нам тут рады, – усмехнулся Тагэре, – постараемся кого-то отыскать.

Это оказалось нетрудно, их заметили почти сразу же. Десятка полтора всадников в белых, подбитых мехом плащах и высоких рысьих шапках возникли из ломящей глаза белизны и с удивлением уставились на чужаков на белом, черногривом жеребце. Александр соскочил с Садана, снял Ликию с седла и встал с ней рядом. Видно было, как таянцы совещались, усиленно размахивая руками, наконец от группы отделились двое – плотный, широкоплечий воин с орлиным пером на шапке, видимо, начальник, и еще молодой нобиль, темноволосый и темноглазый.

Таянцы так же, как и фронтерцы, носили усы, и Сандер едва удержал метнувшуюся к мечу руку. Не все усатые – предатели, и не все предатели – усачи. Старший осадил коня и властно поднял руку. Голос у него был под стать внешности – низкий и сильный.

– День добрый, данове ⁵, кто вы и по какому делу?

Александр ответить не успел, так как заговорила Ликия:

– Мы идем в город, который раньше звали Геланью, нам нужно многое рассказать. Если можешь, ответь, стоит ли еще в Таяне дом Гардани?

– А как же, – вожак рассмотрел Ликию и с явным удовольствием подкрутил усы, – вот уже двадцать восемь лет, как погиб круль Ласло Гардани со старшими сынами. Тогда гомона ⁶ и прокричала «виват» ясновельможному Анджею, его последнему сыну.

– Ваш король Анджей Гардани?

– Точно, данна. А что вам до него?

– Долго рассказывать, данове. Мы пришли из Арции через Тахену.

– Как то? – глаза воина от удивления полезли на лоб, а вслед за ними, казалось, устремились и остальные части лица, включая усы, – то ж через Тахену человеку пройти никак нельзя.

– Тахена пропустила нас, – твердо сказала Ликия.

– Такое обдумать надо, – изрек таянец, – то, проше дана и

⁵ Господа (*таянско-фронтерск.*).

⁶ Большой съезд дворянства, на который каждая провинция присылает своих представителей, избранных на малых съездах, именуемых гомониками. По завещанной Шандером Гардани традиции гомона должна подтверждать полномочия нового короля и одобрять наиболее важные государственные решения. В частности, объявление войны и заключение мира, вступление в политический союз и так далее.

данну, езжайте с нами. Коня мы еще одного вам дадим, вечер уже близко. Поужинаем, переночуем да подумаем. Если вас Тахена пропустила, а похоже на то: снега третий день нет, а следы мы каждый день смотрим, то, видать, предсказанные времена настают... Как вас называть, гости наши? Я – Стах Тонда, знаменний ⁷, но чаще меня Барсуком кличут, а то молодой Золтан Гери с Лайтаны.

Сандер протянул руку:

– Я – Александр Тагэре, а мою спутницу зовут Ликия.

– Ну вот и познакомились. Жеребец у вас хорош, – приосанился Барсук, – но и у нас неплохи. – И заорал: – Стефко! Коня прекрасной данне. Белого!

⁷ Воинская должность, по значению примерно равная полковничьей.

2895 год от В.И.

19-й день месяца Сирены

АРЦИЯ. МУНТ

Единственное, в чем дочь не разочаровала Элеонору, была красота. Бывшая королева не понимала, как от их с Филиппом союза могла родиться такая безмозглая овца, но сегодня Нора красивой не казалась. Глаза дочери были на мокром месте, губы тряслись, а на все вопросы она отвечала односложно «да» или «нет». Элла и сама в свое время терпела нелюбимых мужей, но это не мешало ей брать от жизни то, что она может дать, ведь любовь – та же Темная Звезда: все про нее говорят, кто боится, кто ждет, а ее все нет и, скорее всего, не будет.

– Нора, вам следует держать себя в руках.

– Да, матушка, – прошептала дочь, тиская шелковый платок.

– Я вам уже говорила. Руки королевы должны быть спокойны.

– Да, матушка.

– Дочь моя, что с вами?

– Ничего, матушка.

– Сигнора, – вмешался стоявший у окна Пьер Тартю, – Нора нездорова, но это хорошее нездоровье. Наш союз дал

плоды.

– Но это же прекрасно! Девочка моя, почему ты мне сразу не сказала?

Это и на самом деле было прекрасно. Нора должна родить наследника, и чем скорее, тем лучше. Будет обидно, если первенец окажется девочкой, тогда придется терпеть Тартю еще год или два. Элеонора улыбнулась зятю, лет пятнадцать назад у нее была обворожительная улыбка.

– Мы не хотели вас волновать, сигнора, – пояснил король, – мы знаем, как вы волнуетесь о своих детях. Как здоровье несчастного Жореса? Нам его очень не хватает.

– Благодарю Его Величество за заботу. – Жоресу, даже слепому, корона пошла бы куда больше, чем этому заморышу. Все ее сыновья обладали внешностью королей, а таких, как Пьер, следует убивать при рождении, чтоб не портили породу. – Все так же. Мы надеемся, что преступника покарают.

– Рафаэль Кэрна покинул Арцию. Доносят, что его видели в Эр-Атэве и он собирался в Новый Эланд. К сожалению, мы не можем требовать его выдачи, так как калиф Наджед разорвал старый союз.

Из-за тебя и разорвал. Придрался к тому, что Тартю не Волинг, и спустил с цепи своих корсаров. Теперь Старое море впору называть Атэвским озером, как семьсот лет назад.

– Это весьма прискорбно, Ваше Величество. Могу я узнать об успехах моих младших сыновей?

– Вам следует их повидать, сгнора. Они, несомненно, скучают по матери и старшим братьям. Вы, я вижу, опасаетесь, что Филипп будет вести себя неразумно. Пустое, он избавился от скверной привычки спорить по пустякам.

– Видимо, за это следует благодарить его наставника?

– Безусловно. Если желаете, вы можете посетить Речной Замок сегодня на обратном пути. Мы распорядимся.

– Благодарю моего государя за заботу.

– О, заботиться о семье – наш долг. Мы можем вас порадовать, ваш сын, граф Мо, добился ощутимых успехов при Ифранском дворе. Ему удалось завязать дружбу с графом Вардо и его племянником герцогом Саррижским. Это очень влиятельные люди. Мы написали ему о том, что удовлетворены его службой.

Ее младший сын чего-то добился? Непостижимо! Ему никогда ни до чего не было дела, или с возрастом к нему пришло честолюбие? Базиль всегда был тенью Жореса, неужели он решил играть свою игру? Но домой он не написал ни одного письма.

– Вы удивлены, сгнора?

– К сожалению, мой младший сын не утруждает себя письмами.

– Мы напомним ему, что писать матери и сестре – его долг. Мы были рады видеть вас, сгнора.

Элеонора поняла намек и присела в малом придворном реверансе. Пьеру нравилось, когда даже близкие не забыва-

ют, что он король, а ей, пока Нора не родит сына, нужно быть безукоризненной. Жаль, что погибла Шарлотта, а Анастазия откровенно покровительствует Тартю.

Спускаясь по лестнице, Элеонора Гризье, волею зятя вновь ставшая Элеонорой Тагэре, приподняла тяжелую юбку цвета лаванды (когда-то этот цвет ей очень шел) меньше, чем следовало, наступила на оборку и споткнулась. Сопровождавший ее гвардеец поддержал мать королевы под локоть, та обернулась и поблагодарила. В последние годы жизни Филипп стал очень суеверен, споткнувшись, он менял все намеченные на день планы. Элли это раздражало, она суеверной не была никогда.

Когда Элеонора вышла на крыльцо, ей пришло в голову, что перед встречей с детьми следует заехать в циалианскую резиденцию возблагодарить святую за Норину беременность. Ее спутник, несомненно, доложит Пьеру, где и зачем она была. Пьер знает, что она была тесно связана с Шарлоттой. Надо показать, что ее ничуть не расстроила замена бланкиссимы на Ее Иносенсию.

Элеонора окликнула кучера:

– Мы едем в обитель Святой Циалы.

– Да, сгнора, – ответил тот, – нам сказали.

**2895 год от В.И.
Ночь с 19-го на 20-
й день месяца Сирены
ТАЯНА**

Разумеется, пьянка затянулась до глубокой ночи. Прекрасные данны удалились еще вечером, и мужчины гуляли на свободе. Царка лилась рекой. Александр, поняв, что пить вровень с хозяевами у него не выйдет, а обижать их нельзя, придумал незаметно сливать свою долю в здоровенную миску с остатками каких-то солений. Разоблачения арцийский король не боялся: никто из гуляк и не подумает убирать со стола, а женщинам с утра все равно, что и как мыть. Время летело незаметно. За последние месяцы Александр впервые оказался среди людей и был этому рад, хотя ему и не хватало Ликии, уведенной хозяйкой.

В усадьбе, куда Барсук привез неожиданных гостей, их встретили с распростертыми объятиями, правда, Сандеру показалось, что хозяин, приходившийся Стаху двоюродным братом, рад был любому поводу для гулянки. То, что пить и есть в Таяне любят и умеют, Александр понял, едва лишь взглянув на обитателей поместья. Все, как на подбор, высокие, статные, с крепкими белыми зубами и улыбками во все лицо.

Таянцы разрывались между правилами учтивости, запрещавшими расспрашивать гостей, и любопытством. То, что пришельцы говорят правду, подтвердили четыре отряда следопытов, несмотря на зиму, неустанно стерегшие границу. Сандер сразу понял, что здесь идет война, и их с Ликией безоговорочно записали в «свои», причем именно потому, что пришли они через Тахену. Нужно будет расспросить Ликию, она явно знает о Таяне больше, чем рассказывала.

Александр был не прочь поговорить со своей колдуньей немедленно и не только о местных обычаях, но это было невозможно – хозяева только начинали веселиться по-настоящему. Откуда-то взялся инструмент, напоминающий гитару, но без женственного изгиба посередине. Немедленно разгорелся спор: одни требовали петь одно, другие – другое. Тагэре не знал ни одной из названных песен и просто рассматривал своих сотрапезников, вполуха слушая изрядно выпившего Стаха, долго и путано объяснявшего, как они по осени гоняли каких-то «рогатых» и как те были вынуждены убраться в какую-то Биллану. Сандер уже знал, что сам Стах в юности служил под началом Стефана Завгороднего, который был горбат, и куда больше, чем дан Александр, но был такой великий воин, что все против него – тьфу! Пыль и прах!

Про дана Завгороднего Тагэре слышал уже раз двадцать, и это его не обижало, отнюдь! Похоже, горбатый Стефан был местной легендой, а в таянцах угадывались прирожденные

воины. Уж это-то он понял сразу. Как и то, что пока одни пили, другие караулили.

В Таянской Фронтере жили, как живут рядом с войной. Когда за окном простучали копыта, сидящие в мгновение ока оторвались от царки и жареного мяса и схватились за сабли, готовые немедля куда-то мчаться и с кем-то драться, но приехавшие не были вестниками беды. Первым в комнату вошел давешний Золтан, который, едва сбросив заиндевевший плащ, потянулся к кубку, а вторым был... Луи Трюэль в таком же белом полушубке и рысьей шапке, что и таянцы. Александру показалось, что он все-таки напился, так как этого просто не могло быть. Луи опомнился первым и, не заботясь о том, сколько ног ему пришлось отдавить, бросился к Александру.

– Виват! – завопил Стах. Все гости, торопливо наполнив свои немалые кубки, шумно вскочили и заорали что-то не совсем понятное, но явно одобрительное и приветственное. Кто-то громко предложил немедленно заколоть еще одного кабана, кто-то требовал царки, кто-то загорланил приветственную песню, с готовностью подхваченную доброй дюжиной луженых глоток

– Они всегда так, – улыбнулся Луи, но голос его подозрительно дрогнул: – Жабий хвост! Неужели же это ты?!

– Жабий хвост! Я! – Александр неожиданно для себя самого глупо расхохотался, видимо, царка взяла свое. В карих глазах Трюэля вспыхнуло удивление, он что-то попытался

сказать, а потом тоже прыснул, а рядом как в бочку громых-
нул ничего не понимающий, но всегда готовый порубиться
или посмеяться дан Барсук.

**2895 год от В.И.
Ночь с 19-го на 20-
й день месяца Сирены
АРЦИЯ. МУНТ**

Этот обморок был первым в жизни Элеоноры Гризье, по праву гордившейся и своим здоровьем, и своей выдержкой. Судьба ее никогда не баловала, но нет обстоятельств, с которыми нельзя спорить. Вдова заштатного барона поднялась на трон, и никто не знает, каких трудов ей это стоило. Все списали на ее красоту и легкомыслие Филиппа. О, тогда она и впрямь была хороша, а молодой король сходил с ума от высоких блондинок, но вовремя попасться ему на глаза оказалось непросто. Еще сложнее было раз за разом говорить «нет», не оскорбляя и не отталкивая.

Отец, мать, братья ничего не понимали, требуя, чтоб она отперла Тагэре дверь спальни. Если б она это сделала, Филипп бы бросил ее, как бросал всех своих любовниц. Родные не смели и помыслить, что безродная Элла может стать королевой, а она ею стала, а потом удержала свою удачу, даже когда годы стали брать свое. Филипп хотел развестись и жениться на Дариоло Кэрне, но она договорилась с Шарлоттой, и та выдала мирийку за Артура Бэррота. Этот удар был первым из обрушившихся на нее и ее семью.

Филипп умер, оставив протектором брата, замысел Жореса немедленно короновать наследника и с благословения Церкви стать регентом провалился, а наследный принц принял сторону дяди. Королева-мать взяла себя в руки и помирилась с горбуном, но потом случилось самое страшное: ее брак был незаконным, она оказалась не матерью короля, а всего лишь постаревшей фавориткой. Впору было опустить руки, но она не сдалась, и вот ее дочь на троне и ждет ребенка. Если она родит сына, Пьер будет не нужен, но, чтобы довести дело до конца, нужно быть здоровой. Этот обморок – нехороший признак, нужно посоветоваться с несколькими медикусами. Неприятно, что ей стало плохо в храме, Анастазия должна считать мать королевы здоровой.

Предстоятельница старше на десять лет, а выглядит на двадцать моложе. Говорят, святым сестрам ниспослана благодать, но Элеонора в это не верила. Магия – и ничто другое! В свое время Элла умоляла Шарлотту помочь ей сбросить красоту, но бланкиссима лишь разводила руками и делала вид, что ничего об этом не знает. Отчего же все-таки загорелся храм? Страшная смерть...

Бывшая королева сделала над собой усилие и встала. Когда к ней войдут, нужно выглядеть бодро и привлекательно, а тут, как назло, когда она была без сознания, с нее сняли корсет. Без посторонней помощи его не затянуть, а без корсета не надеть платье. Хорошо хоть, сестры догадались положить рядом с кроватью белый балахон. Когда-то белый цвет

ей изумительно шел, она всегда носила белое, сиреневое и желтое, а лучше всего выглядела в трауре по первому мужу. Строгое лиловое платье с белой оторочкой стало первым шагом к короне.

Элеонора накинула белое платье. К счастью, в комнате для гостей, обязательной для любой циалянкой обители, имелось зеркало. Правда, посеребренные стекла уже давно не радовали, а оскорбляли, но теща Его Величества постаралась распределить складки самым выгодным образом и перплела волосы, которыми по-прежнему гордилась. Она как раз закалывала косу, когда на пороге появилась Ее Иносенсия. Это было добрым знаком, Анастасия редко удостаивала своим вниманием земных владык, это они добивались ее аудиенции.

Элеонора Гризье преклонила колени и поцеловала сверкающий перстень.

– Прошу простить Ее Иносенсию. Я не знаю, почему мне стало дурно.

– Садитесь, сгнора, – произнесла Предстоятельница, подавая пример.

– Я чувствую себя вполне здоровой.

– Не сомневаюсь, ведь вам дали противоядие.

– Но...

– Вас отравили одним малоизвестным, но надежным ифранским ядом. К счастью, вы потеряли сознание там, где могли найти помощь.

Элеоноре показалось, что она ослышалась. Яд?! Но кто? Сторонники Тагэре предпочитают действовать мечами, хотя у погибших при Гразе остались матери, жены, любовницы. Яд – женское оружие.

– Ее Иносенсия спасла мне жизнь.

– Не думаю, что надолго. Здесь вы в безопасности, но только здесь. Мой долг и моя святая обязали спасти тех, кого можно спасти, но, быть может, я поторопилась.

– Ваша Иносенсия...

– Элеонора Гризье, – равнодушно произнесла Анастасия, – вы совершили достаточно преступлений. Заговоры против коронованных особ судит суд мирской, но святая Циала осуждает убийства и прелюбодеяния.

– Я БЫЛА женой Филиппа Тагэре, – выдохнула бывшая королева.

– Нет, и вы это прекрасно знаете. Бумаги сгорели, память о них тоже сгорит и скоро, но они были.

– Но вы же, – задыхнулась Элеонора, забывая, с кем говорит, – вы же поддержали Пьера Тартю.

– Верно, ибо то, что он делает, идет на пользу ордену. Но я никогда не одобряла его решение жениться на незаконно-рожденной и то, к чему это решение привело.

– Оно привело к тому, что у Арции есть королева и будет наследник.

– Сначала оно привело к тому, что у Арции появился законный король, которого никто не собирался допустить к

трону.

– Мой сын еще несовершеннолетний.

– Ваш сын мертв, сигнора. Вернее, ваши сыновья мертвы.

Убиты по приказу вашего зятя накануне свадьбы.

– Это ложь! Тартю разрешил мне свидание.

– Предварительно напоив вас ядом. Он не мог дольше тянуть, убийство решено свалить на Александра Тагэре, и чем скорей, тем лучше, но вы, сигнора, знаете, что племянники пережили дядю.

– Это знают многие!

– «Многие» забудут, мать вряд ли. По крайней мере, о матерях сложилось именно такое мнение. Мальчики были убиты по приказу горбуна в тот день, когда вы увезли их из дворца. Он разрешил вам это сделать, а ночью в Летнюю Резиденцию проник убийца. Думаю, ваши братья и старшие сыновья с этим согласятся.

– Кто их убил?

– Исполнители не важны, сигнора. Их убили вы, подсунув Пьеру Тартю дочь и потребовав признать ее принцессой Тагэре. Впрочем, до последнего он додумался бы и сам.

– Благодарю Ее Иносенсию. Я должна идти.

– Куда?

Куда?! Во дворец! Нет, сначала домой, у нее еще осталось зелье, отправившее Жаклин и Эдмона к райским вратам, Пьера оно отправит к адским. Домой, а потом к Тартю...

– Вы собираетесь мстить? Не советую. У вас ничего не

выйдет...

– Ее Иносенсия покарает убийцу!

– Убийцу? В этом королевстве их слишком много. Я могла бы покарать убийцу Жаклин ре Фло и Эдмона Гаэльзско-го, но убийца наказал сам себя. У вас один выход, сгнора. Остаться в обители и замаливать свои грехи. В свое время Пьер Тартю предстанет перед высшим Судом, но не раньше, чем исполнит то, что обещано ордену.

– Я не останусь!

Элеонора попробовала встать и не смогла, придавленная чудовищной тяжестью. Королева рванулась еще раз. Бесплезно. Она закричала, но губы не пожелали разжаться.

– Вы никуда не уйдете, Элеонора Гризье, – сообщила Ее Иносенсия. – По крайней мере, сейчас. – Узкая рука потянула шнур звонка, и дверь тотчас распахнулась, пропустив худошавую циалианку средних лет.

– По приказу Ее Иносенсии.

– Сестра Теона, – губы Анастасии тронула легкая улыбка, сделавшая ее еще прекраснее, – наша гостья остается с нами. Ее Величество решила оставить мир и оплакивать свои потери в стенах обители. Более того, она дала обет молчания и полна решимости его исполнить, не дожидаясь пострига.

Проводите новую послушницу в нижние комнаты. Я освобождаю ее от обязательной работы. Отведите ей келью, в которой ранее жила сестра Алмерия, и проследите, чтоб она ни в чем не нуждалась. Ее обет свят, никто из вас не должен

нарушать ее уединения. Идите, дочери мои.

Элеоноре хотелось закричать, распахнуть дверь, вырваться из обители на площадь, поднять бунт против узурпатора и убийцы, но ее тело покорно встало, преклонило колени перед ледяной красавицей в белоснежном одеянии, облобызало полыхнувший свежей кровью рубин и побрело к выходу.

Анастасия проводила глазами бледную, полную женщину, покорно плетущуюся за провожатой, и подождала, пока закрылась дверь. Пьер при всем его уме глуп – прилюдно хвалить ифранские яды, а потом отравить мать жены и отправить умирать в храм. Случай с принцами его ничему не научил. Вернее, научил – не доверять стали и чужим рукам... И все равно шить белыми нитками можно только белое.

Элеонора будет жить и молчать. Это дополнительная узда на Тартю. Кроме того, белобрысая корова успела нарожать прорву детей. Двое мертвы, один слеп, но Базиль Гризье может пригодиться, а девчонки наверняка выйдут замуж в самые влиятельные семьи. И это, не считая королевы и будущих наследников. Поймал кошку – поймал и всех ее котят. Магия крови – великая вещь, противиться ей могут лишь избранные.

**2895 год от В.И.
Ночь с 19-го на 20-
й день месяца Сирены
АРЦИЯ. МУНТ**

Румяный барон восседал во главе ломившегося от снеди и выпивки стола, красноречивым жестом приглашая всех желающих к нему присоединиться. Вывеска таверны «Щедрый нобиль» по праву считалась лучшей в Мунте, но кухня заведения была ее достойна. Увы, в последние месяцы посетителей поубавилось во всех столичных тавернах и «Нобиль» исключением не был. В самом деле, что за попойка, если нельзя брякнуть все, что заблагорассудится? Вот и нынешней ночью в уютном зале собралось куда меньше народу, чем хотелось хозяину. Несколько ифранских дворян, распорядившихся в Мунте, как дома, строившая им глазки куртизанка, помощники дарнийского негодянта, решившие, что лучше вовсе не ложиться, чем рано вставать, и двое нобилей, пристроившихся в дальнем углу.

Старший, седой и голубоглазый, заплатил вперед, бросив на стол необрезанную «филиппу»⁸, чем вызвал у трактир-

⁸ Полновесный золотой с профилем Филиппа Четвертого, по весу и чистоте золота превосходивший прочие ауры. Александр Тагэре, вступив на престол, распорядился продолжать чеканить филиппы, но с указанием года и месяца. По-

щика глубочайшее уважение, усилившееся после того, как гость потребовал дюжину бутылок «Львиной крови». Хозяин опасался, что подвыпившие ифранцы станут задевать столь достойных сигноров, но гуляки не обращали на них никакого внимания, чего нельзя было сказать о седом и его товарище.

– Не думал, что такая ерунда, как пьяные иноземцы, может вывести меня из равновесия, – заметил Рене Аррой, разливая вино, – еще одно доказательство, что я все-таки жив.

– Предлагаешь их прикончить? – задумчиво произнес Эрасти Церна, – пожалуй, можно. Обнаглевшим гостям следует намекать, что они не хозяева, а магия здесь без надобности. Семеро на двоих – это немного.

– Мало, – улыбнулся Аррой, – но я готов поделиться.

– Значит, мы их «проводим». Думаю, будет честно, если каждый возьмет себе троих, а седьмой пусть убирается. Тартю полезно знать, что маркиз Гаэтано жив, здоров и недалеко.

– Тоже верно, – Аррой поднял бокал, – чтобы оценить вкус вина, нужно ненадолго умереть.

– Или выбраться из клетки. За победу, Рене, и за тех, кто с нами!

– За победу и за тех, кто с нами и не ударит в спину, –

следняя партия монет была отчеканена в месяце Дракона 1895 года. Придя к власти, Пьер Тартю распорядился обрезать края монет, что изрядно уменьшало их стоимость.

уточнил Скиталец, – я верю, что ты знал, что делал, показавшись Анхелю, но ему я НЕ верю. Если выбирать из четверки грешников, то Филиппа.

– Не согласен. Филипп искренне протянет нам руку, а потом предаст. Не из корысти, из слабости. Я знаю, чего и когда ждать от Анхеля, а когда и на чем сломается Филипп – не угадать. И потом, как бы мы его ни искали, а мой лучший друг не мог не явиться в свой дворец. Надо сказать, он почти не изменился.

– Я тоже почти не изменился, – засмеялся Рене, – по крайней мере, так говорят эльфы, но я вернулся сам, и я свободен, а твой Анхель – раб, причем двойной, если не тройной, и при этом он знает только одного хозяина.

– Которого ненавидит и презирает. Уже немало. Рене, ты сможешь их уничтожить? Всех четверых?

– Думаю, что да. Мы – твари одной породы, значит, станем драться одним оружием. Я – один, но я вернулся раньше и успел привыкнуть к тому, кем стал. Если мы схлестнемся, наша магия уничтожит сама себя, и тогда все решат мечи. Это будет обычный бой Эрасти, только убитые больше не вернуться. Их не будет нигде, даже за Чертой.

– Обычный бой одного против четверых, – покачал головой Эрасти, – странное у тебя понятие об общности. Не знаю насчет Жоффруа и Лумэна, но Анхель – сильный воин.

– Я сильнее, – равнодушно откликнулся Аррой, – и я не удивлюсь, если Филипп Тагэре встанет рядом со мной. Если

б ты не удерживал меня, я б уже начал охоту. Их надо прикончить, и Тартю с его прихвостнями в придачу. Мне плевать на пророчества насчет тронов и бастардов, но эту мокрицу нужно раздавить.

– Вместе с орденами и ифранской сворой, я полагаю? Мы могли бы чудесно провести время, истребляя негодяев и спасая праведников.

– Вот уж кого не терплю, – хмыкнул Рене, – так это праведников. Посмотрели бы они на нас, кстати. Сидим в таверне, попиваем вино, собираемся прирезать каких-то ифранских наглецов... И это Проклятый и Скиталец! Несерьезно как-то!

– Переберемся на кладбище, – предложил Церна, – или на крышу сожженного храма? Рене, я не сомневаюсь, что после свершения Последнего Греха ты, шаля, справишься со всеми орденами, не говоря о смертных, что позорят сей бранный мир.

– Спасибо за доверие. Я в тебе тоже не сомневаюсь, а в эрмет⁹ я раньше играл неплохо, хоть и не любил это дело.

⁹ Эрмет, родившаяся в Эр-Атэве игра, напоминающая шахматы, но с гораздо большим числом фигур. Игра ведется на доске, разделенной на черные, белые и серые клетки. Фигуры делятся на три уровня. Фигуры первого уровня ходят лишь по своему цвету, второго по своему и серому, третьего – по всем. Игроки по желанию четыре раза во время игры могут обменять несколько фигур более низкого ранга на одну высокого, кроме Повелителя. Изначальный набор фигур случаен, так как перед началом партии игроки, не глядя, вытаскивают фигуры из закрытого ящика, причем на руку надевается толстая варежка, чтоб игрок не мог на ошупь определить, что выбирает. Традиционно партию начинают светлые, а

Да, мы «темные» и должны лишь отвечать, но правильно ли это? Может, лучше смахнуть фигуры с доски до того, как невидимки сделают свой ход?

– Я думаю об этом, – лицо Эрасти стало жестким, – если б не лиловый клирик, я бы рискнул, но начал не с орденов и не с Четверых, а с Вархи и только с Вархи. Втроем с Геро мы бы разнесли ее вдребезги, кто бы там ни засел, но эта церковная дурь заставляет задуматься. Почему ты не ищешь Геро?

– Потому что люблю, а сейчас нужно ненавидеть. Да и она... Ты сказал, что она бросилась в огонь из-за меня, а не из-за Тарры. Это похоже на Геро, но Эстель Оскора должна быть свободна от любви, иначе она дрогнет. И еще одно. Ты был учеником Ларэна, Эрасти, и ты раскопал правду о Белом Олене и Темной Звезде...

– Да, и что?

– А то, что я теперь в той же цене, что и Ройгу. Я НЕ знаю, что будет, если мы встретимся. Ты готов поклясться, что союз Эстель Оскоры и Вернувшегося не станет гибелью Тарры и что Геро переживет нашу встречу? Ты не знаешь, как водить на цепи собственную смерть и не давать ей сожрать тех, кто рядом? Я не могу потерять голову даже на миг...

– Геро все равно узнает, где ты и что с тобой.

– Знать – одно, встретить – другое. О, кажется, наши «друзья» собираются уходить.

Ифранцы и впрямь поднимались, опрокидывая стулья и

отпуская дежурные шуточки в адрес трактирщика, Мунта, Пьера, Арции и Триединого. Заплатить гости заплатили, но куда меньше, чем съели и выпили. Хозяин молча взял монеты, радуясь, что обошлось без драки. Не успела за гуляками закрыться дверь, как двое арцийцев поднялись со своих мест.

– Похоже, тебя обсчитали, – собеседник седого вышел на свет, и хозяин чуть не свалился в обморок, узнав маркиза Гаэтано, – на, держи, – в дрожащую руку упала еще одна филлиппа. – Нобили должны быть щедрыми.

– Благодарю монсигнора, но он рискует.

– Жизнь – это танец со смертью, почтеннейший. Ты нас не видел, мы здесь не были.

Когда утром молочник рассказал, что через семь домов от таверны на углу улицы Святого Эрасти нашли шесть трупов порранцев, трое из которых были убиты ударами в горло, а трое – в сердце, добрый трактирщик не удивился.

**2895 год от В.И.
Ночь с 19-го на 20-
й день месяца Сирены
ТАЯНА**

– ... и мы пошли в Таяну, а остальное ты знаешь, – Сандер поискал глазами, куда бы деть пустой кубок, и, не найдя на столе свободного места, подошел к окну и поставил на подоконник.

– Жабий хвост, – Луи потряс головой, словно отгоняя навязчивое, – что у тебя с ногой?

– С ногой? – Тагэре удивленно посмотрел на свои сапоги. – Ничего...

– Ты больше не хромаешь!

– Святой Эрасти, как быстро забываешь о плохом... Да, не хромаю. Мне повезло, ифранцы перебили мне именно те кости, что неправильно срослись, и Ликэ меня вылечила от двух ран сразу. Жаль, ее хозяйка увела, вы должны стать друзьями.

– Да за то, что она для тебя сделала, я ее на руках носить буду!

– Не надо, – засмеялся Александр Тагэре, – я сам...

– Вот как, – карие глаза Луи блеснули прежним блеском, – значит, ты влюблен? В такое-то время...

– А в другое у меня вряд ли бы получилось. Мы и встретились, потому что война, потому что я проиграл и умирал. А от тебя ничего не спрячешь! Одно слово – внук Обена.

– Последний внук... Сандер! Мы надеялись, что ты жив, но... Проклятый, да я сегодня впервые за полгода усну спокойно! У меня снова есть король, как же это приятно. Давай выпьем!

– Мы и так целую ночь пьем.

– За такое месяц – и то мало... Если серьезно, знал бы ты, как я устал... Я ведь думал, что я один. Это потом мне сказали про Рито, про тебя... Вообрази, Хайнц объявил меня командором и потребовал приказаний.

– Ну и?..

– Ты же знаешь дарнийцев, не отстанут, пока своего не добьются. Так что пришлось мне их строить и вести вместе с Шаотаном и другими уцелевшими к Лосю. Ты не представляешь, чего я натерпелся. Все время думал, что будет, если Рорик предаст, ведь это я их в Гвару тащу, и никто другой! Все время дергался, то хотел повернуть на Эльту, то вовсе в Оргонду, а эта дубина Хайнц только и делал, что ныл. То одно ему прикажи, то другое... Думал, с ума сойду. И как ты с целым королевством управлялся?

– Так же, как и ты, – улыбнулся Сандер, – думал, с ума сойду. Ну, командор, что делать будем?

– Жабий хвост, ты не только хромать перестал, ты дразниться начал. Какой я, к Проклятому, командор?!

– Арцийский! – твердо ответил Александр. – Если я – твой король, то ты – мой командор, а будешь спорить, станешь маршалом. Ты, как я понимаю, сюда за помощью приехал и устроил это Лидда?

– Кто ж еще, они со здешним королем давно переписываются. Правда, все больше по торговым делам. Лидда с Лосем хотят поднять Эстре, но этого мало. Рассказать тебе про таянцев?

– Конечно, но они мне уже нравятся.

– Еще бы, они всем нравятся, кроме тех, кому **ОЧЕНЬ** не нравятся. Ты про Войну Оленя хоть что-то знаешь? Я не про церковную брехню.

– Представь себе, знаю. Я читал письмо Усмана, и Ликэ кое-что рассказывала.

– Да, Сандер, непростую подружку ты себе нашел.

– Луи, не называй ее так. Она не подружка.

– Прости... Я поглупел, наверное.

– Давай лучше про Таяну. Я знаю, что здесь было шестьсот лет назад, а что теперь?

– Таяна воюет, Сандер. С фронтерцами, но это так, развлечение, и с соседями с севера и северо-востока. Эти хуже. Уж на что я наших антонианцев не терплю, но в Биллане и Тарске заправляет такое, в сравнении с чем покойный Орест покойным же Пьером покажется. Там и жертвы человеческие, и прочая похабень. Это не шутки и не вранье. Помнишь тех тварей, что в Лиарэ детей и девчонок убивали, из-

за чего Марту чуть не сожгли? Они из здешней стаи! Короче, если б ни Таяна, эта нечисть уже по всей Арции бы гуляла, но и это не все... Мы с тобой выпили хорошо, но я понимаю, что говорю. Тут живут орки и эльфы.

– Орки и эльфы? – Александру показалось, что он ослышался.

– Орки, ну, это они сами себя так кличут, а люди их гоблинами называют. Это горцы. Забавные такие, чем-то Лося напоминают. С непривычки чуть ли не чудищами кажутся, а приглядишься – ничего себе, даже красивые по-своему. Здоровенные, смуглые, глаза желтые, и вообще морды рысьи какие-то. Выносливые, как кони. Сами про себя говорят, что у них нет души, верят в Старых богов, ну, то есть совсем в Старых, потом расскажу. Так вот, есть южные гоблины, а есть северные. Южных еще рэнноками называют, они – союзники Таяны, но их меньше, чем Северных.

– А северные – враги?

– Смотри-ка, а ты не поглупел, с ходу все понимаешь. Северные в союзе с этими самыми Билланой и Тарской, но зато там люди подгуляли, до таянских конников им, что Рогге до Мальвани. Ну да Проклятый с ними со всеми, ты пословицы-то помнишь? «Красив, как эльф», «Поет, как эльф» и так далее?

– Помню, конечно...

– Ну так вот, они и вправду есть. Эльфы то есть. Я видел пару штук, и впрямь красавцы хоть куда. В придачу бес-

смертные, вечно молодые и магией владеют да так, что закачаешься. Как поют, правда, не слыхал, но, думаю, неплохо. Правда, мало их, но зато они на нашей стороне... Я должен был к ним поехать, как с границы вернусь, меня же Золтан из засады выдернул... Ничего, теперь к эльфам вместе отправимся, только Новый год отгуляем.

– Ты меня совсем запутал. Эльфы, орки, Новый год. Бред какой-то.

– Новый год отнюдь не бред. До него девять дней осталось, Анджей тебя раньше не отпустит.

– Анджей – это король? Стах вроде говорил.

– Он самый, Анджей Гардани. Не будь ты моим королем, я бы к нему подался. И дети ему под стать, четверо сыновей и дочка, будет красавицей, уже сейчас видно, а пока – бесенок в юбке. Да, у короля, вернее, у королевы, есть две племянницы. Жаль, Тартю решил жениться на Норе Вилльо, а не на младшей Ракаи. Он ее заслуживает...

– Неужели так страшно?

– Снаружи – нет, а внутри надо б хуже, да некуда. Она и тетушку свою измучила, и сестру, как Беата только ее терпит...

– Беата?

– Так зовут старшую.

– Я понял.

– Жабий хвост, ты о чем? – Луи неестественно расхохотался.

– Если хочешь, ни о чем, но ЕЕ зовут Беата.

– Сандер, не шути так. Я и видел-то ее всего раза четыре.

Нас Ежи познакомил.

– Ежи?

– Ежи Гардани, наследник Анджея. Тут все друг друга по именам называют или по прозвищам. И на «ты». Выпили по-особому, и все. Никаких титулов, если ты свой! Они вокруг да около не ходят и на завтра ничего не откладывают. Из-за войны, наверное. Мы себя воинами считали, но у нас все не так – сложнее и похабнее. И с врагами миримся, и с друзьями ссоримся. Еще бы, у нас от войны до войны и десять лет проходило, и все пятьдесят, а тут... Зато Стэнье и Вилльо тут не найдешь. Нет им здесь места! – Луи вскочил, и Сандер понял, что он пьян и сильно пьян. – Хайнц хочет разрубить эту тварь пополам, но я ему не дам. Не дам, слышишь?! Стэнье не умрет сразу, он будет подыхать десять, сто раз! По разу за каждого... Ты понимаешь, что нас осталось трое?!

– Четверо, – тихо проговорил Александр, – даже пятеро: ты, я, Рито, Сезар и Поль... Ты кого-то забыл.

– Сезара не было в Гразе. Поля тоже. Они наши, как Жорж, Лось, Лидда, но их там не было! Не было! – Луи сорвался на крик. Раньше он никогда не кричал, только смеялся. Сандер вскочил и схватил друга за плечи.

– Прекрати! Немедленно! Я тебе приказываю, Проклятый тебя побери! – Луи вздрогнул и посмотрел на своего короля взглядом только что разбуженного человека. Нет, он не был

пьян, просто выдержанное горе пьянит не хуже выдержанного вина. – Хватит, Луи, – повторил Сандер, – принеси мне вина, и выпьем за всех, кто остался в Гразе. Они все равно с нами, пока мы живы, они нас в беде не бросят.

Луи кивнул и вышел. Сандер отошел к окну, глядя на холодную, зимнюю зарю. Странная земля, странные люди, верные прошлому и самим себе. Как же отсюда далеко до Мунта, но он вернется домой, обязательно вернется. Скрипнула дверь. Луи принес не вино, а царку, но это было даже лучше. Сандер наполнил высокие серебряные стопки, украшенные изображением рыси. Луи Трюэль молчал, губы у него дрожали, и Александр прекрасно понимал почему. Все эти месяцы Луи держал себя на цепи, он отвечал за других, ему было не до собственной боли, но теперь за все вновь отвечает король. Напряжение спало, и накатило отчаяние.

– Луи, – Сандер поднял стопку, – пока жив хотя бы один из «волчат», живы все. За нас, живых и мертвых. И за победу.

– Арде!

Царка была крепкой и к тому же настоящей на чем-то остром, Александру показалось, что он хватанул жидкого огня. Луи тоже зажмурился и затряс головой, но когда друг открыл глаза, Сандер понял: граф Трюэль с собой справился.

НЭО РАМИЭРЛЬ

Падение в Бездну казалось бесконечным и не страшным, а прекрасным. Как часто мы считаем смертью то, что становится началом жизни. Рамиэрль знал, что они летят в пропасть, но знать и чувствовать – разные вещи. Нэо казалось, что время остановилось и он тоже стоит на месте, а мимо них несутся алые и багровые искры, словно идет пылающий снег, и искр этих становится все больше и больше, они сливаются в пламенные язычки, колеблясь и танцуя, как огоньки свечей. Огоньки превращались в огни, огни в костры, костры в сплошную огненную стену. Эльф понимал, что нужно ставить защиту, собственно говоря, это следовало сделать сразу же, как они шагнули во тьму, но ему было лень. Затянувшийся прыжок в никуда казался сном, тем самым сном, в котором приходит ощущение полета и невозможной, всепоглощающей радости. Нэо забыл даже о друзьях, замороженный незнакомыми ощущениями. Когда его ноги коснулись упругой поверхности, он, вопреки всему, почувствовал себя обиженным. Сказка кончилась, начинались странствия.

Тропа встретила их горной свежестью и забытым ощущением покоя и безопасности. Кто бы ни создал коридор, начинавшийся у врат Луцианы, он надежно защитил любого путника от багрового пламени, бушевавшего за невидимыми стенами. Света хватало, и Рамиэрль мог разглядеть удив-

ленные лица своих спутников, да и сам он вряд ли выглядел умнее. Они были готовы ко всему – от мгновенной гибели до опасностей семицветного пути, по которому они с Норгэрелем вырвались за пределы Тарры, а оказалось, что никакого риска нет. Их ждала торная дорога, словно бы сама бежавшая навстречу, свежий ветер, доносивший шум отдаленных потоков и непонятная, но несокрушимая уверенность, что уж теперь-то все будет хорошо.

Рамиэрль загадал, что, если первым заговорит Норгэрель, они сразу же отыщут Ангеса, а если не выдержит Аддари, им придется немного поплутать. В последнем Нэо, к слову сказать, не сомневался, равно как и в том, что по натуре живой и общительный Солнечный не преминет поделиться своими чувствами со спутниками. Разумеется, так и оказалось.

– Что это? – Аддари закинул голову вверх, рассматривая пламенные своды, жара от которых не ощущалось.

– Видимо, Бездна, – засмеялся Роман, протянув руку в тщетной попытке коснуться немедленно отступившей стены. – Альмик много потерял, что мы не дали его низвергнуть. А где Волчонка?

– Пошла домой, – предположил Норгэрель. Скорее всего, он был прав, но Роман ощутил странную досаду, Тварь-из-Бездны казалась такой верной и привязчивой. Настроение безнадежно испортилось, но Нэо давно приучился скрывать свои чувства, да и Аддари с Норгэрелем не были виноваты в забывчивости льямы.

– Домой так домой, нам тоже пора.

Как все же иногда приятно не иметь выбора. У них был только один путь по коридору в океане пламени, и они им воспользовались, но путешествие оказалось коротким. От багрового свода медленно отделился лепесток, он загибался внутрь коридора, затем на его конце вспыхнула синяя звезда, но звездой она пробыла очень недолго. Лучи засыпающим цветком загибались внутрь, охватывая огненный вырост, который, в свою очередь, изо всех сил тянулся к путникам. Трое эльфов с недоумением наблюдали, как на сгусток пламени натягивается синий, переливчатый «чулок», затем пуговина лопнула. Синий «мешок», оторвавшись от породившего его огненного моря, повис в воздухе, неистово извиваясь, его очертания стремительно менялись, и, наконец, к Роману бросилась его огненная спутница, заботливо окруженная защитным коконом.

Обжечь льяма не могла, но вот сбить с ног... Роман с трудом выдержал проявление бурной радости и, смеясь, отвел от себя сверкающую «морду».

– А я рад, что она вернулась, – признался Аддари, – без нее было как-то... словно нас бросили. Но куда она делась и как появилась?

– Слилась с пламенем, – предположил Норгэрель, – а когда мы пошли, бросилась нас догонять. Тот, кто создал дорогу, озаботился, чтобы льямы не причиняли вреда путникам, хотя проще было бы ее просто не пропустить. – Не знаю, –

Рамиэрль погладил прохладный синий загривок, и обрадованная лляма предприняла очередную попытку опрокинуть своего кумира. Чувствовать прикосновение через кокон она не могла, но ей было довольно внимания. – Вот уж не ожидал от нее такой привязчивости.

– Врешь, ожидал и даже очень, но теперь можно немного и пококетничать.

– Неужели она всего лишь часть этого огня? – Норгэрель, как всегда, задавал нужные вопросы. – Тогда это пламя живое?

– Не думаю, скорее искра, каким-то неведомым образом заработавшая что-то вроде души и разума. Как бы то ни было, Волчонка, хорошо, что ты вернулась. А теперь пошли.

Упрашивать лляму не понадобилось. Высоко подпрыгнув на месте, что у нее и раньше служило проявлением радости и согласия, огневушка опрометью бросилась вперед.

2895 год от В.И.
20-й день месяца Сирены
АРЦИЯ МУНТ

Тиран повержен. Жертвы отмщены
И да покоятся отныне с миром.
Прочь, царство крови, прочь!
Заменим меч на лиру,
Мы светом правоты своей сильны!

Высокий красивый актер, чье сходство с Пьером Гартю ограничивалось лишь наличием рук, ног и головы, с пафосом поднял одной рукой огромный двуручный меч. Картонный, разумеется. Отрок-хорист в белом, изображающий спасенную принцессу Элеонору (изначально царевну Галлиопию), преклонил перед спасителем колена и увенчал оногo весьма кстати оказавшимся в страшной темнице венком из белых лилий. Актер снова поднял меч и заговорил о торжестве справедливости и закона и преимуществе сохранения добродетели и девственности, потом передал меч стоявшему сзади рыцарю, взял прекрасную деву на руки и унес под звуки фанфар. Театр взорвался восторженным ревом. Горожанки в кружевных наколках утирали слезы, мужчины были более сдержанны, но небывалое зрелище проняло и их.

Актеры вышли на поклон. Высокий красавец в короне снова поднял меч, подошел к краю сцены и проникновенно прочел сонет о союзе меча и розы. Когда в притихшем зале прозвучала последняя фраза «так мир спасает Добродетель», все женщины были готовы пойти за прекрасным и благородным Тартю на край света и дальше. Каждая дама чувствовала себя королевой, красавицей, счастливо избежавшей бесчестия и постылого брака, а каждый мужчина был суровым и непобедимым бойцом, защитником справедливости и победителем тирана.

Бриан от восторга стиснул брата в объятиях, но аскетическое лицо старшего Перше было возмущенным и испуганным.

– Зачем ты это сделал? – Арман обладал достаточно громким голосом, и Бриану стало не по себе от мысли, что кто-то их услышит.

– Поговорим дома...

– Нет, – настаивал Арман, – нужно сейчас. Нужно выйти и сказать, что это ложь, что они смотрели не ту пьесу. Я не мог написать такого! Не мог и не написал.

– Ты и не писал, – торопливо зашептал Бриан, – мы писали вместе, я немного тебя подправил...

– Подправил?! – взвился поэт. – Ты все извратил! Все! Я на примере древнего тирана хотел показать, что цель не оправдывает средства, нельзя идти к трону по трупам, ибо возмездие неизбежно... А что сделал ты? Все знают, что у

Александра не было любовниц и что он защищал своего брата-пьяницу. А королева, она же с родичами всю страну разорила, а тут все наоборот! Нужно объяснить...

– Да погоди ты! – зашипел Бриан. – Ты подумай, у нас теперь свой театр. Твои пьесы будут идти, их увидят люди. И все потому, что я догадался немного переделать одну трагедию. Ну, поменял я имена. Но ведь это и все. И какой успех!

– Но это неправильно, – поэт продолжал возражать, но Бриан услышал в его голосе неуверенность и поспешил развить свою мысль.

– Что неправильно? Что ради Театра, ради того, чтобы люди смогли увидеть твои пьесы и приобщиться к высокому искусству, стать добрее и умнее, пришлось пожертвовать памятью одного короля? Да через сто лет всем будет плевать, каким он был, этот Александр Тагэре, тем более после него не осталось ни семьи, ни друзей. Искусству он, кстати говоря, не помогал, ему воевать и возиться с грязными крестьянами было важнее. Я портил глаза за чужими бумагами, а ты и во все. – Бриан осекся, так как напоминать брату, что тот сидел у него на шее, в данный момент не стоило... – Нет, Арман, мы Тагэре ничего не должны. Зато теперь твоя пьеса будет жить и разоблачать тиранов всех времен и народов. Мы пожертвовали одним человеком, который все равно умер, ради высшей цели, высшей справедливости. Не все ли равно, кто говорит последний монолог: Пьер Тартю или Ариэн Великолепный, главное – смысл и форма. Чего тебе еще нужно?

А потом, если подумать, что мы знаем про Тагэре. Он вполне мог скрывать свои преступления, ведь Церковь подержала нового короля, и вообще, нам нужно подумать о новых спектаклях. Теперь для разнообразия нужна комедия.

– Комедия? Может быть, возьмем Лаису и Луиса?

– Пожалуй...

– Господа, – сигурант в алом королевском бархате подошел к братьям Перше, и выражение его лица было необычайно любезным. – Его Величество наслышан о представлении и желает увидеть его во дворце во второй день Нового года.

– Вот видишь, – торжествующе заявил Бриан, – мы станем королевской труппой. Ты будешь писать свои пьесы, я их править и ставить. Мне не надо будет больше корпеть над бумагами и решать, кому сначала платить – молочнику или зеленщику, а у тебя будет театр и зрители. Ты сможешь объяснить народу, что такое добро, зло, любовь, правда, и все это потому, что я в одной пьесе переделал имена. Ну, согласись, оно того стоило!

ЭСТЕЛЬ ОСКОРА

На первый взгляд, Гелань не так уж и изменилась, но меня это почти не тронуло. Я прекрасно помнила, что со мной творилось, когда мы с Эстелой оказались в Мунте. Тогда прошлое чуть меня не задушило, но столицу Таяны я оставила сразу после своего «второго рождения» в домике лекаря Симона. Я не успела ни полюбить город, ни возненавидеть и поэтому была спокойна.

Стах и Золтан, добровольно ставшие моими рыцарями, с гордостью указывали мне на местные достопримечательности, я кивала и делала большие глаза. Все были довольны и исполнены собственной значимости.

Доставшаяся мне белая длинногривая кобыла была славной лошадкой, но управиться с ней без помощи эльфийской магии я вряд ли смогла бы. К счастью, мои спутники этого не знали и смотрели на меня с уважением, как на хорошую наездницу. Мы ехали по трое в ряд по веселым и шумным улицам, нам махали из окон, по бокам кавалькады бежали с деревянными саблями мальчишки. Таяна была красивой, свободной и диковатой, как необъезженная лошадь. «Тварь-из-Моря» то ли ничего не могла с ней поделать, то ли не сочла нужным, сосредоточившись на Арции.

Я улыбнулась дану коронному и украдкой глянула вперед, на Александра. Утром мы чуть не подрались, но я настояла

на своем: рядом с королем Арции должны ехать таянский принц и граф Трюэль, а не лесная ведьма, кем бы она ему ни приходилась. Иногда Сандер бывал ужасно упрямым, но Луи как-то его уболтал, полагаю, с помощью очередных рыцарских глупостей насчет моей репутации, словно мне могло что-то повредить. Как бы то ни было, Александр Тагэре занял почетное место во главе процессии, а я оказалась между рубакой Стахом и изящным Золтаном, которые наперебой рассказывали мне о таянских делах и обычаях. За прошедшие шесть веков здесь случилось немало, но Таяна осталась сама собой, не то что Арция. Конечно, дружба с гоблинами и эльфами и бесконечные войны наложили свой отпечаток, но ядро осталось прежним.

Наши дрыганты весело цокали подковами по булыжным мостовым, я узнавала улицы и площади. Дома в центре стали повыше, прибавилось статуй и памятников, а в лицах многих горожан отчетливо проступали гоблинские черты, но это была Гелань. Это были друзья и союзники. Мы миновали площадь Ратуши с ее четырьмя фонтанами и свернули на широкую улицу, которой я не помнила и не могла вспомнить, так как появилась она много позже моего ухода. Улица Гардани, так ее назвал Золтан – и тут прошлое наконец-то схватило меня за горло. Когда-то Шани Гардани был моим лучшим другом, он знал про меня все. Даже больше, чем Рене, а теперь от него осталось лишь имя и...

Работу Клэра я узнала сразу! Улица Гардани пересекала

другую, и на перекрестке кто-то (кто-то... эльфы, разумеется!) разбил сад, посредине которого стоял конный памятник, казавшийся живым. Гардани в одежде рядового «Серебряного», которую он всегда носил, легко сдерживал расшалившегося коня, одновременно вглядываясь куда-то вверх, словно следя за пролетающей птичьей стаей. Я не могла оторвать взгляда от лица Шани, казавшегося чуть старше, чем тогда, когда мы расстались. Как оказалось, навсегда.

Я знала о мечте Клэра повторить Всадников Горды, передав в камне ощущение мощи и полета, не знаю, удалось ли это ему, но Шандер! Я хорошо помнила это его выражение – задумчивое и вместе с тем твердое. Для меня он умер только сейчас, потому что одно дело понимать, что в одну реку дважды не входят, а другое вернуться к тем, с кем ты говорил, смеялся,пил из одного кубка, и взглянуть в глаза каменному изваянию.

– Данна Ликия устала? – иногда чужая забота вызывает искреннее желание убить. Я улыбнулась.

– Нет, я просто засмотрелась. Такой красоты нет даже в Мунте.

– А то ж, – Барсук очередной раз подкрутил многострадальные усы, – то ж не абы кто, а эльфы делали. Они с покойным крулем не разлей вода были, вот и сделали статую. Чисто живой, глаз не оторвать! А конь! Каждую волосинку в гриве посчитать можно.

– Эльфы? – я не сумела себя сдержать, но Стаха дрожь в

моем голосе несколько не удивила.

– Они! Дивный народ! Данна ж не знает, они ж с Арции ушли и теперь у нас живут. Мы союзники и друзья. Мы их защищаем от «рогатых» и прочей погани, а они нас от Зла, что в Вархе засело. Мало их, здесь они редко бывают, разве что когда Круль умрет да гомона нового назовет. Но к себе кое-кого пускают. Я, – Стах подбоченился, – был у них аж три раза. Они, эльфы то есть, вроде людей, только красивые, глаз не оторвать, и старости не знают. Зато, уж простите, данна, с детишками у них плохо, потому и мало их. Грустные они, как деревья по осени, хотя Круль ихний, Емзаром прозывается, посильнее будет.

Эмзар! Он жив и в Таяне. Стережет Варху и дружит с домом Гардани. А Клэр с ним и утешился в творчестве. Я должна их увидеть, но не сразу, не надо привлекать внимание к своей персоне. Я всего лишь арцийская колдунья, спасшая раненого короля и ставшая его любовницей. Здесь идет война, и, надо полагать, чужих ушей в Гелани хватает, ройгианцы всегда умели шпионить. Мне хотелось расспросить про Шани, но я боялась не выдержать и проговориться, и еще я мучительно не хотела услышать что-то вроде «вот так он и умер». Я до сих пор думала о нем, как о живом. Воистину, Геро, тебе следует дружить лишь с эльфами, над жизнями которых время не властно...

Памятник остался сзади, город тоже, мы перешли так и не смиренную зимой Рысьву и поехали вдоль берега. Стах про-

должал меня развлекать, показывая то башни иглеция святой Мариты, на могиле которой даже зимой не вянет шиповник, то огромное засохшее дерево, на котором внук Шандера и Иланы повесил пять десятков ройгианцев, попытавшихся проникнуть в Высокий Замок, то замковую гору, закрывавшую чуть ли не половину неба.

Все эти годы я не вспоминала об этом месте, и зря! Оно было пропитано древней Силой, и оно было прекрасно. Мощные укрепления, трижды опоясывавшие крутой холм, вернее, невысокую гору, рвущиеся в небо башни, над которыми реяли сигны Гардани.

Здесь я провела почти два года, полюбила принца Стефана, вышла замуж за его отца, зачала ребенка от Ройгу, а потом бежала вместе с Преданным, давным-давно сгоревшим на алтаре Ангеса в Сером море. Стефан... Ну почему я не могу хотя бы взгрустнуть, вспоминая о нем, а один лишь вид герба Гардани заставляет меня дрожать? Я ведь любила наследника Ямборов, так любила, что пошла против воли отца, которого боялась до обморока. Боялась, пока не пришла в себя в халупе на Лисьей улице и не увидела над собой лицо Романа. Неужели он тоже здесь? Он должен знать про Рене, а я, я должна извиниться перед ним за украденное Кольцо, которое вернула истинному владельцу, знать бы еще, где этого Проклятого сейчас носит.

2895 год от В.И.
24-й день месяца Сирены
ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Обсаженная высокими кленами дорога извивалась вместе с рекой, на голубом снегу синели заячьи следы, синевой было пропитано все, зима кончалась да и год тоже.

– Ну, опять задумался, – Луи старательно засмеялся и столь же старательно добавил: – Жабий, знаешь ли, хвост!

– Задумался, – не стал отпираться Александр. – Великолепный замок, я бы его брать не решился.

– Высокий Замок один раз взяли, – тихо сказал ехавший рядом принц Ежи, – предательством и обманом, разумеется. Михай Годой. Вы слышали о таком?

– Война Оленя... Мне рассказали, как было на самом деле. Мы в Арции выросли на лжи.

– Именно, – вмешался Луи, – здесь тебе многое расскажут, а будет время, сходи в галерею на портреты посмотри. У нас кое-кого попрятали, а здесь висят. Я сначала поверить не мог...

– А я заранее верю, хоть пока не знаю, во что. – Последний из Королей потрепал Садана по шее и оглянулся, ища взглядом Ликию. Та ехала чуть сзади со Стахом Тондой и Золтаном Гери, и Александр вдруг безумно испугался, что скоро

ее потеряет. Захотелось развернуть коня и броситься назад, но он с детства научился сдерживать свои порывы, тем более впереди мелькнуло что-то яркое. – Ого, – Ежи улыбнулся, – отец не выдержал!

Но Александр и сам понял, что всадник на леопардовом дрыганте, похожий на вдруг постаревшего Ежи, и есть Анджей Гардани. Садан, повинувшись хозяйской руке, прыгнул навстречу. Арциец и таянец встретились у высокой серой скалы, в которую каким-то немислимым образом вцепился растрепанный куст. Анджей протянул руку, и Александр с готовностью ее пожал, с интересом разглядывая таянского короля.

Анджею было около пятидесяти. Темноволосый и темноглазый, с худощавым волевым лицом, на котором оставила свою метку вражеская сабля, он казался простым и честным воином, но запутавшаяся в густых усах улыбка напомнила Сандеру Обена Трюэля. Гардани был не только рубакой, но и политиком, причем не последнего разбора.

– Я счастлив принимать в своем доме потомка Рене Арроя.

– Я не знал, что у меня есть союзники в Отлученных землях, – улыбнулся Александр.

– Гардани помнят свою клятву, даже если те, кому она была принесена, о ней забыли. То, что я узнал из письма графа Лидды и рассказа сигнора Трюэля, настораживает. Нас ждет долгий разговор, но позже. Сначала вам нужно отдохнуть и

оглядеться. Таянцы всегда отличались от тех, кто живет за Гремихой, а за пятьсот лет разрыва мы изрядно друг от друга отвыкли. Ваши покои готовы, а вечером нас ждет малый пир.

– Дан Анджей, – твердо сказал Александр, – со мной женщина, которой я обязан жизнью и которую я люблю. Она еще мне не жена, но она ею станет, как только мы вернемся в Арцию.

2895 год от В.И.
24-й день месяца Сирены
ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Гражина не поехала встречать Александра Тагэре, пусть этот арцийский граф не думает, что она за ним бежит. Беата увидит, что ей совершенно все равно, и вообще это раньше Луи Трюэль был графом, а теперь он – изгнанник, которого приютил Лиддский господарь, а Лидда раз в сто меньше Таяны. Ну, пусть не в сто (с землеописаниями у племянницы королевы всегда было худо), но в пять точно. Если Луи настолько глуп, что сказал Беате, что у нее глаза, как звезды, то пусть на них и любуется. Гражина со злостью всадила иголку в вышивание, словно изображенные на будущем покрывале атриолы были в чем-то виноваты. На башне пробило третью орудие, а Беата убежала – не было и двух, скоро вернутся, ну и пусть! Она вышивает, это ей интересней, чем все арцийцы мира.

Девушка упрямо склонилась над пальцами, но сегодня все было против нее. Игла кололась, нитки путались, наперсток норовил свалиться с пальца и закатиться в самый дальний угол, и в довершение всего тетушке вздумалось мучить лютню. Ненавистная серенада, посвященная пустоголовым Золтаном Гери все той же Беатке, заставила Гражину от-

швырнуть вышивание.

Племянница Ее Величества несколько раз обошла комнату, не зная, за что приняться, и остановилась у зеркала. Как всегда, она не понимала, где у мужчин глаза. Она красивее Беаты, намного красивее, но ей приходится довольствоваться объедками со стола старшей сестры, которая, по мнению Гражины, была толстовата, слишком румяна, плохо танцевала. Вдобавок Беатке приходилось чернить брови и ресницы, но молодые нобили от нее словно с ума посходили.

Только за эту зиму руки старшей из сестер Ракаи просило восемь человек, за двоих из которых Гражина с удовольствием бы вышла сама, а эта дура не захотела. Теперь она, самое малое, год будет торчать в Высоком Замке и мешать сестре занять достойное положение, а скоро подрастет Ванда. Если не успеть выйти замуж, то все кавалеры оставят племянницу королевы ради дочери короля. Ванда, как назло, превращается в красавицу, уже теперь видно...

Гражина с ненавистью посмотрела на незаконченную вышивку и бросилась к зеркалу. Ну и что, что она решила никуда не выходить? Привести себя в порядок она может, она до сих пор не надевала новую сетку для волос, надо попробовать. Девушка тщательно расчесала и уложила блестящие темные волосы. Получилось очень даже ничего, и настроение улучшилось. Гражина себе нравилась и не понимала, почему первой красавицей Таяны называют то сестру, то молодую жену Стефана Гери.

Очередная победа любой из соперниц вызывала в сердце Гражины ярость, смешанную с недоумением. Последний удар нанес девушке посол графа Лидды, который, выбирая на правах гостя себе даму на весь вечер, подал руку Беате, хотя видел ее в первый раз в жизни. Слушая веселый смех сестры, Гражина готова была запустить и в нее, и в красивого арцийца подсвечником или хотя бы лежащими на подносах розовыми зимними яблоками. Потом посол вместе с Ежи отправились на фронтерскую границу, их ждали к Новому году, но не прошло и кварталы, как примчался молодой Золтан Гери и что-то сообщил королю и этой дуре Беатке.

Сестра объявила, что, оказывается, в Таяну приехал изгнанный арцийский король и Луи отбыл его встречать. Гражина назвала сестру лгуньей, но тетя заставила ее при всех извиняться. Оказалось, противная Беата сказала правду, и тогда Гражина наотрез отказалась принять участие во встрече. Тетка в ответ только рукой махнула, – дескать, кошка из кухни, повару спокойней. Теперь сестрица воркует с целой толпой «Серебряных», а она из-за нее сидит одна с дурацким вышиванием.

Со двора раздался шум, звон, веселые громкие голоса, и Гражина, слегка отдернув занавеску, глянула вниз. Вернулись, прах их побери! Девушка увидела дядю Анджея и рядом с ним кого-то незнакомого в темном плаще. Лица арцийца было не разглядеть, но в том, что это был он, Гражина не сомневалась, он ехал рядом с королем и под ним был

такой конь, в сравнении с которым лучшие скакуны замковой конюшни казались деревенскими клячами. Интересно, каков он, этот Александр Тагэре? Жены у него нет, это она узнала. Если он недурен собой, она могла бы выйти за него и утереть нос и Ванде, и Беате.

Арциец ловко спешился, и его заслонил навес. Подъехали Ежи и какая-то женщина! Белая кобылица, на которой сидела незнакомка, казалось, слушалась мыслей всадницы. Кокетливо подойдя к спешившимся рыцарям, лошадка остановилась, помахивая хвостом. Анджей сам помог сойти наезднице, и это могло означать лишь одно: незнакомая женщина была спутницей Александра Тагэре, и не просто спутницей, а женой или невестой. Гражина со злостью отвернулась от окна. Раз так, она никуда не выйдет, останется у себя, и пусть знают...

НЭО РАМИЭРЛЬ

Врата никто не охранял, да их, собственно говоря, и не было. Просто огонь сменился камнем, а созданный Силой тоннель плавно перешел в обычную пещеру – сырую, темную и холодную. Капли, стекая по стенам, отражали зажженные тремя эльфами огоньки – золотистый и два голубоватых – и переливались, как драгоценные камни. Льяме это место не нравилось, и она путалась в ногах Рамиэрля. Окружавший порождение Бездны голубоватый кокон начал таять, и Нэо едва успел накинуть на свою опасную подружку новый.

– Хотел бы я знать, куда нас занесло на этот раз... Аддари, боюсь, ты зря пошел с нами.

– Моя дорога – это моя дорога, – отозвался Солнечный принц. – Я не создан ни для покоя, ни для бунта, значит, Луциана не для меня.

– Норгэрель, – засмеялся Нэо, – было время, когда Тарра была исполнена Света. Как ты думаешь, нас бы тоже погнало из дома?

– Ты бы точно ушел, да и я, наверное, тоже, – сын Ларэна и Залиэли понимал шутки, но сам шутил редко и словно бы извиняясь. – Это так хорошо – уйти самим, зная, что дома все в порядке. Дорога, она ведь для избранных, а большинство хочет покоя и уверенности, что завтра будет не хуже, чем сегодня.

– Я тоже хочу, – заверил Рамиэрль, – по крайней мере, здесь. Не нравится мне этот склеп.

– Ты что-то чувствуешь? – быстро спросил Аддари. – Я – нет.

– И я нет, – признался Нэо, – пещера как пещера, это-то и плохо, она может быть очень большой.

Она и оказалась большой, но не бесконечной. Они два раза делали короткие привалы и один раз позволили себе «переночевать», хотя, весьма вероятно, наверху царил день. Рамиэрлю уже начало казаться, что выбранное им направление было ошибочным, но сверху потянуло свежестью, а затем каменные своды расступились, туннель превратился в расщелину. Погода оказалась не из лучших, было сыро, накрапывал дождь, льяма совсем сжалась, но ей было лучше всех – заклятия Рамиэрля не только спасали путников от жара огненной твари, но и защищали саму тварь от льющейся с неба воды.

– Мы прыгали в Бездну, а не в лужу, – заметил Нэо, смахнув со щеки крупную каплю, – но, вообще-то, здесь вполне мило, не то что в Светозарном. Любопытно, улитки здесь водятся или только пиявки?

– Это не Тарра? – Аддари задумчиво тронул мокрую скалу.

– Скорее всего, нет. В такое везение я не верю, хотя камни, дожди и небо есть и там. Если это Тарра, то, скорей всего, мы оказались в Тагэре. Похоже, здесь это называется вес-

ной, – Рамиэрль кивнул на скромный голубенький цветок, героически вцепившийся в камень.

– Я не видел таких цветов, – покачал головой Норгэрель, – конечно, я не бывал севернее Вархи.

– Похоже на таянскую атриолу, но меньше. Я таких тоже не видел, зато плющ тут такой же, как везде.

Плющ, карабкавшийся по скалам, и впрямь был самый обычный, равно как и кусты можжевельника. Расщелина становилась шире, края ее расходились, открывая все больший кусок низкого, серенького неба. Куда бы они ни попали, здесь царила поздняя, северная весна. Послышался резкий крик, и над путниками проплыла красивая белая птица.

– Что-то вроде чайки. Значит, рядом большая вода.

Большая вода, к которой они вышли через ору или полторы, оказалась мелким заливом, столь же серым, что и низкие, ни на миг не перестававшие плакать тучи. Льяме море не понравилось, и она, поочередно тряся окруженными синим сиянием лапами, затанцевала у края воды.

– Да, Волчонка, зря ты за мной увязалась, – засмеялся Нэо, – шла бы ты домой, в Бездну!

Льяма оглянулась, как показалось Рамиэрлю, с обидой и припустилась вперед по мокрому песку. Эльфам ничего не оставалось, как двинуться следом вдоль низкого, поросшего скрюченными сосенками берега. Они шли оры полторы, когда Нэо ощутил чужое присутствие. Никакой магии. Просто люди. Десятка полтора. Недалеко. Чем-то озабочены и раз-

дражены – эльф ощутил разлитую в воздухе напряженность. Воины? И да, и нет...

Рамиэрль обернулся к своим.

– Впереди кто-то есть, но им не до нас. Ссорятся.

– Я тоже чувствую, – кивнул Норгэрель, Аддари промолчал, лляма всем своим видом выразила глубочайшее неодобрение.

– А ей что-то не нравится, – заметил Солнечный.

– Ей здесь все не нравится, вода мокрая, все чужие, а нам не до нее. Подождете меня здесь или пойдем все вместе?

– Вместе, мало ли что.

– Их не так уж и много.

– В этом мире нет магии, – тихо сказал Норгэрель, – мы можем рассчитывать только на оружие.

– Нет магии? – Нэо покачал головой. – Если бы ее не было, Волчонка бы нас всех уже поджарила. Или бы погасла.

– В самом деле, – глаза Аддари от удивления стали еще больше, – но я ничего не могу.

– И я тоже, – подтвердил Норгэрель, – а ты, Нэо?

Роман прикрыл глаза, потянувшись к источнику Силы, которая немедленно его захлестнула.

– Со мной все в порядке, – коротко бросил разведчик. Это был мир Ангеса, теперь в этом не было никакого сомнения. Роман узнал магию, создавшую Черное Кольцо. Разведчик носил его достаточно долго, чтобы стать своим в мире, объявленном почитателями Арцея Преисподней.

ЭСТЕЛЬ ОСКОРА

Голубой эльфийский огонек я увидела издали. Огонь Лебедей после гибели Астени могли зажечь лишь Эмзар и Роман, кто же из них оставил пылающий цветок на могиле друга?

Высокий Замок спал так крепко, как может спать обиталище королей, не знавших слова «мир». На стенах раздавались мерные шаги ночных дозорных, слышалось рычание сторожевых псов, на высоких башнях скрипели флюгера – менялся ветер. И все равно это была спокойная ночь, ведь большинство обитателей замка мирно спало, даже в королевских окнах погас свет, а Анджей ложился позже большинства своих подданных. Таяне с королями везло, Шани мог гордиться своими потомками, управляющимися с королевством и его строптивыми обитателями не хуже, чем со своими дрыгантами. Шани многим мог гордиться...

Я тихо опустилась на скамью рядом с его могилой. Отчего-то я была рада, что Илана не с ним, мне это казалось правильным. Шандер Гардани завещал похоронить себя под открытым небом у основания Арсенальной башни, видимо, так и не сумев избыть память о тюрьме. Жена и потомки Великого герцога Таянского, как и положено, лежали под церковными сводами, а он предпочел небо с его звездами и ливнями. Эта ночь была звездной, да и Лебединый Огонь светил

достаточно ярко, чтобы у меня сжалось сердце.

Без сомнения, надгробие тоже было работой Клэра. Шандер, казалось, уснул у голубого костра. Я смотрела на высеченный из камня четкий профиль, слегка сведенные брови, разметавшиеся волосы. Странный памятник для государя, но то ли наследники Шани не осмелились возражать эльфам, то ли они понимали больше, чем понимают обычные люди.

Я знала, что мой друг прожил довольно долго и вторая половина его жизни была относительно спокойной, другое дело, был ли он счастлив. Летописи утверждают, что да. Не считая Белки, у него было пятеро детей: три сына и две дочери, и никто из них не опозорил отца. Таяна процветала, первые набеги ройгианцев и северных гоблинов не казались чем-то опасным, в Арции и Эланде все шло прекрасно. Во время войны покой и мир кажутся недостижимым счастьем, Шандер и Илана его вкусили, нам с Рене не довелось.

Я накрыла рукой каменную ладонь, словно дожидаясь ответного пожатия, но камень остался камнем, холодным и твердым, даже Клэру было не под силу его оживить.

Вот мы и встретились, Шани Гардани, только ты меня не слышишь, ты больше никого не слышишь...

Когда-то у меня было много друзей и среди эльфов, и среди людей, и среди гоблинов, но никто из них не был ближе Шандера и Астени, хотя Астени – это было другое. Мы едва не полюбили друг друга, а неспетое не забывается. Прошлое

гибнет под копытами настоящего, но то, чего так и не случилось, умирает только вместе с нами.

Я утонула в новой любви, но память об Астени осталась со мной, а вот с Шандером все было просто, как подснежник. Мы доверяли друг другу и понимали друг друга с полуслова, а то и вовсе без слов. Я избавила Гардани от финусов, а он не выдал меня даже Рене, хотя прекрасно знал, КТО я. Когда я встретила Сандера, мне показалось, что все повторяется и судьба послала мне второго друга, сделав залогом этого имя, ведь Шандером в Таяне называют Александра.

Дружбы не вышло, вышло нечто иное, в чем я не могу разобраться, и, самое дикое, я сама не знаю, чего же хочу. Если бы я встретила Рене, все бы встало на свои места, но он исчез. Возможно, я скоро увижу Эмзара, Клэра, Романа, с ними можно говорить о Пророчествах и древних проклятиях, но не о том, чего сам не понимаешь, а Шани мне уже никогда ничего не скажет.

Не знаю, зачем я позвала его по имени. Мы часто делаем бессмысленные вещи оттого, что нам очень хорошо или очень плохо. Над Высоким Замком подняло переднюю лапу с голубоватой звездой-Когтем созвездие Рыси, ветер шевелил замерзшие ветки, взрыкнула и замолкла сторожевая собака. Никого, только ночь, я и память.

- Шани, если б ты знал, как я устала...
- Ты вернулась, я всегда знал, что ты вернешься.
- Шани?!

– Геро, милая. Не пугайся, не удивляйся, а слушай. Меня можешь услышать только ты, и только если будешь одна. Успокойся, мир пока еще не рухнул. Только не снимай руку с моей руки.

Голос принадлежал Шандеру, да и сердце меня не могло обмануть. Я послушно замерла, не отрывая ладони от камня. Эльфийский огонь неистово полыхнул, окутал голубым сиянием лежащую фигуру и погас. Нет, камень остался камнем, но рядом с надгробием я увидела Шандера, как всегда, серьезного, задумчивого и молодого.

«Геро, – он повернулся ко мне, – ты должна кое-что узнать. Эмзар мне обещал, что ты меня услышишь, но ЧТО я скажу, он не знает. Ты говоришь не с призраком, а со мной, хотя видишь меня почти таким, как в Кантиске после коронации Рене. Сейчас я намного старше и не могу больше тянуть.

Моя жизнь сложилась удачно, хоть и не так, как мне хотелось, но все мы можем сказать про себя то же самое. Ты вернулась, я надеюсь, что и Рене тоже. Я знаю, вы идете друг к другу и к Тарре, вы должны встретиться, ведь вы достойны друг друга. Прости, я заговорил не о том, а времени у меня мало.

Геро, я нашел талисман Михая Годоя. Он у меня. Это шейная гривна, украшенная чем-то вроде белого камня, который одновременно и существует, и нет. Это невозможно описать, но ничего более отвратительного мне не попада-

лось. Уцелевшие ройгианцы ищут свой талисман, но они думают, что он или в Вархе, или у эльфов. Кроме меня правду знает только мой пасынок Стефан.

Проще всего было бы эту гривну уничтожить, но мы не знаем, как это сделать. Возможно, помог бы огонь, но Жан-Флорентин говорит, что колдуны неминуемо повторяются. Есть свои законы и у магии эльфов, и у магии Ройгу. Если не может быть второй Эстель Оскоры, то, вероятно, не может быть и второго талисмана. Тогда, если я уничтожу этот, ройгианцы создадут новый. Мы не можем так рисковать.

Мы долго думали, что делать с этой вещью. Я – воин, я смертен и уже немолод, после моей смерти талисман может попасть в дурные руки. Я знаю, тебе неприятно это слышать, но Ольвия и бывший когда-то нам другом Максимилиан узнали больше, чем следовало. Они охотятся за талисманом и друг за другом, и нельзя допустить, чтобы в их руках оказалась такая Сила.

Стефан готов принять гривну на хранение, но это лишь отодвинет неизбежное. Ему придется искать наследника, и так до бесконечности или пока кто-нибудь не ошибется. Эмзар и Роман ясно дали понять, что не желают иметь с этой тайной ничего общего, и я их понимаю. Они боятся новой Эанке и нового Примеро. Эльфы отдают все силы, чтоб защитить мир от зла Вархи, они очень уязвимы, а ройгианцы нацелились именно на них.

Гривну нужно было укрыть там, где ее не станут искать

и не смогут найти случайно. Этим местом, Геро, станет моя могила. Я завещал себя похоронить не по таянскому, а по арцийскому обряду на том самом месте, где когда-то дрался с гоблинами и тарскийцами. Илана исполнит мою волю, хоть и будет недовольна. Перед смертью я передам талисман Стефану или, если его не будет рядом, положу в шкатулку с секретом, которую завещаю ему.

Уррик и Илана давно свыклись с тем, что их сын ко мне привязан больше, чем к ним. Мы с ним очень дружны, хоть Стефко младше меня на тридцать пять лет. Только со Стефаном-старшим и с тобой я чувствовал себя так же просто.

Никого не удивит, что он подойдет ко мне проститься второй раз позже всех, а спрятать гривну среди цветов и знамен очень просто. Затем Эмзар и Роман наложат заклятие – и дело будет сделано.

Мы все продумали. Если даже у какого-то ройгианца или подосланного Архипастырем клирика появится мысль, что гривна у меня, у них будет довольно времени, чтобы порыться в моих вещах. Стефан будет вне подозрений, ведь когда был убит Михай, он был младенцем.

Геро, теперь ты знаешь, где талисман Михая, и можешь взять его, когда сочтешь нужным. Твоя Сила подскажет тебе, что с ним делать. Когда ты вернешься, он перестанет быть опасным, ведь твоя сила равна силе ройгианцев. Ты всегда сможешь их остановить, как остановила в Кантиске, что бы сейчас ни ввали клирики. Рене и Эмзар ошиблись, отдав им

победу, но сделанного не исправить, разве что развязать войну с Церковью. Я бы сделал именно это, но сын Рене полагает, что ничего страшного не происходит и не стоит проливать кровь из-за того, что уже прошло.

Вот и все, Геро. Я говорю эти слова на том месте, где много лет назад прикрывал уходящих «Серебряных» и где меня похоронят. Я обращаюсь к тебе и вижу тебя такой, какой ты вошла ко мне в Идаконе, когда я думал, что умираю. Ты тоже увидишь меня молодым, а теперь я почти старик. Я просил Эмзара помочь, и король Лебедей научил меня, как говорить с тобой через годы, а может, и через столетия. Теперь все зависит от тебя, если мы и впрямь такие друзья, как говорит мое сердце, рано или поздно ты придешь ко мне и заговоришь со мной, как с живым. Этого будет довольно, а если ты не вернешься, что ж... Гривна останется лежать здесь, и ее не найдет никто, пока стоит Высокий Замок и им владеет род Гардани.

Геро... Теперь, когда я сказал тебе, что должен сказать, у меня к тебе просьба. Я был счастлив с Иланой, она была мне другом, женой, соратницей, даже возлюбленной. Нам было хорошо вместе, но иногда меня захватывало то, что было... Вернее, то, чего не было, не случилось, не сбылось. Я остался человеком, и я умираю человеком. Мне не нужно бессмертие, но я хотел бы, чтобы Лупе, где бы она ни была, знала, что я ее не забыл. Найди ее, Геро, даже если она счастлива в своем лесу. Найди и попрощайся за меня, я прошу тебя об

этом... Прощай теперь уже навсегда. Постарайся победить и стать счастливой...»

Это не было сном. Я исполню завещание Шани, хотя говорить с теперешней Лупе о прошлом все равно что с синицей или с белкой. Я ее заставлю, попытаюсь заставить вспомнить хотя бы на мгновение, но разговор придется отложить до лета. Шандер поймет и подождет. Он всегда приносил себя в жертву, но решиться на такое?! Положить в свою могилу главный ройгианский талисман, и это после того, что с ним сделал мой отец! Жизнь Шани рисковал не раз, но рискнуть посмертием! К счастью, риск себя оправдал. Гривна все это время мирно пролежала у Арсенальной башни, своей воли у этой штуки, похоже, не было.

Но что прикажете делать с отцовским наследством? Оставить здесь? Уничтожить? Пустить в дело? Гривна – безусловное зло или ключ к Силе, который можно использовать по своему усмотрению.

Я сосредоточилась, пытаюсь сквозь песню Лебединог Огня услышать похороненное здесь зло. Талисман молчал, молчал и сам Ройгу. Я не слышала его, вернувшись в Тарру, хотя сама была исполнена силы. Это было, мягко говоря, странно. Если мой «супруг» мертв или полностью развоплощен, я должна стать обычной женщиной, которой подвластны разве что начатки эльфийской магии. Если я могу ворочать горы, то я должна ощущать присутствие Ройгу, но его нет. Спит он, что ли? Нашел время...

Громко и зло залаяла собака, и я очнулась. Другой замерз бы до смерти, просидев чуть ли не всю ночь на заиндевевшем камне, но внешний холод для меня давно перестал быть холодом. Рысь почти исчезла, зато на зеленоватом небе ярко сияла Лебединая Звезда, предвещающая рассвет. Надо было идти. Я еще раз коснулась каменной руки, но на этот раз ответа не было. Шани сказал то, что хотел, и тому, кому хотел, а дальше было мое дело. На башне колокол, который я слушала в юности, ударил пять раз, протопали по лестнице сапоги – менялся караул.

Я заставила себя подняться, меня никто не заметил да и не мог заметить. Дверь, послушная заклятию, открылась тихо и бесшумно, и я скользнула в отведенные мне покои.

Горела свеча, а рядом, положив на колени какую-то книгу, но даже не открыв ее, сидел Сандер. Как он смог войти, я не поняла. Я остановилась в дверях, глядя на него. Девяносто девять человек из ста спросили бы у своей любовницы, где ее носило, а сорок из этих девяноста девяти вместо слова «где» произнесли бы «с кем». Александр просто сказал: ночь холодная, ты, наверное, замерзла.

Я могла пережить и не такой мороз, но если замерзнуть означает заблудиться в прошлом, то да, я замерзла.

– Да, – тихо сказала я, – было холодно. Очень холодно...

– Я так и думал, – Сандер улыбнулся одними глазами, – потому и ждал.

Ждал и дождался, и как же я была ему за это благодарна,

а пропустившее его заклятие... Что ж, наверное, в глубине души я хотела, чтобы он пришел, очень хотела.

НЭО РАМИЭРЛЬ

Последний раз женскую драку Роман наблюдал в Аданском порту года за два до убийства Шарло Тагэре. Две местные красотки не поделили мирийского контрабандиста, и рыжая толстуха вцепилась в волосы худой как щепка брюнетке с ярко наруганным лицом. Девушки под улюлюканье и подначки завсегдатаев таверны «Отрубленный язык» с упоением тузили друг друга, а виновник драки в это время успел улизнуть с хорошенькой блондинкой. На этот раз драка была серьезней, так как обе ее участницы орудовали мечами. Еще человек двенадцать одетых в черное девушек смотрели на поединок. По тому, как держались зрительницы, Нэо понял, что дело не шуточное и что у каждой соперницы есть свои сторонницы.

Лица дерущихся было не разглядеть из-за нелепых шлемов, одежда и доспехи воительниц и вовсе удивляли, так как открывали то, что у озабоченного своей безопасностью воина должно быть закрыто, и сковывали движения. Эльф бы понял, если б перед ним были странствующие комедиантки, старавшиеся раззадорить пришедших на представление мужчин, но зрителей не было, а железо, судя по синякам и порезам на телах девушек, было самым что ни на есть настоящим. Одна, повыше, со шлемом, украшенным зверем, похожим на крылатого льва, но со змеиным хвостом, хромала,

и из носа у нее текла кровь. У второй, с двухголовой пантерой, выколотой или нарисованной на обнаженной вопреки здравому смыслу спине, действовала только правая рука, а из-под тройного железного браслета сочились алые капли.

«Львица» нанесла удар, «Пантера» пошатнулась, и по тому, как вспыхнули глаза рослой красногубой женщины в черной кожаной юбке с четырьмя высокими разрезами, Роман понял, что бой идет не на жизнь, а на смерть. Это ему не понравилось, женщины не должны убивать, тем более друг друга... Видимо, льяма разделяла мнение своего кумира, а может, просто угадывала его желания. Как бы то ни было, отродье Темного Пламени выскочило из кустов, вихрем пронеслось сквозь кучку не успевших ничего понять воительниц и вклинилось между соперницами, двумя прыжками опрокинув обеих. Это было весьма некстати. Рамиэрль выскочил из кустов и заорал льяме, чтоб она возвращалась. Напуганная собственной смелостью, огневушка бросилась назад, по своему обыкновению пристроившись за спиной своего покровителя. Увешанные железом девицы, как одна, повернулись в их сторону.

Эльф ожидал чего угодно – визга, бегства или, наоборот, попытки наброситься на странную зверюгу и ее хозяев с мечами, но воительницы выхватили свои клинки, коротко проорали какое-то странное слово и преклонили колени.

Что делать, было непонятно. Воинственные девы с внушающим опасение восторгом смотрели на гостей. Заварив-

шая всю кашу лляма самоустранилась, развалившись у ноги хозяина. Аддари и Норгэрель смиренно стояли рядом, опустив глаза, так что договариваться с затянутыми в железо и кожу красотками выпало Рамиэрлю. В свое время Нэо приходилось объясняться с жителями Черного Сура, не знавшими ни арцийского, ни атэвского, ни хаони. Сурианцы чуть ли не в каждой деревне говорили по-разному, и Рамиэрль, искавший в лесу заброшенный храм, вынужден был всякий раз учиться заново хотя бы основным словам. Он вспоминал тот поход как кошмарный сон, но никакой опыт не бывает лишним.

Для очистки совести проверив воительниц на незнание луцианского, эльфийского, арцийского и почему-то орочьего, Рамиэрль медленно произнес слово «Ангес», что вызвало очередные крики и поднятие мечей. Уже хорошо. Ангеса здесь знают и ценят, а судя по нелепым нарядам красавиц, о настоящей войне здесь и понятия не имеют.

Эльф еще раз оглядел девушек, и по тому, как они опускали глаза, перешептывались, а некоторые хихикали и краснели, понял, что перед ними обычные женщины, увидевшие троих незнакомых мужчин. Опытным глазом Нэо определил, кто из девиц на кого смотрит. Фаворитом оказался Аддари, но и они с Норгэрелем внакладе не остались.

Одна из девушек, постарше, темноволосая и смуглая, вышла вперед с большой черной флягой, отпила из нее и протянула гостю, произнеся что-то вроде: «Камаро эджаи».

Что ж, ничего нового, так знакомятся и в Суре, и в Корбуте. Слова разные, суть одна. Нэо хлебнул напитка, показавшегося ему довольно-таки противным. Слабее царки и даже вина, но, если много выпить, можно и захмелеть. Запах не очень приятный, отдает чем-то знакомым... Ладно, никто еще от подобного не помер. В Суре он из вежливости ел хашшей, а в Южном Корбуте – ежей, на что не сподобился даже Шандер. Нэо отхлебнул еще раз, отдельно произнес «Спа-си-бо», вернул флягу хозяйке и, коснувшись ладонью губ, несколько раз назвал свое имя. Затем были представлены Аддари, Норгэрель и Волчонка.

Хозяйка противного напитка сдвинула подсиненные брови, дотронулась до то ли украшающего, то ли защищающего, но никак не скрывающего внушительную грудь ожерелья из стальных колец и произнесла: «Онка», после чего на Нэо обрушился целый шквал странно звучащих имен. Он старался запомнить. Девушку с пантерой на спине звали Зайа, ее соперницу – Фагона. Еще одну, молоденькую, с лукавой улыбкой, чем-то напомнившую Белку Гардани, следовало называть Тигойа, а ее подружку – Шабба, что вызвало у Романа невольную ухмылку, явно истолкованную превратно. Шабба бросилась в кусты и через мгновение вернулась с распущенными волосами, подмалеванным ртом и еще более обнаженной грудью. Видимо, мужское внимание в мире, почитающем Ангеса, весьма ценилось. Равно как черный цвет, кожа и сталь.

Лляма повернулась к раздевшейся Шаббе и противно зашипела, стараясь пустить побольше искр, но кокон выдержал.

– Прекрати, подружка, – велел Нэо. Итак, они попали в курятник. У полуголых воительниц на уме то же, что и у арцийских скромниц, только вместо бархата и жемчугов – военные цацки.

– Аддари, Норгэрель, вы часом жениться не хотите? – осведомился Нэо, получив в ответ два возмущенных взгляда. – Вот и я не хочу, значит, будем держаться вместе, прятаться за Волчонку и учить здешний язык. И во имя Звезд – не пейте местное пойло...

2895 год от В.И.

29-й день месяца Сирены

ТАЯНА. ВЫСОКИЙ ЗАМОК

Александр медленно шел по мрачноватому залу, останавливаясь у развешанных по стенам картин. Пожалуй, лишь эта часть Высокого Замка и не была затронута предновогодней суетой, которую Сандер не любил с детства. Праздники всегда были для него пыткой, хотя на этот раз, возможно, будет иначе. И все равно среди суетящихся слуг со значительными лицами и начавших праздновать еще с ночи таянцев он чувствовал себя неловко. Луи исчез, видимо, встретил Беату, Ликэ завладела Ванда, решившая разодеть новую подругу по-таянски, и Тагэре решил, что лучшего времени посмотреть старые портреты у него не будет.

Льющийся сквозь прорубленные у самого потолка окна свет падал на лица древних властителей, о которых он не знал ничего или почти ничего. Король Арции медленно шел мимо лихо закрученных усов, коротких плащей с «рысьими» сигналами, вставших на дыбы дрыгантов и валяющихся под их копытами врагов. Проклятый! Кто это?!

Потрясенный, Александр замер у портрета, который казался написанным вчера, хотя изображенный на нем мужчина был одет по моде семисотлетней давности. Александр ни-

когда не видел подобной живописи и не предполагал, что такое возможно. Лицо казалось живым и... знакомым. Сандер готов был поклясться, что говорил с этим человеком. Только теперь на нем было роскошное алое одеяние с белой оторочкой у горла, подчеркивающей снежную белизну волос.

На плечах человека с портрета лежали три цепи – золотая с нарциссами, серебряная сложного плетения и черная с ярко-зелеными тревожными камнями, которую он тоже видел. Рука, украшенная золотым браслетом немыслимо тонкой работы в виде плети какого-то растения, в которую вцепилась осыпанная бриллиантами золотая жабка, уверенно лежала на эфесе неожиданно простой шпаги. Ясные голубые глаза пристально смотрели в глаза Александру, которому на миг показалось, что бровь древнего императора, а это, без сомнения, был император, слегка поднялась, словно выражая удивление.

Александр Тагэре не заметил, сколько простоял перед картиной, в чувство его привело лишь шарканье ног. Сгорбленный старик в зеленом балахоне клирика почтительно приветствовал высокого гостя.

– Отец, вы не знаете, кто это?

– О, это жемчужина дворцовой коллекции. Люди так не рисуют, эльфийская работа.

– Кто это?

– Император Рене Счастливый. Портрет сделан несколько лет спустя после его исчезновения и подарен Шандеру Пер-

вому Гардани эльфийским мастером, лично знавшим пропавшего императора. Современники отмечали потрясающее сходство...

– Отец, я, конечно, слышал о войне Оленя и об императоре Рене, но я знаю очень мало. Его дальнейшая судьба неизвестна?

– Неизвестна, – вздохнул старик, – сейчас я подниму свечу, там на раме есть надпись... Да, вот она... Рене-Аларик Руис рэ Аррой, герцог и-Рьего, Первый Паладин Зеленого храма Осейны. Великий Герцог Эланда, король Таяны, господарь Тарски, император Арции и прочая, и прочая, и прочая...

– Святой Эрасти! Аларик...

– Да, таково его полное имя. Дانه Александр, что с вами?

2895 год от В.И.

29-й день месяца Сирены

ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Над Лиарэ проплывали журавлиные стаи. Весна властно гнала птиц на север. Им не было дела до войн и интриг, которыми занимались люди, они хотели домой, и они возвращались домой. Марта аре Ги ре Мальвани проводила глазами серебряный клин. Ну почему судьбе было угодно, чтобы они с Сезаром, арцийцы до мозга костей, стали повелителями южной страны? И последней надеждой Арции и дома Тагэре, к слову сказать. Тартю меньше чем за год избавился от всех наследников, до которых мог дотянуться. Последним – разумеется, совершенно случайно – погиб Жан Бэррот.

Неужели Сандер тоже мертв? Тогда трон Арции принадлежит Сезару, а затем Шарлю-Анри, который будет еще и великим герцогом Оргонды. Разумеется, если Оргонда выстоит. Пауки слишком долго копили яд и золото, теперь они пустят в ход и то и другое. Дарнийцам и эскотцам все равно, кому служить, лишь бы наниматель был с ними честен. У Жоселин хватит ауров на несколько армий, а вот им приходится рассчитывать только на преданность. Воины любят Сезара, а ушедшая под барабанный бой в Оргонду южная армия Арции ненавидит Тартю, но хватит ли этого, чтобы перешибить

плетью обух? И нет ни старика Обена, ни кардинала Евгения, ни маршала Анри, знавших, как превратить слабость в силу, а поражения в победы. Сандер и Рауль это тоже умели. Проклятый, почему она не верит в Сезара?! Он – сын своего отца и лучший друг Александра, он должен найти выход!

Марта понимала, что есть вопросы, которые не следует задавать, если не хочешь услышать бодрой лжи или горькой правды, но она все же была женщиной и знала, что такое страх, хотя другие об этом и не догадывались. После бунта Лиарэ носила свою герцогиню на руках, а антонианцам пришлось убраться назад в Элл, и никто не подозревал, как обжег сердце Марты пережитый кошмар. Она была согласна на ложь, только б Сезар сказал, что они отобьются, но Сезар ей никогда не лгал.

Белая стая скрылась из глаз, теплый ветер донес тонкий запах цветущих мимоз. Марта еще немного постояла на балконе, поправила выбившуюся из высокой прически прядку, из последних сил давя в себе желание броситься за поддержкой к мужу. Он ищет выход из безвыходного положения, ее нытье его отвлечет.

– Моя сигнора, – вошедшая камеристка смотрела на свою госпожу с неприкрытым обожанием. – Монсигнор герцог просит вас спуститься к нему.

Марта согласно кивнула головой и нарочито медленно пошла за девушкой. Что-то случилось! Что?! Наверняка что-то плохое, потому что хороших новостей нет и быть не мо-

жет, разве что от Жозе... Нет, Берег Бивней слишком далеко. «Сладость греха» с подмогой ли, без ли не вернется раньше осени.

Герцогиня дала себе клятву сохранить присутствие духа, что бы ни случилось, и позволила дежурному аюданту объявить о своем приходе. Сезар был не один. Рядом с герцогом сидел стройный молодой человек, чьи длинные черные волосы были стянуты на затылке черной лентой.

– Дорогая, – Мальвани улыбнулся, – позволь представить тебе графа Артъенде, нашего друга и союзника.

– Я счастлив служить благороднейшей из женщин, – граф стремительно вскочил и грациозно поклонился, – мой сюзерен герцог Энрике шлет вам наилучшие пожелания. Мы только что сошли на берег. Я и мой отряд в полном распоряжении властителей Оргонды и Арции.

– Мирия прислала полторы тысячи всадников.

– Я всегда верила в сердце Кэрны, – пробормотала Марта, – о судьбе маркиза Гаэтано что-то известно?

– Увы, нет, – Артъенде вздохнул и сразу же с вызовом вскинул голову, – но он жив, и не верьте никому, кто скажет обратное. Рафаэля Кэрну так просто не убить, где бы он ни был, он уже сражается. Так же, как и король Александр.

– Вы полагаете, мой брат жив?

– Живы все, пока мы не закрыли им глаза, – твердо сказал мириец. – Если б Александр Тагэре погиб, это было б несправедливо и неправильно, поэтому он жив...

2895 год от В.И.

29-й день месяца Сирены

ТАЯНА. ВЫСОКИЙ ЗАМОК

Луи о чем-то оживленно разговаривал с милостивой де-
вушкой в голубом, видимо, той самой Беатой. Тагэре видел
сестер Ракаи в день приезда, но как-то не запомнил. Потом
ему несколько раз попадалась младшая сестра – красивая,
синеглазая брюнетка с капризным ртом. Та, с которой болтал
Луи, была много приятнее. Александр не любил мешать дру-
зьям, особенно когда они влюблялись, но на этот раз ждать
не получалось.

– Луи, прости, но ты мне нужен.

– Иду, – откликнулся Трюэль, виновато улыбнувшись Бе-
ате.

Александр не стал мешать другу прощаться с белокурой
даненкой. Он знал, что Луи его догонит. Так и вышло.

– Жабий хвост, что случилось?! На тебе лица нет.

– А мне казалось, я достаточно невозмутим.

– Для таянцев или мирийцев, безусловно. Если ты не ста-
нешь прыгать и кричать, они сочтут тебя совершенно спо-
койным, но я-то тебя давно знаю.

– Или я с ума схожу, или я увидел привидение.

– С ума ты не сходишь, – заверил друга последний пото-

мок великого Обена, – во всяком случае, в последнее время, а вот привидения тут вполне могут водиться.

– Я серьезно.

– Ты всегда серьезно, это я всю жизнь дурака валяю. Я на ногах удержусь или лучше сначала сесть и выпить?

– Сесть и выпить, – улыбнулся Александр.

– Уже легче.

– А если бы я сказал, что садиться не надо?

– Я б за царкой побежал, так в чем дело-то?

– Помнишь, я тебе рассказывал о человеке, которого встретил перед дуэлью с Муланом?

– Конечно? Здесь он, что ли?

– В известном смысле, да.

– То есть?

– Я его нашел в портретной галерее. Это он... Его глаза, взгляд, цепь на шее. Такие же камни, как на моем мече! Камни, которые не узнают даже атэвы! Но и это не все! Получается, что со мной говорил Рене Аррой... Я же сказал тебе, что лучше сесть. Победить Мулана мне помог мой... Проклятый, я даже не знаю, какая частица его крови течет в моих жилах. Он же пропал больше шестисот лет тому назад! Получается, что он не погиб?

– Ты не ошибаешься? – Луи выглядел растерянным.

– Нет. Его ни с кем не перепутаешь. И потом имя... Он назвал себя Аларик, а на раме написано Рене-Аларик Руис рэ Аррой.

– «Счастливи́чик Рене»... Мы как-то забыли, что у него было несколько имен.

– Именно...

– Жабий хвост! – Трюэль сосредоточенно потер лоб. – Знаешь что, Сандер! Давай жить и ждать, что получится. Ну, встретил ты древнего императора, ну, научил он тебя, как эту «Белую погань» убить? Беды-то! Кстати, ты не пробовал «два» и «два» сложить?

– «Два» и «два»?

– Не хочешь «два» и «два» – сложи «один» и «один»... Вспомни корабль, который нас от дарнийских охотников спас, и то, что моряки вам с Сезаром про Скитальца рассказали. Вот тебе и разгадка. Скиталец и есть сгинувший император, и нечего удивляться, что он тебе помогает, а может, и не только тебе. Марту ведь кто-то седой спас. Ладно, мы, кажется, выпить решили. Здоровье Последнего из Королей.

– Луи!

– Я уже тридцать пять лет Луи, а фамилия моя – Трюэль, между прочим, и Обен был моим дедом, так что я знаю, что говорю. Хватит, Сандер, оглядываться и искать, кто за тебя твое дело сделает. Никто за тебя твой меч не поднимет. Прощлый раз ты на меня накричал, и был прав, а сейчас ты меня послушай! Забудь про Гразу! Слышишь?! Ты всегда все делал правильно и будешь делать правильно. Ты должен поверить в себя, иначе... Проклятый, иначе мы все содохнем и Тарру угробим. Встряхнись, Сандер Тагэре! Ни Рене Аррой,

ни Проклятый, ни Святой Эрасти за тебя воевать не станут,
год Трех Звезд – это твое дело.

2896 год от В.И.
3-й день месяца Агнца
ИФРАНА. АВИРА

Несовершеннолетний король Ифраны был очень воспитанным и очень серьезным и ничем не походил ни на красавца Филиппа, ни на толстенького Этьена Ларрэна. Вряд ли он умел держать в руках меч или шпагу и уж точно не читал про страдания благородного Леонарда. Худенький, тихий Жермон казался то младше, то старше своих неполных восемнадцати, а золотой петух на его груди выглядел чуть ли не издевательством. Ифранскому королю для консигны скорее подошел бы мышонок. Или крысенок, если хитростью он удался в деда и тетку, но до поры до времени это скрывает. Окажись тут Луи Трюэль, он сморозил бы что-то про ифранский птичник: коронованный селезень, золотой петух, фазанья курочка, павлиньи перья... В Арции нобили избирали себе другие знаки, хотя его собственный единорог тоже был глупостью, причем напыщенной и пошлой.

Базиль Гризье преклонил колени перед королем и регентшей. Любопытно, что будет делать Жоселин, когда Жермону исполнится двадцать пять? В Ифране наследников держали в несовершеннолетних дольше, чем в других странах, но рано или поздно Паучихе придется заняться собственным

будущим. Базиль не сомневался, что короленок в глубине души ненавидит тетку, ибо не ненавидеть эту особу было невозможно.

– Мы рады вас видеть, граф, – регентша была сама любезность. Пауки всегда любезны с мухами, пока те вне предела их досягаемости.

– Я счастлив засвидетельствовать свое почтение Его Величеству и Ее Высочеству.

– Получаете ли вы письма от сестры? Как ее самочувствие?

– Она счастлива и немного испугана – испугана, безусловно, но счастье там и не ночевало...

– Наш дом искренне расположен к дому Вилльо, – подал загодя заученную реплику Жермон и протянул бледную, прохладную ручку. На сколько же он старше Филиппа? На год и девять месяцев. Нет, уже на два года, потому что Филиппу никогда не исполнится шестнадцать.

– Я – преданный слуга Его Величества, – Гризье поцеловал вялые пальцы, поднялся и отошел, уступая место послу Дарнийского союза. Не нужно быть покойным Обеном, чтобы понять: Паучиха покупает в Дарнии солдат для войны с Оргондой. Она все делает правильно, для Ифраны, разумеется. Эта моль действует успешнее своего немытого отца, оставившего ей в наследство войну с Арцией. Паук не смог справиться с Тагэре, а Жоселин смогла, и теперь у нее остался лишь один враг – Оргонда...

Базиль оглядел разряженную толпу иноземных послов. Среди скромно одетых ифранцев иностранцы выглядели павлинами в курятнике, и оргондца среди них не было. Мальвани отозвал своего посла, когда он был на свадьбе Нюры. Мишель Монтрагэ уже в Лиарэ. Он и так продержался в Авире дольше, чем можно было предполагать.

– Я рад видеть вас, граф, – маршал Аршо-Жуай был редким гостем на дворцовых церемониях, его появление на годовом приеме означало одно – Паучихе понадобились воины, причем немедленно.

– Ваш покорный слуга, маршал. Я не видел вас... – Базиль замялся, – с лета.

– Я слышал о ваших приключениях в Ра-Гваре. Благодарность Его Величества Пьера превзошла все ожидания.

– Разве? – улыбнулся Базиль. – Мне кажется, Его Величество помнит оказанные услуги в той же мере, что и Ее Высочество.

Аршо-Жуай с трудом сдержал смешок.

– Арде! Не будь вы послом Арции, я пригласил бы вас прогуляться на берега Ньера.

– В Кер-Септим? Побойтесь бога, сигнор, общество Саброна вызовет несварение даже у хаонгской гаенны ¹⁰.

– Видимо, поэтому Ее Высочество избавила нас от сабронского гостеприимства.

¹⁰ Напоминающий пса хищник, питающийся падалью. Стая гаенн может загнать и растерзать раненого или ослабевшего зверя.

– Вы рады, что уходите на войну?

– Да, – кивнул маршал, – надеюсь, воды Ньера смоят грязную грязь.

Ответить Базиль не успел, подошла герцогиня Фьонская. Прелестная Аврора недавно рассталась со своим любовником и была занята поисками нового. Вся в розовом, с алым бантом на плече, она казалась южной птицей папагалло, затесавшейся в стаю копошащихся на помойке ворон и воробьих. Проклятый, он перестанет сегодня думать о птицах?

Аврора взмахнула длинными подчерненными ресницами и спросила о здоровье королевы Арции. Базилью вновь пришлось врать про Нору, а потом еще раз и еще... О том, не собирается ли сестра подарить супругу наследника, спрашивали все. Гризье обворожительно улыбался.

– Благодарю вас, маркиза, и вас, графиня. Я обязательно передам ваши слова Ее Величеству. Она тоже надеется, что к зиме в королевстве будет наследник, – если вообще на что-то надеется...

Появился Альбер Вардо, как обычно, без супруги. Базиль знаменитую Антуанетту еще не видел: граф, в нарушение всех приличий, никогда не брал жену с собой. Официально считалось, что все дело в происхождении Антуанетты, но злые языки утверждали, что причиной столь вопиющего нарушения этикета является ревность. Впрочем, подсмеиваться над могущественным Альбером осмеливались немногие, и то за глаза. Базиль слышал, что враги графа весьма быст-

ро представляли перед Кастигатором, а тот, кто осмеливался обсуждать семейную жизнь Вардо, немедленно становился врагом. Арциец с вежливой улыбкой пожал протянутую ему руку.

– Рад вас видеть на этом приеме, граф.

– Взаимно, сударь.

– Вижу, вы стали любимцем наших дам.

– Не думаю. Дело в моей сестре.

– Надеюсь, Ее Величество чувствует себя хорошо?

– Разумеется.

– Что ж, не смею вас отвлекать от столь изысканного общества, но буду рад, если вы когда-нибудь согласитесь со мной отобедать.

И обсудить подробности заговора, хотя зачем? Все, что нужно, ему скажет отсутствующий Морис. Отсутствующий потому, что граф Вардо обязан присутствовать на большом приеме. Сарриж сейчас наверняка развлекает графиню, и вряд ли эти двое заняты сонетами Армана Перше. Базиль проводил глазами все сильного рогоносца и заодно заметил, как маршал Аршо-Жуай целует лапку регентше. Последние милости перед уходом на войну. Паучиха не успокоится, пока не сживет со света уцелевших Тагэре и Мальвани, и она права: врагов надо добивать. Озабочься Александр извести Тартю и, не будем скромничать, клан Вилльо, он бы до сих пор правил бы Арцией, Нора осталась бы незаконнорожденной, а Филипп с Алеком – живыми и здоровыми...

2896 год от В.И. 8-й день месяца Агнца АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Всадник покинул Гран-Гийо с первыми лучами солнца. Серпъент по случаю весны заявил, что лошадь ему не нужна, и жизнерадостно порхал вокруг вороного Алко, подаренного Эгоном Рафаэлю. Шарло Тагрэ следил за уезжавшим, пока тот не скрылся в еще прозрачном лесу. Больше всего на свете мальчик хотел бы отправиться на поиски отца, но это было невозможно. Кэрна и так рискует: магия магией, а разыскивать пропавшего короля в наводненной синяками, шпионами и продажными тварями стране – затея опасная. Шарло понимал, что он будет помехой, к тому же его место рядом с Катрин, да и барона подвести нельзя. Появившийся и исчезнувший «сын» насторожит кого угодно.

Эгон удивился, что Анри и не подумал проситься с уехавшим, и никто не догадался, во что ему обошлась эта сдержанность. И хорошо, что не догадался. Отец говорил: если ты что-то скрываешь, делай это так, чтоб даже Илларион не понял.

Говорят, антонианцы знают все. Значит, они знают и про предательства, и про убийства? Знают и молчат, а после этого хотят, чтоб их слушали и им верили... Только б Серпъент

нашел отца раньше, чем синяки, тогда все будет в порядке.

– Анри! – Шарло слегка вздрогнул. Он помнил свое новое имя, но одно дело помнить, а другое – сразу же оборачиваться и делать вид, что все в порядке.

– Да... – а вот назвать Эгона отцом у него не получается и вряд ли получится.

– Анри, подойдите ко мне...

Это уже легче, он может вести себя с бароном, как вассал с сюзереном.

– Мой сигнор...

– Анри, – рядом с Эгоном стоял один из караул-деканов Гран-Гийо. Шарло знал, что его зовут Гуссен Равье и он прекрасно владеет копьем и алебардой. – Вот ваш наставник. Слушайте его так, как слушаетесь меня. Через три месяца я проверю, чему вы научились. Если вы докажете, что достойны этой чести, в Светлый Рассвет вы станете оруженосцем.

– Я буду стараться, сигнор.

– Служба вас не освобождает ни от занятий с братом Николаем, ни от уроков сигнора Яго.

– Я буду стараться.

2896 год от В.И. 9-й день месяца Агнца ИФРАНА. АВИРА

Герцогиня Фьонская была душой, но ее муж оказался еще глупее жены, иначе бы не рассказал ей то, что должно скрывать даже от своей подушки.

Правду сказать, очаровательница была Базилю без надобности, но она положила глаз на арцийского посланника, а вежливость и долг дипломата заставили графа Мо ответить на заигрывания. Аврора была красива, смела и ненасытна, и при этом болтлива, как стая сорок. Связь с ней обещала стать довольно приятной, и к тому же она иногда выбалтывала очень интересные вещи. Такие, как сегодня. Прелестная Аврора не могла не похвастать своей осведомленностью перед новым любовником, а на государственные тайны ей было плевать.

О том, что военная кампания против Оргонды вот-вот начнется и пойдет не так, как подсказывали труды знаменитых стратегов, Базиль Гризье догадался после короткого разговора с маршалом Аршо, прерванного все той же Авророй. Зато теперь он знал все. Сроки, численность готовящейся к вторжению армии и, что самое важное, место вторжения. Сезар Мальвани ждет удара недалеко от Кер-Септима, но Ар-

шо не собирается разбивать себе лоб в прямой схватке.

Герцогиня не сомневалась в скорой победе, и Базиль был склонен с ней согласиться. Тигры, случается, попадают в западню. Собственно говоря, это лучший способ охоты. Граф Мо немножко пошутил на сей счет, а затем они с Авророй перешли к более важному делу, для которого он, собственно говоря, и был приглашен. Утром красавица напрочь забыла умные вечерние беседы, но Базиль помнил все, и это его ужасно злило.

Сын Элеоноры Гризье и брат новой королевы отчего-то не хотел, чтобы Сезар Мальвани разделил судьбу Александра Тагэре. Не хотел, и все тут! Базиль честно сражался со своим настроением, заливая его то вином, то логикой. На третье утро, вылив на голову несколько кувшинов холодной воды и с отвращением посмотрев на свое отражение в зеркале, посол Арции разделся в черное и сиреневое и направился с визитом к Альберу Вардо. Граф не только оказался дома, но и не стал сие скрывать. Похоже, он ждал арцийца, хотя и по другой причине.

Базиля провели в мрачноватую гостиную, как нельзя лучше отвечающую репутации хозяина. Арциец с любопытством обвел глазами старинные портреты. Множество графов Вардо с неодобрением смотрели на гостя, а за их спинами красовались неизбежные пылающие замки. «Там, где проходят Вардо, остаются лишь угли» – гласила витиеватая надпись на самом старом из портретов.

– Это Реджинальд Вардо-Кротало, – пояснил появившийся из боковой двери хозяин, по своему обыкновению затаенный в коричневое. Рядом с ним, опустив глаза, стояла молодая белокурая женщина в слишком роскошном для дома голубом платье. Видимо, знаменитая Антуанетта, отнюдь не показавшаяся Базилю красавицей. До Норы ей в любом случае было далеко, а до покойной Дариоло тем более.

– Вардо-Кротало? – на всякий случай переспросил гость.

– Он был третьим в нашем роду, – со спокойной гордостью заметил ифранец, – убил свою жену и двоих сыззеренов и был возведен в графское достоинство третьим. Тогда Ифрана была всего лишь герцогством в составе Арции. Смотреть в глаза своим предкам полезно.

– Иногда, – согласился Базиль, – воображаю своего отдаленного потомка, который с благоговением читает надпись: «Там, где проходят Вилльо, остаются лишь обглоданные косточки».

Тонкие губы Альбера шевельнулись в подобии улыбки.

– Надо мной редко смеются, сигнор Мо, но над собой смеются еще реже. Но я начал разговор не с того, с чего следовало бы. Я рад видеть вас в моем доме. – На жестком лице хозяина появилось нечто, долженствующее изображать гостеприимство. – Разрешите представить вам графиню Вардо.

– Счастлив служить сигноре, – под напряженным взглядом супруга Базиль поцеловал униженные тяжелыми старинными кольцами пальчики. Видимо, испытание он преодолел

успешно, так как на лице Альбера отразилось что-то похожее на облегчение. Граф Вардо пришел к выводу, что арциец отнюдь не намерен немедленно соблазнить его молодую жену, и был совершенно прав. Антуанетта со своими кудряшками и бриллиантами не была нужна Базилю и через порог. Ему вообще никто не был нужен, по крайней мере, в данный момент.

– Надеюсь, с моим кузеном все благополучно? – пискнула графиня. Чем был вызван вопрос – наглостью или глупостью, граф Мо не понял, но ответил совершенно честно, что тоже на это надеется. Забавно, он совсем позабыл о Морисе из-за... из-за Сезара Мальвани, Проклятый бы побрал этого задаваку!

– Сигнор, – Базиль, отдав долг вежливости, вновь повернулся к хозяину, – мне хотелось бы с вами, как со знатоком, обсудить... один охотничий вопрос. Надеюсь, обворожительная сигнора простит мне мою бесцеремонность.

– Не сомневаюсь. Сударыня, мы к вам спустимся позже, – граф нежно улыбнулся жене.

– Я прикажу подавать закуски через пол-оры, – графиня говорила голоском послушной девочки. Похоже, бедняга Альбер и впрямь считает свою писклявую женушку ребенком. Хотя ему-то какое дело? Базиль, как всегда, когда видел что-то неприятное, но не имеющее к нему отношения, пожал плечами и последовал за всемогущим Вардо в его кабинет.

Граф себе ни в чем не отказывал, но вкус имел отменный.

Братец Жорес счел бы обитель ифранского вельможи блеклой и невыразительной, но Базиль оценил и мореный дуб панелей, и охотничьи трофеи, и неброский ковер на полу. Вардо указал гостю на кресла у камина и налил вина. Очень хорошего вина, но Базиль Гризье поставил кубок на стол, лишь слегка пригубив.

– Итак, – небольшие цепкие глаза уставились на арцийца.

– Сударь, – Базиль очаровательно улыбнулся, – я помогаю вам изменять вашему королю, помогите мне предать моего.

Альбер Вардо поставил свой кубок рядом с кубком Гризье.

– Не знаю, что вы за животное, Базиль, но вы не пудель.

Это точно.

– В данном случае я похож на осла.

– Прежде чем согласиться с вашим предположением или его отвергнуть, я должен знать, чего вы хотите и что вам нужно от меня.

– Чего я хочу, я не знаю, а от вас мне нужно одно: сообщите Сезару Мальвани, когда, где и с какими силами Аршо-Жуай перейдет Ньер.

– Всего-то? – засмеялся Вардо. – А я-то думал, что вы собрались обрушить мунтский храм Триединого на голову Его Величества.

– Если вы обещаете, что рядом с Тартю не будет моей сестры, я согласен. А вы можете обрушить храм?

– Нет.

– В таком случае вернемся к письму в Оргонду.

– Но я не знаю, где, когда и с какими силами маршал Аршо начнет кампанию.

– Это знаю я, но знать одно, а донести – другое.

– Дорогой граф, я полагаю, прежде чем обратиться ко мне, вы перебрали все возможности.

– Да, и пришел к неутешительному выводу. Граф Мо может поручить столь деликатную миссию только Базилю Гризье, но мои сестры, мать, брат и племянники этого не поймут, Пьер не простит, а Мальвани не поверит.

– Вы сказали «мой брат»? Правильно ли я понял, что вы считаете своим братом только Жореса Аганнского?

– Пьер Тартю не оставил мне выбора.

– То есть? – поднял бровь Вардо.

– Муж моей сестры приказал убить ее единоутробных братьев. Видимо, чтобы не искушать местных любителей менять королей.

– Мои соболезнования, – Базиль готов был поклясться, что ифранец говорит искренне, – могу ли я спросить, как давно вы об этом знаете?

– Довольно-таки. Мне сообщили накануне свадьбы Элеоноры.

– И все же вы отвели ее к алтарю!

– Проклятый! Держали же вы корону над Жермоном во время миропомазания!

– Да, сигнор Гризье... Вы не только не пудель, но и не

осел. Я рад, что вы на нашей стороне, хотя и не понимаю почему.

– Возможно, потому, что вы с Морисом не относите меня к милому собачьему семейству. Итак, дорогой граф, что вы думаете о моем деле?

– Трудно, но выполнимо. Более того, я полагаю вашу мысль удачной! Небольшое поражение нам не помешает, Жоселин стала слишком самоуверенна. Пожалуй, если б вы не пришли ко мне, я бы сам пришел к мысли послать гонца Мальвани. Если б сумел узнать подробности. Здесь наши интересы совпадают.

– Я рад. Разрешите откланяться.

– Не разрешаю, граф. Вы отобедаете с нами, Антуанетте хочется побольше узнать об Арции, да и я искренне рад вашему обществу. Я благодарен моему полоумному племяннику за то, что он сдружился с вами, и, в свою очередь, предлагаю вам свою дружбу.

– Мне? Но я же...

Граф Вардо был не из тех, кто склонен слушать чужие возражения, он был знаменит тем, что знал или думал, что знает о других все. Арциец был много моложе, его происхождение было, мягко говоря, не слишком благородным, к тому же Базиль Гризье привык играть роль шута и к нему не относились серьезно даже родичи. Разумеется, бедняга растерялся, когда ему предложил дружбу первый вельможа Ифраны, но все это – ерунда, не имя делает человека, а человек

– имя, а дружба... Что ж, покойный Александр Тагэре дружил с людьми, которые годились ему не только в отцы, но и в деды...

Альбер Вардо на правах старшего отчитал Базиля за излишнюю скромность и повел в столовую, где ожидала Антуанетта, сменившая утренний наряд на дневной, более смелый. Базиля после истории с головой Жися все держали за наглеца, но сейчас арциец не знал, куда девать глаза. Когда он познакомился с Морисом, Вардо был не более чем старым, ревнивым мужем, не одурачить которого было просто неприлично. Теперь этот человек протянул ему свою руку, и он ее пожал, утонув в очередной лжи. Он будет лгать, потому что не может предать Мориса, да и радости это никому не принесет. Только смерть, потому что эти щенки играют с огнем и не понимают этого.

Базилю очень захотелось выпить, но он не мог позволить себе даже этого. Если ты предаешь двух королей сразу и при этом помогаешь одному своему другу обманывать другого, лучше не напиваться. Проклятый бы побрал эту Антуанетту, и что они оба в ней нашли?!

НЭО РАМИЭРЛЬ

Онка потратила немало усилий, улыбок и жестов, объясняя гостям, как все будут счастливы, если они останутся в поселке воительниц. У Романа гремящие железом девы вызвали смешанное чувство смеха и досады, но они не были опасными и у них можно было научиться языку и разузнать о том, куда путников занесло на этот раз. И они остались.

Разведчик и раньше все схватывал на лету, теперь же, когда от его способностей зависела судьба всего похода, превозмогал сам себя. Язык оказался простым, но чем больше понимал Нэо, тем яснее становилось, что, хоть они и приблизились к цели, им идти и идти. В этом мире, к слову сказать, именуемом Фэрриэнном, почитали Ангеса и Тьму, но услышанные Романом смешные сказки свидетельствовали, что Воин своим вниманием сие место не баловал, предоставив его обитателей самим себе. Жили здесь люди и только люди, по крайней мере, Онка не сказала ничего, что хотя бы намекало на присутствие эльфов, гоблинов или гномов.

Фэрриэннцы совершенно точно знали, что тела первых людей сотворил Воин, а души им вдохнула Дева, после чего ушла, а Воин остался защищать своих детей от живущих в Свете чудовищ, которым только и дел, что пить чужие души и обращать в рабство свободных.

Эльфы немало посмеялись, узнав, что исчадия Света

уродливы и исполнены злобы и зависти ко всему сущему. У них покрытая золотой чешуей кожа, из их лишенных зрачков глаз изливается слепящий белый свет, выжигающий душу всякому, кто осмелится на них взглянуть. Светлые твари ненавидят и стараются уничтожить все, что отбрасывает тень. В их мире нет благословенной ночи, дарующей отдых и хранящей тайну Любви. Там, на голой равнине, усыпанной блестящими камнями и залитой беспощадным Светом-без-Тени, царят пятеро демонов, стремящихся захватить и уничтожить другие миры. Желая спасти от них фэрриэннцев, Воин создал Огонь и наполнил им сотворенную Девой Бездну, через которую могут пройти лишь избранные Ангеса, чьи души исполнены Тьмы. В таковые воинственные девицы и записали своих гостей.

Еще бы, ведь они взялись ниоткуда, не знали местного языка, были молоды, красивы и привели с собой льяму, которую Онка, а затем и другие уважительно стали называть «Дитя Тьмы и Огня». Огневушка на лесть не клевала, а хозяйка держала в строгости, всячески мешая им приближаться к Рамиэрлю. Впрочем, Аддари и Норгэрель тоже не остались без защиты.

Солнечный утверждал, что льяма ревнует, и Рамиэрлю порой казалось, что сын Эльрагилла прав. Онка и ее подруги принимали их за великих героев и к тому же весьма недурных собой. Эх, знали бы красавицы, что заигрывают с порождениями Света!

Девы Тьмы, или же «Черные Лилии», как именовали себя их новые знакомые, несли пожизненную Стражу на границе Фамарского леса, где ничего более страшного, чем дятлы и ежи, Романом замечено не было. Причину столь странного поведения красавицы тщательно скрывали, хотя кое в чем были пугающе откровенны. При всем при том бречащие железом девы ничем не напоминали луцианских паладинов, изображавших из себя эльфов. С теми все было ясно и просто. Содрав с тыквоносцев их одежды и смыв грим, получишь самых обычных синяков, готовых следить, доносить и хватать. Воительницы же вызывали в памяти Нэо воспоминания об элльских маскарадах, некогда гремевших на всю Арцийскую империю.

Жизнь в лесу, странные доспехи, совершенно не годящиеся для боя, роковые тайны – все это казалось игрой, но если молодые фэрриэннки могут так играть, значит, этот мир добр и не знает настоящих бед. Любопытно, чем заняты здешние мужчины? Сидят в другом лесу? Если девы взялись за оружие, не значит ли это, что юноши с утра до вечера меняют юбки и вертятся перед зеркалом, хотя в здешнем лагере зеркал не меньше, чем мечей. Ни одна воительница не выйдет на улицу, не подведя глаз и губ.

Нэо с усмешкой поглядел на огненную ревнивицу, смиренно сидевшую у стола. Та, как всегда, почуяв взгляд, встрепенулась и замерла, готовая броситься обожаемому хозяину на грудь, буде тот позволит. Рамиэрль совсем было собрал-

ся осчастливить свою зверушку, но помешал раздавшийся неподалеку крик, вернее, визг.

Привыкший к ночным тревогам Рамиэрль вскочил и бросился на шум в сопровождении неизбежной льямы, прикидывая, не снять ли со своей приятельницы магический намордник. Решил подождать, и правильно. Причиной переполоха оказалась Шабба. Девушка стояла на краю поляны, сжимая кулаки, и визжала, выкрикивая еще неизвестные Роману слова. Она была в ярости, но, похоже, цела и невредима. Вслушавшись в вопли, эльф понял, что «фартока Тигойа» бежала с каким-то «мадаром». Что это значило, эльф не знал, но подозревал, что ничего хорошего. Шабба была в ярости; что до сбежавшихся на ее крики темных дев, то в глазах одних Нэо заметил то же бешенство, что и у поднимающей переполох, другие же смотрели на завывающую Шаббу с явным злорадством.

Появилась Онка, в отличие от остальных вполне одетая, то есть, конечно, раздетая, но перед зеркалом. Брови и губы предводительницы были умело подведены, а волосы небрежно перевязаны красно-черной повязкой с шипами. Побывавший при многих дворах Нэо прекрасно знал цену подобной небрежности, над которой бились лучшие куаферы. Посмотрев на Шаббу, Онка презрительно скривила рот и холодно бросила:

– Замолчи.

Та напоследок выкрикнула что-то вроде «лашоп атреч!»

и замолкла. От крика вокруг глаз у нее проступили красные точки, но сами глаза оставались сухими.

– Значит, – холодно бросила Онка, – Тигойа бежала. С кем?

– С Тамарином, – процедила сквозь зубы Шабба.

– Надо же, – подлила масла в огонь появившаяся Зайя, – бегала за кондином ты, а поймала его Тигойа.

– Флюэша! – взвизгнула Шабба, бросаясь на обидчицу. Роман не находил в женских схватках ничего красивого и ухватил озверевшую девушку за усыпанный бляхами и шипами широкий пояс. Он хотел ее удержать от драки, а не обнять, но рывок странным образом привел к тому, что Шабба прилипла к груди эльфа. Это не понравилось льяме, немедленно долбанувшей несчастную синей мордой. Роман разжал руки, и Шабба шлепнулась на прелестные желтые цветочки, задрвав оплетенные ремнями ножки. Подруги захохотали. Из темноты появились Аддари и Норгэрель, с некоторой робостью рассматривая сгрудившихся женщин.

– Хватит, – прикрикнула на воительниц Онка, – собирайтесь! Их дело бежать, наше – гнаться.

Повторять не потребовалось. «Лилии», возбужденно галдя, разбежались по своим шатрам, довольно-таки роскошным, к слову сказать.

– Мы пойдем с ними? – предположил Аддари. Солнечный откровенно страдал от внимания хозяек – за ним охотилась добрая дюжина девиц.

– Разумеется. Здесь мы больше ничего не узнаем и ничего не добьемся. Разве что вы разобьете еще несколько сердец.

– Тебе хорошо, – возмутился Норгэрель, – тебя охраняют.

– Да, мне хорошо, льяма всех вокруг меня распугала, – хохотнул Роман.

Аддари и Норгэрель – чудесные спутники, но им незачем знать, что фэрриэннки заставляют его думать о Кризе. Они упоенно играют в готовых к бою охотниц и воительниц, а орка такой БЫЛА. Женщина может стать другом, спутницей, защитницей. Дочка Гредды не играла, она жила, а теперь по ее памяти ходят эти дуры в высоких сапогах.

– Что с тобой? – вопрос задал Аддари, но он был написан и на лице Норгэреля, и на морде льямы.

– Ничего, думаю о том, как искать Ангеса.

Они говорили о боге Воине до тех пор, пока из шатров одна за другой не стали выходить преследовательницы. Нэо с интересом рассматривал возбужденных девушек. Он знал, что такое война и погоня, был не чужд охватывающего воинов возбуждения, но глаза «Лилий» блестели не так, как у уходящих в бой. И взгляды, которые они бросали друг на друга, не были взглядами товарищей, готовых прикрыть друг другу спину. Так смотрят съехавшиеся на бал девицы, оценивая соперниц. Эльф окликнул Зайю, которая и ему, и льяме казалась наиболее «безопасной». Та охотно подошла. Она тоже принарядилась, надев на крепкую шею усаженный колочками ошейник и такую же широкую кожаную полосу

на руку и сильно подведя глаза и брови.

– Зачем гоняться за несчастными влюбленными?

– Несчастливыми? – то ли он слишком плохо знал язык и не мог связно выразить свои мысли, то ли девушка не понимала шуток. Она даже не улыбнулась. – Они сейчас счастливы.

– Тем более зачем их трогать? И что с ними будет, если вы их поймаете?

– Не поймает, – махнула рукой Зайа, – они уже в Леганне.

2896 год от В.И. 19-й день месяца Агнца АРЦИЯ. ФЛО

Искать лучше всего там, где потерял, а не там, где светлее. Александр Тагэре пропал недалеко от Гразы, Рафаэль туда и отправился. Деревья еще не покрылись зеленью, а пробивающиеся кое-где ростки крапивы, по утверждению Крапивника, ничего не сообщали. Пока крапива не начнет жечься, разговаривать с ней бесполезно и она годится разве что на корм козам.

От Гран-Гийо до Гразы было не так чтобы далеко, можно было не спешить. Крапива вырастет только тогда, когда вырастет, а до этого можно рассчитывать лишь на глаза и уши.

За месяцы вынужденного сидения в Гран-Гийо Рито Кэрна научился по своему желанию делать то, что раньше у него выходило случайно, так что внимания они с Серпентом не привлекали. Рафаэля его новое умение одновременно и радовало, и бесило. Да, это было оружием, но каким-то нечестным. Байланте не должен стрелять в быка из арбалета и скрывать свое имя, но не искать же Александра, размахивая родовой сигной.

Раньше Рафаэль болтал, пел и смеялся. За зиму он научился молчать и слушать. Люди его не то чтобы не видели,

но не замечали, и он мог слышать все, что говорили, хоть говорить в Арции стали намного меньше. Страна встречала весну в глубокой уверенности, что все плохо, а любые перемены будут лишь к худшему. Про Александра почти не говорили – вспоминать добром боялись, а злом было не за что. Про нового короля и его родичей тоже помалкивали. Хвалить было не за что, ругать и сплетничать опасно.

Арция погасла и сломалась, как отец после болезни Ренаты. Люди глядели настороженно, не засиживались в общих залах, стараясь побыстрее проглотить заказанную еду и убраться от греха подальше.

Кэрна привык к настороженному унынию, и развеселая компания, пьющая за здоровье короля и королевы в харчевне «Мечта путника», его изрядно удивила. На первый взгляд, это были люди как люди. Судя по одежде – зажиточные мещане, довольные жизнью и собственными персонами. Их шутки и здравицы казались неуместными, как пляски на похоронах, но пирующим не было дела до косых, угрюмых взглядов. Сначала Рито решил, что гуляки наняты, чтобы вызвать ссору и выявить недовольных, но, присмотревшись, понял: они те, за кого себя выдают. Кэрна повидал немало простолюдинов, влюбленных сначала в герцога Эстре, а потом в короля, чтобы ошибиться. Байланте всегда верит своим глазам, даже если то, что он видит, ему не нравится. Осенью Рафаэль полез бы на рожон, сейчас он сидел и смотрел, пытаясь понять, чем унылый и жадный ублюдок расположил

к себе, в общем-то, славных людей. Маркиз Гаэтано сдержался, но закусывавший за соседним столом человек в зеленом, судя по всему, лесничий, не выдержал и громко буркнул:

– Нашли, за кого пить. Кошкин сын вас же подчистую к осени обчистит.

– Много ты понимаешь, – беззлобно откликнулся один из мещан, – налоги – это временно. Надо же от врагов защищаться. Сообщников горбуна еще не всех выловили...

– Погоди-погоди, – поднялся лесничий, – это ты о покойном короле?!

– Да какой он король? Убийца и негодяй! Детей малых, и тех не пожалел, чтоб на братний трон усесться. Жену отравил, чтоб на племяннице жениться. Совсем стыд потерял.

– Ты думай, что несешь, подстилка кошачья!

– Это ты думай, дубина зеленая! Все знают, что горбун убийца и что без Пьера Арция бы пропала...

Рафаэль не верил своим ушам. Гуляки за Тартю готовы в огонь и в воду. Лесничий был один, но он явно устал молчать и прямо-таки лез в драку. Трактирщик был смертельно перепуган то ли тем, что его заведение разгромят, то ли тем, что его сочтут сторонником свергнутого короля. Остальные молчали.

– Ты, прежде чем глотку рвать, узнал бы, как дело было, – надрывался сторонник Тартю.

– А ты знаешь, да?! Осел бесхвостый!

– Знаю, это все знают. Про то, как было, театер показы-

вает.

– А ты и поверил, так тебе правду и покажут.

– Именно, что покажут. При горбуне ты теятер видел? А почему? Потому что он правды боялся! А Пьер не боится. Сам за теятер платит, чтоб народ видел.

– За брехню он платит. Чтоб такие дурни, как ты, евонную брехню без соли жрали!

– Да чего ты ему говоришь, – влез коротконогий плотный дядька, – Пьер Пьером, а рожу он тебе расквасит, ишь как за горбуна держится. Поехали лучше. А теятер вы, люди добрые, все ж поглядите. Он у нас в Кер-Франсуа сейчас, а потом к вам поедет. Вот и поймете, что к чему...

НЭО РАМИЭРЛЬ

Люди, стоявшие на опушке, были одеты в темно-серые куртки и черные штаны, заправленные в высокие сапоги, и сердце Романа возликовало. Наглядевшись на полуголых востительниц, Рамиэрль немного побаивался встречи с фэрриэнскими мужчинами. Обошлось. Те ничем не отличались от обитателей иных миров и стран и явно знали, что должны прикрывать доспехи и как обращаться с мечами.

Воины, в свою очередь, уставились на эльфов и льяму, чем явно раздосадовали Шаббу, но Онка была умнее. Она что-то тихо объяснила хмурому лысоватому воину, чей темно-серый плащ был украшен изображением нападающего ворона, и вернулась к подругам. Нэо понял, что пришло время пустить в ход выученный фэрриэнский, и вышел вперед. Льяма покатила следом, на сей раз это было кстати.

Роман двигался медленно, давая рассмотреть себя и рассматривая будущего собеседника. Тот ему нравился, а Нэо привык доверять первым суждениям о людях, это чутье его еще не подводило ни разу. Человек с вороном будет трудным собеседником, но может стать хорошим другом.

– Прости, я назову себя и своих спутников сам, – Рамиэрль решил сразу же отделить себя от «Лилий», – мое имя Роман. Это Аддар и Норгэрель. Мы пришли из другого мира.
– Я вижу, – взгляд «Ворона» уперся в огневушку, – мое

имя Таэтан, я вассал конда Вайарда. Давно Бездна не пропускала к нам изгнанников. Леганна приветствует вас.

– Мы благодарны Леганне, – поклонил голову Нэо, – но наша дорога кончается не здесь. Мы можем показаться безумцами, но мы ищем Ангеса.

Как ни странно, Таэтан не отшатнулся и не заговорил с гостем ласково-лицемерным лекарским голосом.

– Ангес вечно в бою, он не смотрит на то, что творится за его спиной... Я не знаю никого, кто бы видел Воина сам, хотя в старину были и такие.

– Может, в храме...

– В храмах умеют только «волчью долю» собирать да дураков утешать. Ангес им не мешает, но никто не помнит, чтоб он являлся молеельщикам. Воинам и кондам, тем да. Если они оружие не опускали и не за свою дурь сражались. Нет, в храмах вам делать нечего, разве что на каменных волков любоваться, а вот в соседней кондии есть одна тропа... Попробуйте счастья.

– Если ты думаешь, что я понял... – вздохнул Рамиэрль.

– Это я – дурак, вот и говорю с конем о рыбе. Езжайте с нами, все равно без помощи конда вам не обойтись, да и красоток на опушке держать – издевательство. Путь неблизкий, чего доброго, с них вся краска слезет. Ты верхом ездил?

– Да, – Рамиэрль почел за благо не уточнять, что может подчинить себе любую тварь с теплой кровью.

– Тогда по дороге все и обговорим.

Таэтан подал знак, и молодой парень, которого в Арции называли бы аюдантом, привел двоих черных животных, отличавшихся от коней лишь отсутствием гривы и коровьим хвостом с кисточкой на конце. Разум и норов у чернышей оказались вполне лошадиными, и Нэо с наслаждением вскочил в седло, спиной ощутив восхищенно-раздосадованный взгляд «Лилий». Таэтан его посадку тоже оценил.

– Молодец, эдак мы с тобой до Лега доберемся к вечеру.

– А остальные?

– Будут ждать и трясти своими цацками, благо есть перед кем. Я доложу конду, что Девы Тьмы явились за подругой, тот пришлет ответ, начнут торговаться. Все, как положено...

Нэо не знал, что именно положено. Слезы и злость Шаббы были самыми что ни на есть настоящими, а остальные смотрели на затеянный поход как на вечеринку. Впрочем, Рамиэрлю было не до них.

– Что с моими друзьями?

– Им придется подождать, пока мы доберемся до Табра. Оттуда я за ними пошлю скакунов. Если они боятся попасться в коготки котиссам¹¹, пускай посидят с моими ребятами.

Эльфы не возражали, возражала льяма, решительно припустившаяся за чернышом, оказавшимся быстрым, как таянский дрыгант. Прогонять Волчонку Рамиэрль не стал, бесполезно. Сейчас Романа занимала тропа над обрывом, про которую рассказал Таэтан. Неужели Врата?! Но куда? Опять

¹¹ Ироничное название Дев Тьмы.

Радужный мост, или Бездна, или что-то новенькое?

Фэрриэннец знал не так уж и много. Пресловутая тропа тянулась вдоль самого настоящего обрыва, за которым виднелся лес, и была знаменита тем, что, сколько по ней ни иди, останешься на месте.

Те, кто пытались пройти Тропой, добирались до огромного корявого пня, а дальше начинались чудеса. С другой стороны оврага горе-путешественников было прекрасно видно, они старательно шагали вперед и никак не могли миновать зловредный пенъ. Когда неудачникам надоедало топтаться на месте, они поворачивали назад, но не тут-то было! Бедняги маршировали в другую сторону, не сдвигаясь ни на шаг, пока не проходило столько же времени, сколько они «шли» вперед. Только после этого проклятая коряга отпускала пленников. На памяти «Ворона» бывало только так, но лет за десять до его рождения двое парней сначала миновали заколдованный пенъ, а потом исчезли из глаз, и никто их больше не видел. Рассказывали, что подобное случалось и раньше, а больше в Фэрриэнне никаких чудес не было, разве что время от времени Бездна пропускала сюда изгнанников из Пяти Миров, где владовали помешанные на Свете злыдни. Правда, в покрытых золотой чешуей чудищ Таэтан не верил, но в том, что лучше смерть, чем жизнь под властью кого-то из бывших Светозарных, не сомневался.

Рамиэрль пожалел, что Альмик остался в Луциане, какого бы друга он себе здесь нашел! Хотя, с другой стороны, бун-

тарь нужен Эльрагиллу и своему миру, а они с Норгэрелем своему.

– Таэтан, нам нужно попробовать с этой тропой.

– А то я не понял, – засмеялся «Ворон», – обязательно попробуете, но сначала придется на свадьбе погулять. Конд и его брат мне не простят, если я вас им не представлю, да и с Адоном договориться надо. Тропа в его владениях находится, а он сейчас в Леге: как-никак дочка замуж выходит.

– Значит, Тигойа...

– Фамарская кондеска. А ты что думал?! Попасть к Девам Тьмы дело не дешевое. Они простолюдинок не берут, да и цацки их бешеных денег стоят. За один нагрудник пяток скаунов купить можно.

– Звездный Лебедь! – присвистнул Роман. – Выходит, Девы эти знатные и богатые, зачем же они по лесам бегают?

– Да за тем же, зачем вся ихняя порода, – махнул рукой «Ворон», – за женихами.

Нэо засмеялся и пошел за Таэтаном. Лично он ничего против маскарада не имел, тем паче Девы Тьмы, в отличие от паладинов Солнцецвета, тошноты не вызывали, только смех. Воительницы... Дочери и сестры местных нобилей, вздумавшие поиграть в сказку, а заодно показать кавалерам то, что обычно дамы вынуждены скрывать. Отсюда и доспехи, которые не доспехи, и стража, которая не стража, хотя за самим обычаем наверняка что-то стоит.

К вечеру они с фэрриэннцем отмахали несколько вес.

Черныш обладал прекрасной иноходью, а хвост... Не в хвосте, в конце концов, счастье, хотя в чем оно, Нэо Рамиэрль до сих пор не понял. Эльф знал одно: счастья без свободы быть не может, по крайней мере, для него. Но что есть свобода, как не право выбора, право жертвовать своим и чужим счастьем ради того, что почитается долгом.

**2896 год от В.И.
21-й день месяца Агнца
ОРГОНДА. ЛИАРЭ**

Дарниец казался честным, хотя найти дарнийца, который выглядит жуликом, трудней, чем белокурого атэва. Другое дело, что врать и предавать уроженцы вольных торговых городов умели, и еще как, но принесенные человеком по имени Вильхайм сведения походили на правду.

Герцог Сезар расплатился с доносчиком, который деньги взял, честно признав, что ему один раз уже заплачено и заплачено щедро. Мальвани не сомневался, что тринадцатая часть вырученной суммы будет чинно передана Церкви нашей Единой и Единственной, дабы святой Вильхайм, святой Отто, святой Хайнц и прочие дарнийские святые не оставили жертвователя своей милостью. Полученные сведения стоили заплаченных за них денег, знать бы еще, откуда они. Мальвани еще раз перечитал письмо. Почерк был хороший – крупный, размашистый, без завитушек и росчерков, он немного напоминал почерк Сандера. Марта до сих пор не верит в смерть брата, он тоже не хочет верить, но живой Александр уже где-нибудь бы объявился. То, что его не нашли враги, ничего не значит: в Гразских оврагах и болотах может сгинуть и здоровый, а король был ранен. Садан никогда не имел дела с

трясинами, запросто мог принять топь за покрытую вкусной травой лужайку, и все. Хотя такая смерть лучше плена...

Сезар рванул богато расшитый воротник и вернулся к посланию. Что бы сказали Сандер и отец, если б получили такое? И что б они сделали, окажись это правдой? Герцог потряс украшенный оргондским трилистником¹² колокольчик. Немедленно появившийся аюдант отнюдь не казался заспанным, хотя шла четвертая ора пополуночи.

– Сержи, пригласи братьев Монтрагэ, сигнора Гартажа и нашего мирийского друга, – у двери аюдант задержался, он казался немного растерянным, и Сезар невольно улыбнулся, – разумеется, сигнору тоже.

Сержи поклонился и исчез. Мальвани проводил его взглядом, задумчиво перебирая герцогскую цепь. Виконт Тирован был любимым аюдантом отца. Узнав о смерти маршала, он места себе не находил. Бедняга и сейчас изводит себя мыслью, что, отправься он в сбесившуюся Лиарэ, Анри Мальвани остался бы жив. А сам он лучше, что ли? Тоже думает, что, окажись он на Гразском поле вместе с Сандером, все пошло бы иначе.

Никогда еще Сезар Мальвани не был так близок к тому, чтобы нарушить данное в юности обещание и напиться. Он оставил Арцию и Александра ради Марты, Сандер отпустил друга к сестре, а сам попал в ловушку и погиб. Сначала Се-

¹² Символ Оргонды – трилистник, в отличие от сигны герцогов Оргондских из династии Ги, на которой изображены три короны.

зар надеялся, что Рафаэль или Луи отыщут Александра, но Трюэль с уцелевшими дарнийцами всплыл в Гваре. Он ничего не знал ни про короля, ни про маркиза Гаэтано, а Рито прислал письмо из Мунта и как сквозь землю провалился. Представить себе, что мириец где-то отсиживается, было невозможно, и Сезар простился с обоими – и с королем, и с его другом, другом, который был рядом с Сандером, когда герцог Мальвани наслаждался жизнью в Оргонде.

В непроглядной ночной темноте ярко светила голубая звезда. Амора! Такой яркой он ее еще не видел, а может, дело в том, что люди имеют милую привычку связывать звезды со своими радостями и бедами. Когда мы счастливы или, напротив, впадаем в отчаяние, мы чаще смотрим на небо...

Герцог все еще стоял у распахнутого окна, за которым занималась заря, когда Серж Тирован доложил, что все собрались.

– Сержи, – повернулся к аюданту Сезар, – пригласите всех и останьтесь.

Виконт вспыхнул и вышел скорее, чем следовало. Сезар пригладил волосы, еще раз коснулся цепи с трилистниками и улыбнулся ранним гостям.

– Моя сигнора, благодарю... Господа, рад вас видеть. Я получил письмо. Довольно необычным способом, должен вам заметить, но отмахнуться от находящихся в нем сведений нельзя. Вы все в той или иной степени знаете наше положение и наших врагов. Мне нужно ваше мнение об этом

послании. Слушайте.

«Анонимные письма у людей благородных вызывают законное отвращение, но в двух случаях отсутствие подписи оправдано. Когда письмо, попав в чужие руки, может стоить кому-то чести или жизни и когда подпись заставляет забыть о содержании. Вряд ли кот, даже самый великий, поверит тому, что ему напишет собака, и наоборот. На этом позвольте закончить с объяснениями и перейти к делу.»

Монсигнор, все понимают, что весна не принесет Оргонде мира. Насколько мне известно, вы ждете удара в нижнем течении Ньера, недалеко от крепости Кер-Септим. В свое время ваш отец построил в Крокалье постоянный лагерь, более похожий на крепость, и был совершенно прав, так как находящихся там войск было довольно, чтоб перекрыть путь вторгнувшейся армии, какую б из трех ведущих к столице дорог та ни избрала. Однако с падением Арции ваше положение ухудшилось, и серьезно. Вы не только потеряли союзника и приобрели врага, теперь нацеленная на вас ифранская армия увеличилась в три раза, так как Ифране больше не за чем держать войска на арцийской границе.

Возможно, вам будет интересно узнать, что командует компанией маршал Аршо-Жуай. Во время Гразской битвы он довольствовался ролью наблюдателя и горит желанием доказать, что достоин называться полководцем, а не приложением к предателям и интриганам. Жуай опасается гене-

рального сражения, так как помнит уроки, преподанные ему вашим батюшкой, и желает выиграть войну с минимальными потерями. Не буду вас утомлять досужими рассуждениями и перейду к достоверным сведениям.

Маршал – неглупый человек, и он решил разделить свою армию на две. Первая (две тысячи рыцарей и около двадцати тысяч пехотинцев) должна сковать ваши основные силы в Крокалье, а вторая (шесть тысяч рыцарей, десять тысяч пехотинцев и четыре тысячи стрелков) переправится через Ньер и двинется на Лиарэ, куда одновременно с ней подойдут морские силы дарнийцев, которым хорошо заплатили за их услуги. Кроме того, ведутся переговоры с теми же дарнийцами о формировании третьей сухопутной армии, которая должна довершить разгром, однако дарнийцы весьма опечалены гибелью отряда господина Игельберга. Дабы почтить его память, они запросили тройную цену, и Ее Высочество пока не может переступить через фамильную бережливость.

Начало кампании намечено на месяц Иноходца, когда спадет большая вода и дороги станут проходимыми. Соответственно, штурм Лиарэ с моря и с суши следует ожидать в конце месяца Медведя или в начале месяца Влюбленных.

Вот, собственно, и все, что я имею вам сообщить. Надеюсь, будучи вооружены этими сведениями, вы найдете выход из безвыходного положения, в котором оказались. Если мне будет дозволено высказать свое мнение, то Тигру не зазорно вспомнить об опыте мелких мяукающих родичей, которые

избегают ловушек успешнее, чем волки, а в случае необходимости могут забраться на дерево или на крышу».

– Итак, господа? Что вы об этом думаете?

Мишель Монтрагэ поднял покалеченную руку. Когда-то это помешало ему избрать военную карьеру, но личное несчастье молодого нобилия для Оргонды обернулось удачей. Мишель оказался прирожденным дипломатом и разведчиком. Пока Авира не сочла уместным разорвать отношения с Лиарэ, он находился при ифранском дворе и знал его, как никто.

– Я склонен верить письму, – твердо сказал дипломат, – но не представляю, кто его написал. Можно изменить почерк, можно взять перо в левую руку, но у нашего «друга» весьма своеобразная манера выражаться, и он более, чем информирован. На первый взгляд, его следует искать среди тех, кто был в Гразе вместе с маршалом Аршо, но вряд ли там оказался бы кто-то, желающий нам успеха. Разве что нас предупредили противники Жоселин.

По приезде я докладывал, что у девицы Пата множество недоброжелателей, главным из которых, на мой взгляд, является граф Вардо. Пока он ничем этого не проявил, но у меня сложилось твердое впечатление, что он готовит переворот. Вардо достаточно умен и циничен, чтобы передать нам секретные сведения, ведь военное поражение Жоселин льет воду на его мельницу. Но он на ножах с маршалом Аршо и другими военными и вряд ли имеет доступ к подобным све-

дениям.

– Что думает сигнор? Это ловушка или подарок? – сверкнул зубами граф Артъенде.

– Это очень похоже на правду, – задумчиво проговорил Арно Монтрагэ. – Аршо хочет выиграть войну, а это можно сделать и без приграничного сражения. Если они сговорились с дарнийскими капитанами, оборонять Лиарэ будет трудно.

– Но взять еще труднее, – подала голос Марта, – продовольствия нам хватит, а гарнизон и жители встанут насмерть.

– Пусть сигнора меня простит, – Мишель Монтрагэ виновато улыбнулся. – Лиарэ и впрямь может продержаться несколько лет, но за это время Оргонда станет провинцией Ифраны, кроме областей, которые Паучиха подарит Кантиске, чтобы Церковь закрыла глаза на войну.

– Если ифранцы начнут обирать оргондцев, их начнут убивать по ночам, – протянул Диего Артъенде, поигрывая кинжалом, – а мы им поможем. Легкая конница в тылу осаждающей армии изрядно отравит ей жизнь. Когда Али воюет с Сартахеной, он действует именно так.

– Диего, – в глазах Арно вспыхнул живой интерес, – вы следите за вашими южными соседями?

– Да, – засмеялся мириец. – Я очень ленив и не хочу ломать голову над тем, что давным-давно придумано. Клирики нас попрекают сходством с атэвами, но в этом есть свои преимущества. Легкие доспехи, быстрые лошади, безумные

всадники... Вряд ли это понравится серьезным дарнийским господам.

– Хорошая мысль, – согласился Сезар. – Но прежде чем дергать дарнийцев за хвост, надо дать по носу ифранцам. Я не позволю им маршировать через всю Оргонду с развернутыми знаменами. Они собираются осадить Лиарэ в месяце Медведя. Дарнийцы раньше не подойдут, незачем, так что время у нас пока есть. Сигнор Гартаж, что бы, на ваш взгляд, сделал Александр Тагэре?

– Разбил бы Аршо, – вздохнул арциец, – не знаю, как, но разбил бы.

– Так мы и поступим. Моя Сигнора, я намерен оставить Лиарэ на ваше попечение. Если дарнийцы придут раньше нас, вам придется выдержать несколько штурмов.

– Я сделаю все, что могу, но оставьте мне настоящего полководца. Я – женщина, хоть и урожденная Тагэре, а не командор.

– Я помню и о первом, и о втором, – Сезар подошел к жене и поцеловал ее руку. – Сигнор Арно, с сегодняшнего дня гарнизоном Лиарэ командуете вы.

– Мы продержимся, – просто сказал маршал.

– Не сомневаюсь. Диего, вы отправитесь с нами. У вас будут все возможности развлечься.

– Мы готовы танцевать все ночи напролет, – засмеялся мириец, – иначе бы нас здесь не было.

– Сигнор Гартаж, я могу рассчитывать на арцийцев, стоя-

щих в Крокалье?

– Трижды. Как герцог Оргонды, как Мальвани и как наследник арцийского престола.

– Что ж, господа. Мы встретим Аршо там, где это удобно нам, а не ему.

2896 год от В.И. 22-й день месяца Агнца ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Таянский король, недолго думая, возвел своего гостя в звание коронного ¹³ и сделал его милитарием ¹⁴, так что о билланской войне Сандер знал все или почти все. Это было традицией. В свое время арцийская императрица Белинда Гардани отправила своего первенца на выучку к деду. Арцийский наследник вернулся в Мунт в звании коронного, а единокровный брат Белинды Стефан получил звание командора Арции. Так продолжалось две с лишним сотни лет, потом в Мунте об этом забыли, а в Гелани – нет. В Арции Рене Счастливого старались вспоминать пореже, портреты его – и те исчезли, в Таяне же это имя произносили с благоговением.

Когда Анджей объявил, что Гардани остаются вассалами Арроев, Сандер сперва растерялся, а потом попытался обратиться все в шутку, сказав, что лучше он вернет себе трон Арции. В ответ таянец заметил, что вернуть трон с таянскими саблями легче, чем без них, но эти сабли нужно освободить.

¹³ Таянское воинское звание, если сравнивать с арцийской воинской иерархией, коронный находится примерно между командором и вице-маршалом.

¹⁴ Член королевского военного совета (*Милитарии*).

То есть раз и навсегда выиграть войну с Билланой и Тарской или, по крайней мере, нанести такой удар, чтоб «рогатым»¹⁵ и в голову не пришло нападать, пока таянцы будут заняты с Тартю.

Все было решено еще до появления Александра. Получив письмо графа Лидды, Гардани не колебался ни мгновения: на троне Арции не должно быть бастарда, да еще такого подлого, но прежде, чем воевать на западе, нужно обезопасить себя с востока. Гонцы в Варху и Гар-Рэннок поскакали немедленно, и союзники откликнулись, появившись в Гелани в начале весны.

Первых в своей жизни гоблинов и эльфа Александр Тагэре увидел на Военном Совете, и у него закружилась голова. Нет, это был не Роман, но, несомненно, его родич, тоже стройный и гибкий, с узким, неимоверно правильным лицом и огромными, чуть раскосыми глазами. У Романа были золотые, небрежно подстриженные волосы и синие глаза, и он носил арцийское дорожное платье. Эльф был одет в странные, серебристо-зеленые одежды, а каштановые, зачесанные назад локоны поддерживал изумительной работы обруч, но это не мешало видеть очевидное. Эльта... Эльтова скала или... Эльфова скала?!

¹⁵ «Рогатые», «рогачи», «рогоносцы» в Таяне и Южном Корбуте – презрительная кличка билланцев, тарскийцев и северных гоблинов, исповедующих культ Ройгу, символом которого являются белые олени рога. В Арции «рогатыми» иногда называют рыцарей Оленя, воинов, присягнувших на верность ордену Святой Циалы, чьим символом является белый олень.

– ... наш гость...

– ...Нидаль Рябиновая Гроздь из Дома Ивы Клана Лебеда, пережившего Разлуку, – эльф с грацией горносталя склонил голову, – я рад приветствовать и знакомых, и тех, кого вижу впервые. К сожалению, Эмзар не смог приехать – в Вархе слишком беспокойно, а Клэр все еще не вернулся из зимнего поиска.

– В Вархе беспокойно? – переспросил Гардани. – Магия или мечи?

– И то, и то. Наши разведчики доходили до Монтаи и дальше на север. Там готовятся не к обычным летним набегам, а к войне. Кольцо горит по-прежнему, но требует все больше и больше силы. Год Трех Звезд близок, те, кто чтут Ройгу, верят, что Варха должна пасть.

– Эмзар думает, что ударят по Вархе?

– Это вероятно, но билланский господарь и тарскийские жрецы горазды на хитрости. Ясно одно – они собрали всех, кого могли, и готовы к вторжению. Мы не спустим с них глаз – это все, чем мы можем помочь. Варха вычерпывает нас без остатка, но Огонь не погаснет, пока жив хотя бы один Лебедь.

– Таяна благодарит короля Лебедей, – в голосе Гардани звучала неподдельная теплота и тревога, – мы поведем войска к Глухариной. Став там лагерем, мы станем ждать известий.

– Это хорошее место, – согласился Нидаль, – оттуда удоб-

но ударить и по Вархе, и по Рысьему тракту, и по Франке. Вы перережете дорогу билланцам, куда б они ни пошли, а мы их из виду не выпустим. А теперь прошу меня простить...

– Но ты ведь только приехал, – не смог скрыть удивления Анджей.

– Верно, но все, что нужно, я сказал, а мое место у Кольца. Узник Вархи рвется наружу. Я боюсь, если так пойдет и дальше, нам придется вернуть даже разведчиков и Клэра, – эльф поднялся и слегка поклонился Александру. – Я рад узнать Последнего из Королей и надеюсь на долгий разговор с ним в Лебедином Гнезде не позднее, чем в месяце Сирени. Этикет не позволяет одного гостя просить другого проводить его до коня, но, возможно, Александр Тагэре окажет мне эту любезность.

Сандер встал и вышел вместе с эльфом, ему казалось, что он спит и видит сон. Нидаль улыбался, но в глазах застыла осенняя отрешенность.

– Я и впрямь надеюсь на встречу, но мое сердце слишком часто тоскует по несбывшемуся и несказанному. Вот и теперь оно твердит, что встречи может и не быть. Тебе еще расскажут о Всадниках Таяны. Смыслом их существования было не дать Ройгу перейти Горду. Они держались долго, дольше, чем мы надеялись, но враг оказался слишком силен, и они пали. Я все чаще и чаще их вспоминаю. Это придает сил, но лишает надежды.

– Мне кажется, я попал в сон, в легенду.

– Нет, мой друг. Это Арция спит и видит серый кошмар, а Таяна жива, и твоя легенда еще не сложена. Знаешь ли ты, что Пророчество Эрика о тебе? Скоро взойдет твоя Звезда – она зажжена Первым, но будет светить тебе, Последнему. И не бойся пойти на ее зов.

Когда ты был мальчиком, ты встретил нашего родича, и он научил тебя жить, когда ты был юношей, ты встретил Вернувшегося, и он научил тебя сражаться. Ты не должен их подвести.

– Ты знаешь о них?! Они в Вархе?!

– Нет. Как они тебе назвались?

– Роман и Аларик. Но теперь я знаю его полное имя.

– Роман... Нэо Рамиэрль был нашим разведчиком в мире людей, из одного похода он не вернулся. Мы еще надеемся на встречу, но путь домой порой бывает слишком долог. Рене Аррой приходит и уходит, как ветер. Здесь он бывает редко, он принадлежит морю и живет морем, но ты его еще увидишь.

– Когда?

– Не знаю, но, если время не сойдет с ума, ваши пути пересекутся, Рене найдет тебя, он никогда надолго не терял тебя из виду.

– Могу я спросить, откуда вы знаете обо мне?

– Многие годы Роман шел по следу Пророчества, а звезды указывали на дом Тагэре. Сначала мы считали Последним из Королей твоего отца, затем – брата, потом поняли, что это

– ты. Но Роман разыскал тебя, потому что поклялся в этом Эдмону.

– Эдмону?! – Александру показалось, что он ослышался. – Где? Когда?

– Перед казнью. Спасти его Роман не мог. Мы не всемогущи, к тому же зимой силы эльфов слабеют, но наш родич был с твоим до конца. Эдмон шагнул в песню, смертный ужас его миновал. Но я отвлекся. Роман нашел тебя...

– Тогда я не хотел жить, он меня заставил.

– И, возможно, спас этим Тарру. Роман рассказал о тебе королю Лебедей и Рене. Мы стали за тобой следить, с каждым годом убеждаясь, что ты выстоишь там, где другие сломаются. Тебе ничего не давалось даром, ты сделал свою жизнь сам, ты готов к последнему бою.

– Последний бой, когда он будет?

– Не знаю. Возможно, он уже идет.

Они вышли на крыльцо, где ждал конь, родной брат того, что носил на себе Романа, вернее, Рамиэрля. Нидаль еще раз поклонился и вскочил в седло.

– Прощай, и да хранит тебя Звездный Лебедь, – золотистая молния рванулась сквозь высокую арку и исчезла. Это было как пробуждение от волшебного сна, но Сандер Тагэре всегда просыпался сразу. Там, наверху, сейчас говорят о войне, там все понятно, и его место там.

НЭО РАМИЭРЛЬ

Легонна оказалась гостеприимной, а конд – вызывающим уважение. Они сразу ладили, возможно, потому, что Вайярд Легонский напомнил Нэо Стефана Ямбора, только был постарше. Лет сорока, слегка располневший из-за вынужденной неподвижности (наемный убийца ударил Вайярда кинжалом в спину, и у конда отнялись ноги), с хорошим, волевым лицом, он думал не о своих бедах, а о своем долге, хотя жил в аду. Владел собой Вайярд отменно, но Нэо едва не опустил глаз, когда после первой встречи двое дюжих охранников подхватили кресло с сюзереном и понесли к двери. Таэтану следовало предупредить гостя, но он этого не сделал, и Нэо даже понимал почему. «Ворон» привык к увещью своего господина и к тому, что об этом известно всем, а Романа признал за своего, вот и упустил из виду, что тот ничего не знал о несчастье.

Они были откровенны друг с другом настолько, насколько могли себе позволить. Нэо не сказал, что он эльф и маг, а Вайярд... Вайярду тоже было что скрывать. Свою боль, бессилие, отчаяние. Но помочь легонец согласился. После свадьбы Таэтан проводит их с Аддари и Норгэрелем к Тропе. Вайярд обещал, что конд Фамарский согласится пропустить чужаков на свои земли. Еще бы ему не согласиться, ведь его дочь со временем станет кондессой Легонны и матерью на-

следников. Тамарин – славный парень, хотя до брата ему далеко. Так же, как Зенону и Марко было далеко до Стефана.

Если Тропа над обрывом не сказка, то Фэрриэнн будет лишь краткой передышкой на их пути не поймешь куда. Этот мир пронизан той же магией, что и Черное Кольцо, но того, кто его создал, здесь не видели веками. Если верить чьей-то памяти, оживавшей в Норгэреле, Ангес любил странствовать. Вряд ли трое эльфов смогут угнаться за богом, но не ждешь же у моря, когда оно высохнет! Умильное ворчанье свидетельствовало, что льяма полностью согласна со своим хозяином. Это, подружка, очень мило с твоей стороны, но ведешь ты себя неприлично. Нельзя же быть такой ревнивой.

Нэо напустил на себя строгий вид, огневуха тотчас отползла в сторону, и эльф рассмеялся, правда, не слишком весело. Ему было жаль конда. Фэрриэннские похождения начинались смешно, но «Черные лилии» росли из земли, в которую впиталось немало крови. Может, Арцей не так уж и не прав, полагая, что смертных нужно хорошо кормить и держать в строгости? Лучше тысяча паладинов, вещающих от имени Света и творящих суд, чем войны, в которых сильный пожирает слабого, чтобы в свою очередь быть сожранным кем-то еще.

Льяма подскочила и зарычала, Рамиэрль уже научился разбираться в издаваемых его приятельницей звуках и понял, что к нему пришла женщина, причем не Онка и не Зайа. Этих двух Волчонка терпела, но остальных, будь ее воля, ис-

пепелила б на месте. Рамиэрль распахнул дверь. Так и есть, Шабба. В доспехах. Жаль, до такого не додумались хаонгские работорговцы, продающие атэвским вельможам краденых красавиц. Одень они пленниц в платья из кожи и железных колец, их выручка подскочила б до небес, но Нэо Рамиэрль не был атэвским принцем и вид Шаббы вызвал у него единственное желание – захлопнуть дверь, оставив воительницу по ту сторону.

– Черные Лилии оплакивают предательство той, что была их подругой, – томно протянула дева, – и просят своих гостей осушить прощальную чашу.

Спасение пришло со стороны Таэтана, пришедшего по поручению конда. Вайард собирался на оплакивание и хотел видеть рядом с собой гостей. Что ж, рядом с ним никакая Шабба не страшна. Нэо поблагодарил за приглашение, а Волчонка торжествующе твякнула на разочарованную Лилию.

– Как есть дура, – заметил Таэтан, когда они отошли достаточно далеко. – И злая к тому же. Мы боялись, что Тамарин на ней женится. Вообще-то, как союзник – ее отец выгодней, но иметь такую кондессу...

– ... то же, что проиграть три войны, – подсказал Роман, вспоминая Агнесу и Ольвию. – А куда мы идем?

Оказалось, жениться на Деве Тьмы – дело непростое. Мало того, что ее надо похитить, нужно умилоствивить заявившихся за ней подруг и уговорить их освободить ее от клятвы. Уходя в лес пугать ежей, девы клялись служить Тьме до

самой смерти, отказываясь от семьи, любви и всего того, что нужно человеку, чтобы быть человеком. Нэо хмыкнул, но вовремя вспомнил про арцийские посты и луцианскую манеру непременно вставать с восходом солнца, как бы ни хотелось спать. Похоже, во всех мирах находятся дураки, полагающие, что если они не станут есть, спать, любить и радоваться жизни, то угодят высшим силам.

Почему богам должно быть хорошо, когда кому-то из-за них плохо, Рамиэрль не понимал. Он подозревал, что Ангесу подобные жертвы без надобности, но Лилиям, видимо, хотелось нарушить побольше запретов. Прежде чем выйти замуж, Дева Тьмы должна была пасть от руки подруги и быть по всем правилам отправлена в мир иной. Жених же приводил в дом найденную в лесу девицу, утратившую память, которой давали новое имя. Нечто подобное Рамиэрль видел в сурианских деревнях. Там невесту, которую выдавали замуж в соседнюю деревню, «съедал» речной кокодрил, а «найденные» на берегу бусины и какие-то косточки торжественно предавали земле, дабы обмануть местных божков.

Эльф поделился своими воспоминаниями с Таэтаном, вызвав у воина неуместный приступ хохота. Они еще смеялись, когда догнали конда и его носильщиков. Роман был бы плохим целителем, если б не понял, что Вайард чувствует себя хуже некуда. Он держался – еще бы, свадьба единственного брата и наследника, но воля волей, а боль болью. По тому, как с лица Таэтана сбежала улыбка, эльф понял, что воин

тоже обо всем догадался.

Вайард, приветствуя гостя, улыбнулся, протягивая руку, и Нэо не выдержал, хоть и знал, что в Легонне лечат только травами и каменными солями, которые привозят с юга. Сила Ангеса не давалась ни людям, ни Аддари с Норгэрелем, но Роман мог черпать ее полными пригоршнями, что и сделал, коснувшись отечной бледной руки.

– Мой конд, посмотрите мне в глаза.

Калека в стальном обруче на темно-русых волосах с удивлением поднял взгляд. Круг замкнулся. Рука в руке. Глаза в глаза. Он пытался таким образом лечить Норгэреля, но болезнь родича была рождена магией, конд же пострадал от простого железа. Такую боль в Арции глушит любой медикус, другое дело, что ненадолго. К ночи Вайарду станет хуже, но церемонию он выдержит.

– Что ты сделал? – прошептал конд.

– Снял боль, – признался Нэо, – к сожалению, не навсегда.

– Спасибо, – Вайард улыбнулся, – но не делай этого больше, ведь ты уйдешь, а я останусь.

Да, об этом он не подумал. Не случайно фэрриэннец напомнил ему Стефана. Другой владыка постарался б удержать чудо-лекаря при себе хоть золотом, хоть женщинами, хоть цепями, а Вайард не хочет отвыкать от боли, потому что, когда уйдет гость, она вернется.

– Не буду.

– Но этот вечер будет моим, – повелитель Легонны тронул

эльфа за плечо, – мне жаль, что ты у нас не удержишься. Не потому, что ты можешь помочь, а потому, что я хотел бы иметь тебя рядом. И твоих спутников тоже.

– Если б я покинул свой мир оттого, что мне наскучил покой, я бы остался, но у нас идет война.

– У нас тоже, – улыбнулся Вайард. – Но мы прежде всего должны своему дому и своему миру... Что ж, попробуем повеселиться хотя бы сегодня. Когда бедную невесту «убьют» и «похоронят», в большом дворце начнется вечер Встречи. Это красивый обычай, особенно если жених и невеста любят друг друга, а мой брат и эта глупышка любят.

**2896 год от В.И.
26-й день месяца Агнца
АРЦИЯ. ФЛО**

Представление давали в наспех сколоченном деревянном бараче, украшенном увядшей по причине жары зеленью. Первые скамьи занимали клирики и нобили, сзади размещалось простонародье. Публика прямо-таки ломилась на дармовое зрелище, но Рито умудрился отхватить место в восьмом ряду с левого края, а Серпъент возжелал наблюдать за действием с плеча Рафаэля. Начали вовремя. На сцену вышел злодейского вида человек с подложенной под плащ подушкой и низким, рычащим голосом заявил, что намерен стать королем Арции, даже если ему придется переступить через трупы своих родителей, братьев, племянников и жен.

Я преступлю, не дрогнув, реки крови, —

завывал урод с подушкой, —

Но трон арцийский я заполучу,
Что смерть, предательство, разруха, голод?
Всего лишь средства, а корона — цель!
О ней мечтал я с самого рожденья,
Себя во сне я видел королем,

Проснувшись же, оказывался я
Лишь тенью робкой царственного брата...

Актеру было самое малое под пятьдесят, а грим добавлял ему еще с десяток лет. Рафаэль не сразу сообразил, что рычащий и хрипящий придурок изображает Александра Тагэре. То, что происходило на подмостках, не лезло ни в какие ворота. Негодяй Жоффруа, бывший старше Сандера на пять лет, превратился в юного, белокурого херувимчика, оклеветанного и погубленного злодеем-горбуном, который на этом не успокоился и взялся за Жаклин. Сначала он самолично убил ее горячо любимого и благородного мужа, затем похитил и изнасиловал безутешную вдову, вынудив выйти за себя замуж, после чего ее же и отравил, чтобы жениться на племяннице.

С каждым сказанным словом Рито все больше казалось, что он рехнулся. Дело было не только в ерунде, которую несли актеры, довольно-таки бездарные, надо отдать им должное, а в том, КАК на них смотрели зрители. Тишина стояла такая, что пролети бабочка, и то было бы слышно. Кэрна видел, что люди верят ВСЕМУ, что им плетут. Для них Сандер, за всю свою не столь уж и долгую жизнь не сотворивший ничего бесчестного, был чудовищем, узурпатором и убийцей.

Стараясь не шуметь, Рафаэль встал со своего места и пробрался к стене. Было еще светло, и мириец лихорадочно искал лица, на которых бы читались возмущение, недоверие,

ирония. Таких не было! Завопи кто сейчас: «Бей горбуна!» – и собравшиеся повскакали б со своих мест и с палками и факелами бросились на кровавого негодяя.

– Занятная магия, – шепнул Серпъент, – сразу и не поймешь, на чем она замешана...

– Магия? – не понял Кэрна, немедленно став врагом стоящих рядом, ибо отвлек их от разворачивающегося действия.

– Волшба, – подтвердил Серпъент, заползая приятелю чуть ли не в ухо. – Кто-то умный работал, проешь его гусеница! Ну да на каждую задницу найдется крапива! Это все брехня? Не говори, кивни только.

Рито вслушался и решительно потрянул головой. Брехней было абсолютно все. То есть до такой степени все, что становилось непонятно, как подобное вообще могло прийти в голову. Это была даже не ложь, потому что ложь все же отталкивается от правды, а какое-то чудовищное извращение, сумасшествие, причем оказавшееся заразным.

Толпа внимала. Актер с подушкой как раз дошел до захвата власти и подробно сообщал, что подкупил свидетелей, дабы те оклеветали покойного короля, обвинив его в двоеженстве.

Пусть ложе брата моего не знало скверны, —

шипел «Александр», превознося добродетель покойного Филиппа, число только известных любовниц которого пере-

валило за две сотни, —

Его залью зловонною смолой,
И не отмыть ее вдове и детям,
А чтобы даже шепот не раздался,
Племянницу я к браку приневолю...

Зачем законному королю потребовалось жениться на незаконнорожденной, тиран объяснить не успел, так как раздался тонкий, дребезжащий голосок:

— Это все ложь, люди хорошие! Клянусь святым Эрасти!

Рито бросился вперед и успел вовремя, чтобы прикрыть собой невысокого старичка в потертой кожаной куртке, а тот, сжимая сухонькие кулачки, кричал о покойном Шарло Тагэре, продажных лицедеях и несправедливости. Рафаэлю не впервой было драться, но против озверевшей толпы он еще не выходил. Зрители, только что с ужасом взиравшие на великого злодея, ополчились на тех, кто осмелился его защищать. Правда, не все. Слева вскочило трое плечистых мужчин, явно готовых дать бой остальным, а справа раздался громкий, переливчатый свист. Свары возникли еще в нескольких местах.

Два десятка человек против четырех или пяти сотен! Говорите, нет суда справедливей памяти народной? Вот она вам, ваша память! Да и благодарность заодно! Старикашка за спиной Рафаэля не унимался, выкрикивая правильные слова, которые лишь подбавляли масла в огонь.

– Нашел, – гаркнул мирийцу в ухо Крапивник, – мы их поймали!

– Как бы не они нас, – огрызнулся Рито, проверяя, как ходит в ножнах меч.

– Погоди, я с ними и без железяк управлюсь.

Ответить Кэрна не успел – Серпъент заткнулся, и вверх взмыла огромная рыжая бабочка. Вызывающе трепеща крыльшками, она подлетела к сцене и пристроилась на занавесе, а затем театр заполнил уже знакомый Рафаэлю хриплый рев.

Серпъент Кулебрин завел свою старую песню. Нет, не совсем! Вслушавшись, мириец понял, что слова изрядно изменились:

Бей Тартю крапивой по унылой харе,
Чтоб забыл, как из себя корчить государя.
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо.
Бей шута крапивой по вонючей пасти,
Чтоб навеки позабыл, как брехать для власти!
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо.
По ушам крапивой – дурней лопоухих,
Чтоб умели отличить правду от чернухи,
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо.
Бей ...

Мириец с детства обладал прекрасным слухом, но никогда

ему не доводилось слышать ничего прекраснее, чем вопли Серпента. Потому что безумные закатившиеся глаза становились обычными, человеческими, а побелевшие и закушенные губы расплывались в ухмылках.

Молодой мещанин в пестрой куртке, обнимавший за плечи свою подружку, замахал рукой и завопил:

– А Тартю – козел!

– Не козел, а кошкин сын! – поправил мордатый лавочник.

– ... кошачье! – подхватил его сосед.

– Долой!

– И шутов этих долой!

– Бей лгунов!

Кто-то свистел и топал ногами, кто-то запустил в сцену какой-то дрянью. Хозяин труппы с побелевшим лицом проблеял что-то вроде «представление отменяяаяаяя...» и удрал, стирая с физиономии то, что мгновение назад было протухшим яйцом, а человек тридцать-сорок, обняв друг друга за плечи и раскачиваясь в обе стороны, вдохновенно орали:

Бей свиней крапивой по голому заду...

Лопухий студюозус подскочил к стене, выхватил уголек и, несколькими штрихами изобразив непристойную картинку, подписал «Кошкин сын». Другой вырвал у приятеля орудие и добавил пару деталей. Вокруг немедленно образова-

лась толпа, подающая художникам советы все больше скабрязного толка. Еще с полсотни человек лупили друг друга по спинам и от души орали «Виват Тагэре!» и «Долой Тартю!».

– Эти готовы, – Серпъент описал несколько кругов перед самым носом Рафаэля, – больше их не окрутишь. Нет, какковы?! Я! Я не сразу понял, как это они делают. Ну ничего, теперь я им пропишу по первое число, до зимы чесаться будут!

НЭО РАМИЭРЛЬ

Ветер обрывал белые лепестки цветов, на небе буйствовала огромная серебристая луна, столь любимая Ангесом. Рамиэрль не сразу привык к мысли, что в нем самом течет кровь Лунных королей, но это так. Может быть, поэтому серебряный свет и разбудил древнюю тоску. А Тамарин и Тигоя влюблены и счастливы, и дай им Звездный Лебедь всего хорошего! У них впереди не так уж и много лет, пусть они будут наполнены радостью.

Во дворце играла музыка, мужчины и женщины пили, танцевали, бросали друг на друга томные взоры, назначали свидания. Нэо видел это сотни раз, так было в Арции, Эланде, Таяне, Корбуте. Эльф оглянулся на освещенные окна: будем надеяться, что его отсутствия не заметят. Конд говорит с отцом жениха, остальные веселятся, и пусть их.

... С неба упала звезда, ярким росчерком пронеслась среди незнакомых созвездий. Странно, что ночь Фэрриэнна не освещали Амора и Ангеза, Дева и Воин не зажгли своих звезд, хоть и взяли этот мир под свою руку. Рамиэрль тронул ствол какого-то дерева и почувствовал его ответ. Захотелось взять в руки гитару. Как давно он не играл... Разве что у зачарованного пруда в Солнечном замке, но тогда его пальцами водили своя и чужая боль, а сейчас назло всему хочется спеть о весне.

Нэо смотрел на звезды и думал о счастье, а потом рядом заплакала женщина. Тихие всхлипы среди цветов и музыки казались особенно безнадежными. Эльф не знал, что оплакивает фэрриэннка, его это не касалось, у него были свои беды, свой долг, своя память, ему следовало уйти и забыть, но он пошел на звук. Незнакомка забилась в самую гущу цветущих кустов, человек ее нипочем бы не отыскал и тем более не подошел бы незаметно, но перед эльфом усыпанные нежными пахучими колокольчиками ветви расступались сами. Нэо узнал Онку. Эльф не представлял, что заставило предводительницу Лилий забиться в самый дальний угол сада, но что дело плохо, понял сразу. Рамиэрль тихо отступил, оставляя женщину наедине с ее горем, но не тут-то было. У ллямы было слишком доброе сердце или что там имеется у подобных созданий. Огневушка проломилась сквозь кустарник и, будучи исполнена глубочайшего сочувствия, наскочила на всхлипывающую Онку, вдохновенно поскуливая. Та вскрикнула и отняла ладони от лица. Отступить было некуда, и Нэо вышел вперед.

– Прости, я здесь оказался случайно. Пошли, Волчонка.

Но лляма, доселе относившаяся к фэрриэннским женщинам с неодобрением, не ушла, продолжая толкать Онку то головой, то лапами. Пришлось крикнуть еще раз. Огневушка подпрыгнула, подскочила к Нэо, описала вокруг него пару кругов, вернулась назад и улеглась.

– Не бойся, она не со зла, она хочет тебе помочь. Я сейчас

ее уведу, – тихо сказал эльф.

– Мне никто не поможет, – фэрриэннка подняла голову. Черная и синяя краска на ее лице размазалась и потекла, губы и глаза опухли, но смешным и уродливым это не казалось. Такое горе не может быть смешным. Нэо подошел к женщине и опустился на траву у ее ног рядом с льямой, немедленно положившей ему на колени тяжеленную синюю лапу. Очутившись в мире Ангеса, она все больше напоминала волка или собаку, по крайней мере, внешне.

Какое-то время все молчали, потом Онка заговорила. Тихо, словно бы сама с собой:

– Пусть они будут счастливы, у них должны быть дети, наследники Легонны... Хорошо, что он выбрал Тигойю. Я боялась, что в этот дом приведут Шаббу...

– Ты хорошо их знаешь, – откликнулся Рамиэрль. Раз она заговорила, будет и дальше говорить. Иногда горе можно ненадолго отпугнуть откровенностью. Эльф-разведчик знал, когда и как вступить, чтобы собеседник не останавливался.

– Хорошо, – фэрриэннка сорвала небольшую ветку, смуглые пальцы теребили цветочную кисть, – очень хорошо... – она помолчала. – Я была невестой Вайарда. Он ехал за мной, когда на него напали. Сначала мне сказали, что он умер, потом, что жив, но умирает. Я сидела рядом и ждала конца, а смерть все не приходила и не приходила... Появлялся лекарь и говорил, что он не доживет до утра. А потом до вечера. А потом снова до утра... На третью ночь Вайард пришел в себя

и увидел меня.

Я всегда любила его, хотя наш брак... Его задумали родители, чтобы скрепить союз Легонны и Ратты. Вайард и раньше думал сначала о кондии, потом о себе. Он согласился, я знала, что он будет со мной честен, но я не думала, что он тоже любит, а он любил. Он сказал мне об этом, когда думал, что уходит...

Онка замолчала. Льяма еще сильнее навалилась на Рамиэрля, и тот был готов поклясться, что огневушка все понимает. Или чувствует, что в такие мгновения важнее. Пауза затягивалась, и Рамиэрль тронул собеседницу за руку.

– Он выжил, почему же вы не вместе?

– Вайард отослал меня, когда ему сказали, что он... Что он жив лишь до пояса. Я умоляла его остаться со мной, клялась в верности, в том, что я люблю его любим, но он не хотел губить две жизни вместо одной. И все равно погубил... Зачем?!

– Он не хотел быть беспомощным в глазах любимой женщины. Такие не позволяют себя оплакивать и себя жалеть.

– Да, – Онка вздохнула, – наверное... Я рвалась за ним ухаживать, он не давал. Волчье сердце! Какой же душой я была...

– Ты ушла к Девам Тьмы поэтому?

– Нет, я просто не вернулась домой. Я была такой же Подругой, как Тигойа, мне нравилось носить холодное железо и показывать свои ноги и грудь... Если б я не была на Страже,

если б Вайард не поехал за мной, все было бы иначе!

– Неизвестно, лучше или хуже. Онка, дорогая, если Вайарда решили убить, на него бы все равно напали. Никому не известно, чем бы закончилось покушение. Он мог выжить, а мог погибнуть. Возможно, быстрая смерть для него была бы милосердием, но для Легонны стала бы бедой.

– Да, – всхлипнула Онка, – да, наверное. Он живет для Легонны, а для меня... Для меня места нет.

– Прости, но ведь ты могла выйти за другого.

– Могла... И не могла. Я люблю и буду любить, тебе этого не понять...

«Тебе этого не понять...» Всем кажется, что их беда самая страшная, что другие никогда не поймут их боли. Хотя почему всем? Рене все понял, Рене и Геро... «Почему ты ее отдал?» – спросила она после коронации. Он отдал Кризу Уррику, потому что боялся любви, потому что думал, что еще не поздно уйти. Почему мы «думаем» там, где надо просто жить?! Вайард тоже «думает», побери его Бездна! И почему только он не Ларэн, тот бы знал, что делать!

– Если можешь, забудь, что я сказала, – Онка попробовала улыбнуться, – я, наверное, очень страшная, да?

– Страшная? Ничего подобного, – Нэо пристально посмотрел на женщину. Он ничего не сделал. Или почти ничего, но потеки краски на лице исчезли, а выбившаяся из-под повязки седая прядь стала черной. – Я не лгу, все в порядке, – заверил эльф и вдруг добавил: – Ты можешь сделать

так, чтобы сюда принесли Вайарда и он остался один? Со-
всем один?

– Могу... Но, – она с испугом посмотрела на Нэо, – зачем?

– Самое худшее, что ему грозит, это послушать ночных
птиц... Онка, я ничего не могу тебе обещать, но я... Я по-
пробую ему помочь.

– Это невозможно. И... ты же не лекарь?

– Невозможно? А вот она, – Нэо схватил за шиворот писк-
нувшую льяму, – возможна?! Я не лекарь, Онка, но я по-
пробую. Хуже не будет. В крайнем случае, ничего не выйдет,
так что лучше соврать. Сможешь?

– Смогу.

– Тогда я жду.

Онка ушла, льяма в порыве восторга постаралась опро-
кинуть Нэо на усеянную лепестками траву, но эльф увернул-
ся. Он сам не знал, как у него сорвались эти слова, и что
будет, если он ошибается в своих силах? Он слишком мно-
гое сегодня вспомнил, вот и растаял. Огневушка опять под-
прыгнула, и Нэо на нее цыкнул. Скоро сюда придут, значит,
надо спрятаться.

– Волчонка, – льяма насторожилась, – а ну иди сюда и
ложись. И тихо! Поняла? Тихо! Нас тут нет!

Порождение Тьмы осознало, что сейчас не до шуток, и
старательно затаилось, Нэо пригасил синее свечение. Они
ждали. Долго или нет эльф не думал, отбиваясь от нахлынув-
ших воспоминаний, в который Кризин смех сменялся голос-

ком Мариты, а седые, древние травы оборачивались цветами могильного шиповника, который он заставил жить и цвести вопреки осени и смерти. Как далеко сейчас этот шиповник...

Шаги то ли слуг, то ли охранников Рамиэрль услышал за-долго до того, как зашевелились ветви и на освещенную лунной потайную полянку вышла Онка. Женщина оглянулась по сторонам, но никого не заметила. За ней появились и остальные. Нэо видел, как конд отпустил носильщиков и повернулся к Онке.

– Ты хотела со мной поговорить. О чем? Все давным-давно сказано...

– Все? Неужели все? Ты помнишь это место?

– Да, – эльф видел четкий профиль Вайарда и его отекшую руку, лежащую на резном подлокотнике, – я не могу позволить себе роскошь забыть о счастье, хотя тогда я не думал, что это счастье... Я тогда вообще мало думал. Онка, хорошо, что мы остались одни. Я должен тебе сказать одну вещь, – он помолчал. – Если ты хочешь мне помочь, возвращайся к отцу и выходи замуж. Ты не должна себя губить с этими дурищами...

– Я была одной из них.

– Была, но тогда тебе было восемнадцать и ты не собиралась там оставаться. Просто играла... Тебе хотелось, чтобы я тебя похитил, чтобы была погоня, пир, черное платье. Выходи замуж, Онка. Прошу тебя. Я не могу видеть тебя такой.

– Нет, и ты знаешь почему.

– Знаю и именно поэтому прошу. Я и так каждый день думаю, что ты из-за меня себя хоронишь. Твой отец тоже...

– Отец? Он приезжал? Да?! Кто ему позволил?

– Он – твой отец...

– Хватит, – выкрикнула женщина чуть громче, чем нужно. – Поговорили... Я пойду, позову слуг, – она обвела глазами поляну и исчезла. Вайард остался, рука еще сильнее сжала резную птичью голову, но конд промолчал.

Нэо собрался с силами. Ларэн властью Ангеса вернул Эрасти руки, и Роман лишь сейчас понял, КАК он это сделал. Воина помнили как бога войн и холодного железа, забывая, что он был и богом прощения. И это было правильным. Те, кто смотрят в лицо смерти, умеют прощать, как никто.

Человек в кресле посреди поляны что-то почувствовал, что-то необычное, зашевелился, попробовал крикнуть, но синий купол, похожий и не похожий на тот, что защищал живой мир от льямы и льяму от мира, уже окружил легонского конда второй кожей, и тот замер. Сейчас он спит и видит... Кто его знает, что. Может, танцующую Кризу, может, Рене, положившего руку на холку Гиба, или золотоволосого юношу на эшафоте, говорящего о том, что смерти нет... Роман стиснул зубы и накинул магическую сеть на цветущие кусты. Если получилось у Ларэна, получится и у него!

Стон умирающих растений был тихим и покорным. Зеленые создания умирают там, где родились, они не могут бежать, не могут защищаться, не могут умолять... Здесь долго

ничего не вырастет, но так надо. Внук Лунного короля сосредоточился и влил в синий панцирь силу, забранную у весенних кустов. В висок вонзилась раскаленная игла, но такую боль пережить можно. Синий свет сменился зеленым, магический кокон оплывал, стягиваясь к пояснице и ногам все еще грезящего человека. Сначала сияние нарастало, потом стало гаснуть, впитываясь, как вода впитывается в раскаленный песок. Зелень стремительно исчезала, сквозь нее стали пробиваться оранжевые и алые блики. Неужели не хватает?! Да. Не хватает. Что ж, пустим в ход собственную силу.

Игла превратилась в кинжал, во рту появился привкус крови, но осенние пятна исчезли, зелень вновь стала чистой и нежной, как в Корбутских горах в месяц березы ¹⁶. Нэо, едва стоя на ногах, устало смотрел на очнувшегося конда. Вряд ли тот что-то запомнил, а хоть бы и запомнил.

Голова разламывалась, но это пустяки в сравнении с тем, что выпало на долю Рене. Рамиэрль закусил губу и попытался найти Онку. Женщина была совсем рядом. Ждала. Что ж, тянуть не стоит. Если получилось, оно уже получилось. Эльф тенью скользнул сквозь кусты, листья на ветвях еще трепетали от легкого ночного ветра, а цветы обдавали ароматом, но растение было мертво, так что ветви Роман раздвинул сам.

– Онка!

Та вздрогнула и оглянулась. Если ничего не вышло, ее

¹⁶ Первый месяц истинной весны по эльфийскому календарю, приходится на вторую треть месяца Агница и первые две трети месяца Иноходца.

лучше сразу убить.

– Онка, теперь все зависит от тебя. Ты должна закричать.

– Зачем?

– Закричать так, словно тебе что-то грозит. Что-то очень страшное... Он должен услышать.

Она молча кивнула. Подползла Волчонка и улеглась у ног Романа. Нэо присел на корточки, положив руку на прохладную синюю морду. Не так ли и он сам? Внутри все полыхает, а сверху – прохладная безмятежность...

Онка закричала неожиданно и так, словно ее и впрямь схватило чудовище. Закричала и бросилась на землю, колотя по ней кулаками. Это не было игрой, просто она слишком долго молчала.

– Онка, – крик Вайарда был не менее отчаянным. – Онка! Что с тобой?!

Роман едва успел отступить в сторону, иначе конд сбил бы его с ног. Женщина рывком поднялась с земли навстречу. Дальше Рамиэрль не смотрел, пробираясь умирающими кустами в сторону дворца. Надо сделать так, чтобы сюда никто не пришел хотя бы ору.

**2896 год от В.И.
Ночь с 6-го на 7-й
день месяца Иноходца
ОРГОНДА. ЛИАРЭ**

Нельзя сказать, чтоб план был безупречен, но лучшего герцог Мальвани придумать не мог. У них было слишком мало людей, и приходилось трижды примерять, прежде чем решить судьбу хотя бы одного полка. Получив письмо от тайного доброжелателя, Сезар не спал несколько ночей и наконец принял решение. Первой о нем, разумеется, узнала Марта. Герцог рассказывал, герцогиня слушала, как всегда, не перебивая. Потом она задаст вопросы, немного помолчит, по привычке теребя ожерелье, и, наконец, скажет, согласна или нет. Они никогда не врали друг другу, даже когда в глубине души хотели утешительной лжи.

– Нужно решить, что важнее: удержать Краколлье или разбить Аршо-Жуая. На то и на другое нас не хватит.

– Ты уже решил, насколько я понимаю.

– Да. Я оставлю в лагере две сотни рыцарей с двумя тысячами пехотинцев и стрелков и пошлю туда десять тысяч ополченцев. Для защиты укреплений хватит, ведь для первой ифранской армии главное – сковать наши силы и дать возможность Ипполиту вторгнуться в среднюю Оргон-

ду. Они не станут разбивать себе голову о стены, Паучиха – девушка скупая, гробить армию без толку не будет.

– А что станешь делать ты?

– Тихонько пойду за ифранцами по нашему берегу. Думаю, они двинут к Кер-Женевьев, это подходящее место для переправы, и оно достаточно далеко от Краколлье. Жуай решил перейти Ньер там, куда нам не успеть, даже узнай мы о его маневре.

– Ты дашь бой на переправе?

– Не уверен. Возможно, дам, а возможно, помешаю им перейти на нашу сторону и заставлю идти выше по реке. Все будет зависеть от обстоятельств.

– Аршо-Жуай у Кер-Женевьев поймет, что ты вывел из Краколлье почти всех.

– Поймет.

– Значит, гарнизон обречен.

– У нас нет другого выхода. Если ифранцы разозлятся и решат во что бы то ни стало взять лагерь, они его возьмут. Те, кто там остается, об этом знают. Они сами вызвались.

– Кто это?

– Марта, ты же догадалась.

– Паже?

– Да, он не может простить себе Мунта. Я тысячу раз говорил ему, что на его месте попался бы любой, что Вилльо били наверняка и неладное почуял бы разве что покойный Обен. Эти твари обманули даже старшего Бэррота, чего уж

говорить о бедняге Паже. Его никто не винит, но он себя осудил. В Краколлье он или искупит вину, или погибнет. Это его выбор.

– Остальные тоже арцийцы?

– Да, из южной армии. Те, кто пристал к Гартажу.

– А ты ведь тоже, – Марта накрутила на руку жемчужную нить.

– Что «тоже»? – первый раз за три года Сезар Мальвани изобразил непонимание. У него получилось очень хорошо.

– Также не можешь себе простить, что тебя не было ни у Гразы, ни в Мунте.

– Не могу, – тут он соврать не мог, да она бы и не поверила, – но я бы тоже попался. Если уж Луи и Ювер ничего не поняли...

– Ты помнишь, как все было в Эльте? – тихо спросила Марта. – Мне тогда было четырнадцать. Даже Обен не догадался... Даже Обен! – герцогиня резко дернула рукой, золотистые жемчужины раскатились по комнате, но дочь Шарля Тагэре на них даже не взглянула. – Сезар, мы обречены. Мы ничего не сможем сделать. Ничего...

– Марта!

– Неужели ты не понимаешь? Отец был лучшим воином Арции, Александр превзошел даже его, а их смела с ладони серость, которую они и замечали-то лишь для того, чтоб пожалеть! Можно бороться с тем, у чего есть голова и сердце, а это... Это как чума, как яд. Не знаешь, с каким глотком

в тебя войдет смерть. Тут один закон: первыми гибнут лучшие и сильные. Нас у отца было шестеро, остались я и Лаура, которая ни на Тагэре, ни на Фло не похожа. Просто глупая женщина, занятая лишь своим домом. От Эдмона ждали многого, от Сандера не ждали ничего, но он взлетел выше всех. И разбился.

Жоффруа вырос ничтожеством, но он смог убить Рауля, которому был по колено, и... Филиппа. Потому что Филипп сломался из-за этой твари и еще из-за Эллы, которая со своим выводком погубила Сандера. Кто такие Вилльо, Сезар и кто был мой брат?! Но победили они. Кем были Агнеса с Батаром в сравнении с отцом? Но они его доконали. Теперь дошла очередь до нас... Сезар задумчиво смотрел на раскатывшиеся жемчужины, потом перевел взгляд на элльский гоубелен, где рыцарь на белом коне тыкал копьем в пасть маленькому и нестрашному дракону, кокетливо, чтобы не сказать больше, развалившемуся кверху пузом.

– Ты права и не права, – герцог подошел к жене и опустился на ковер у ее ног, – было бы чудесно, воплотись все зло в каком-нибудь чудище, которое можно убить. Или, того лучше, стань оно чем-то вроде ожерелья или кольца, которые взял да и бросил в море или в огонь. Тогда бы ни твой отец, ни Сандер не погибли, но у зла нет лица, оно везде и нигде, но это не значит, что оно непобедимо. Ты вспомнила Эльту и Гразу, а ведь был еще и Беток! У Кэрна на сигне горящее сердце, но тогда сердца горели у всех, и зло сгорело в этом

пламени. Пусть не до конца, но сгорело! Ты сказала: чума. Это и впрямь похоже на чуму, а зараза боится огня, Марта. Не надо отчаиваться.

– Ты прав, я... Просто мне очень плохо без Сандера. Мы мало виделись, но он был моим братом, мы даже не понимали, мы чувствовали друг друга. Он был последним из Тагэре, а теперь последняя – я. Я все сделаю, как нужно, Сезар, не волнуйся.

– А я в герцогине Оргонды никогда не сомневался. Помни, после Эльты был Беток. Свой Беток будет и у нас.

2896 год от В.И.

7-й день месяца Иноходца

ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Последний кубок был поднят два дня назад: в Таяне пили после победы, а не до нее. Высокий Замок притих, словно приготовившаяся к прыжку рысь. Все знали, что делают, лица были сосредоточенными, движения быстрыми и точными. Обоз выступил ночью, конница уходила в полдень, а пехоты, пехоты в Таяне не было, разве что в гарнизонах, зато у них были союзники из Южного Корбута, которые ждали у неведомой еще Глухариной.

Луи Трюэль с самого утра болтался по Замку, решая для себя очень важный вопрос. На одной из лестниц он столкнулся с одетым по-походному Александром.

– Вот и начался наш путь домой, – глаза Тагэре ярко сверкнули, – пусть в обход, но начался.

– Арде, – кивнул Трюэль и, спохватившись, добавил: – То есть Жабий хвост! Ты куда?

– Поднимусь к Ликэ.

– Вы еще не простились? – участливо спросил Луи Трюэль.

– Я забыл сказать ей одну вещь. Встречаемся во дворе, – Сандер поставил было ногу на ступеньку, но передумал и по-

вернулся к другу. – А ты не будешь прощаться с Беатой?

– Нет, – отрезал Луи, но Александра это не удовлетворило.

– Почему?

– Потому что мне не шестнадцать, потому что я уйду на войну и вообще... Жабий хвост, ну чего пристал?!

– Пристал, потому что ты творишь глупости. Пойди к ней и все скажи!

– Я творю глупости? – Луи показалось, что он ослышался. – Кто бы говорил!

– Я тебе это говорю. Осел, который однажды угробил любовь из-за вбитой в голову чуши. Твой дед призывал учиться на чужих ошибках. Вот и учись!

– Ты соображаешь, кто я? Изгнанник и друг изгнанника, нам еще воевать и воевать, что я могу ей дать?!

– Счастье! – отрезал Сандер.

Ответить Луи не успел, Тагэре исчез. Луи постоял, словно продолжая безмолвный спор, сделал шаг в направлении лестницы, по которой поднимались к сестрам Ракаи, но отпрянул, словно наступив на змею, и пошел к себе. Впрочем, «к себе» это было слишком сильно сказано, комнаты, отведенные послу графа Лидды, были обставлены таянской мебелью, на стенах висело таянское оружие и корбутские шкуры, а присутствие Луи было обозначено разве что содержимым нескольких выюков, да и оно по большей части было подарено Лиддой и Лосем. Своего у графа Трюэля не было ни-

чего, кроме меча, графской цепи да пары колец. Даже конь принадлежал пропавшему Рито.

Собирать арцийцу было нечего, терять тоже... Луи посмотрел, как играют солнечные зайчики на медвежьих шкурах, подмигнул усатому дану с картины, лихо сносившему башку здоровенному гоблину со знаком Рогов на одежде, немного подумал и решил написать письмо Беате, но отчего-то вывел на листе бумаги:

«Дорогой Рорик! Мы с Александром уходим на войну, если нам удастся до осени разбить билланцев, весной Таяна и южные орки направят нам на помощь...»

Робкий стук в дверь отвлек графа от перечисления будущих союзников. Луи пригладил каштановые волосы и крикнул.

– Проше дана!

Это был не дан, а даненка! Беата! Девушка вошла довольно смело, но сразу же отчаянно покраснела. Руки она отчего-то прятала за спиной, а на лице застыла странная смесь решимости и смущения.

– Сигнора!

– Дан Луи, – девушка вдохнула поглубже, – дан Луи... Вы ж на войну идете, так я принесла...

Она принесла плащ, на котором красовался старательно вышитый герб Трюэлей, правда, совершенно непохожий на тот, что был выбит на фронтоне мунтского особняка. В Таяне были свои понятия о геральдике, здесь рысь была имен-

но рысью, лис – лисом, меч – мечом. В интерпретации Беаты Лежащий Бык и Ветка Яблони превратились в очаровательную картинку, где могучий, освещенный солнцем рогач развалился под цветущими ветками. На самом деле на сигне Трюэлей были не цветы, а плоды, а бык лежал в позе, более напоминающей львиную, и был не рыжим, а коричневым, но какое это имело значение?!

– Сигнора... Неужели это вышивали вы?

– Конечно, – она казалась удивленной.

– Но это же долго!

– Я начала шить, – Беата зарделась еще сильнее, – в тот вечер, как увидела дана. Я спросила дана про консигну, и он сказал, что бык и ветка яблони. Я все правильно сделала?

– Да, так и есть. – Проклятый, если он вернется в Арцию, бык Трюэлей будет лежать только под весенними деревьями! – Как красиво.

– Дан примерит?

Еще бы дан не примерил?! Луи сбросил плащ с «волчьей» сигной – Сандер простит – и накинул обновку.

– У дана есть зеркало?

Зеркало было и послушно отразило темноволосого воина со счастливыми глазами. Плащ пришелся впору.

– Дан Луи очень красивый, – сказала Беата, повергнув внука барона Обена в сильнейшее смущение. Так его еще не называли. Красавцами были Артур и Рито, а остальные, остальные были просто «волчатами». Были и нет.

– Дана, – тихо сказал Луи, – я благодарю за подарок, но я не могу его взять.

Голубые глаза наполнились слезами, и Луи, сам не сообщая, что делает, схватил девушку за руку:

– Беата, ты не поняла! Понимаешь, нас было много. Нас звали «волчата», мы носили синие плащи с консигной Сандера, а теперь все погибли. Осталось только двое... И еще трое в разных местах, может, они живы, а может, и нет. Если я сменю «волчий» плащ на твой, я их предаю. Пойми, я, я... Ты не представляешь, как я тебе благодарен, как я...

Беата Ракаи была таянкой, дочерью, сестрой и племянницей воинов, ее старший брат погиб. И отец тоже. Она поняла.

– Но дан может в бой надевать свой плащ, а в дороге, когда не жалко, этот. Правда? – она улыбнулась. – А когда дан вернется, я вышью ему волка и луну.

– Беата, – Луи захлестнула благодарностью к самой лучшей на свете девушке. – Сигнора...

От признания отделяло одно мгновение, но незапертая дверь распахнулась и на пороге застыла Гражина в роскошном синем платье, расшитом голубками, в руках сестра Беаты держала что-то, похожее на скатанный шарф. Нежная улыбка на прелестных губках медленно гасла, а в глазах загорался нехороший огонек.

– Беатка, что ты тут делаешь?

– Дана была так любезна, – начал Луи, но Беата не дала ему договорить.

– Я пришла проводить дана Луи, и я вышила ему плащ, а что нужно тебе?

– Ты... – голос младшей сестры не сулил ничего хорошего, но старшая ее опередила:

– Тебя послали за мной? Хорошо, идем.

Луи не успел оглянуться, как Беата взяла Гражину за руку и буквально выволокла из комнаты, не забыв прикрыть дверь. Арциец привалился к стене, лихорадочно соображая, что он должен был сделать или сказать. Хваленая смекалка Трюэлей отказала напрочь.

2896 год от В.И.
7-й день месяца Иноходца
ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Ликия была сдержанна и спокойна. Сандера поражало, с какой легкостью его подруга сменила чуть ли не крестьянскую одежду на дворцовые наряды. Она знала, как их носить, и она привыкла повелевать, хоть и не испытывала от этого наслаждения. Александр Тагэре рос среди знати, сам был герцогом и королем и не мог не узнать себе подобного, но даже отдаленно не представлял, кем же была его спасительница, возлюбленная и, наконец, невеста. Александр молча стоял и смотрел на высокую женщину со светлыми косами, которым бы позавидовала даже Миранда. Ликия ответила на взгляд взглядом, в столбе света танцевали майерку золотистые пылинки, на подоконнике нежилась кошка, как две капли воды похожая на ту, что пропала в Гразском лесу. Он пришел сказать нечто очень нужное для них обоих, но не знал, с чего начать. И она не знала...

– Мы идем к Глухариной. Там к нам присоединятся гоблины.

– Это хорошие союзники, – чуть промедлив, сказала Ликия. – Им можно верить до конца.

– А тебе, – Сандер сам не понял, как у него это сорвалось

с языка, но, заговорив, он не останавливался, – тебе я могу верить?

– Мне? – она казалась удивленной. – Верить мне? – Да, Ликэ... Не обижайся... Я однажды ушел на войну. Я воевал долго, слишком долго, и меня не дождались. Я вернулся и узнал, что Даро... что та женщина, которой я верил больше, чем себе, выходит замуж за другого – за моего друга и вассала, готового за меня умереть. Я узнал об этом, когда наконец собрался рассказать о нас брату. Войну я выиграл, а счастье проиграл. Так мне тогда казалось. Ты меня дождешься?

Ликэ опустила голову, кошка перевернулась и принялась сосредоточенно облизывать лапу, солнечный луч немного переместился и разбился о граненый хрустальный шар, на который опиралась бронзовая рысь.

Александр смотрел на светлокосую женщину в платье из тяжелого шелка, словно видел ее впервые. Зачем он назвал ей имя? Именно сейчас и именно так? Что стоят женские клятвы?! Он ни разу не просил Даро говорить то, что она говорила, не просил плакать, ревновать, хранить верность. Она это делала сама, и ее слова ничего не стоили, а выпрошенные обещания и вовсе хуже милостыни. Ликия подняла побледневшее лицо.

– Александр, я дождусь тебя. Клянусь тебе всем, что для меня свято. Памятью, надеждой, дорогами, которыми я прошла. Верь мне. Я тебя не предаю, что бы с тобой ни случилось.

Так она с ним еще не говорила, так она вообще не говорила. На мгновение ему стало страшно, словно он заглянул в бездну, у которой нет дна, но потом страх сменился счастьем. Он поверил Ликэ сразу и навсегда и именно поэтому спросил:

– Ты меня любишь?

– Да! – она ответила тихо, но твердости в ее ответе было больше, чем в гранитной скале.

– Я должен идти, Ликэ.

– Ты должен идти и вернуться, а я ждать и дожидаться. Да хранят тебя Великие Братья...

Когда он вернется, он ей расскажет все! И про барда Романа, который оказался эльфом, и про древнего императора, научившего его заветным ударам. Почему он рассказал о нем Луи, а не Ликэ? Почему промолчал о словах Нидаля? Не потому ли, что цеплялся за привычный и понятный мир, в котором человек не может прожить семьсот лет, в котором нет ни эльфов, ни гоблинов, в котором все просто, хотя ему раньше казалось, что нет ничего сложнее и путаней его жизни.

Ликэ, непонятная, тревожная, спасающая его от смерти, знает иные пути, которые стремительно становятся и его тоже. Больше он не будет бояться говорить правду тем, кого любит, Ликия все поймет и все вынесет. Сейчас для разговора уже нет времени, но самое главное он скажет.

– Пусть помогут, – Александр с силой прижал Ликию к

себе, – я люблю тебя, кем бы ты ни была! Слышишь? И я тебя никому не отдам.

Последний поцелуй был горячим и быстрым, они отшатнулись друг от друга, словно боясь переступить некую черту. Сандер уже принадлежал войне и дороге, а они ревнивы, как женщины, и не прощают измены. Словно напоминая об этом, со двора донесся зов трубы.

– «Не плачьте об уходящих в бой», – прошептала Ликия, – «Серебряные» выступают. Тебе пора, и помни, я дождусь.

– А я вернусь, – Александр легко коснулся рукой янтарной прядки и стремительно вышел. Так вот оно какое, счастье, о котором поют в здешних песнях. Счастье любви, войны и уверенности в победе и возвращении, уверенности в своей счастливой руке, сердце женщины и плече друга.

Последний из Королей стремглав сбежал по крутой лестнице. Внизу он столкнулся с Ежи и Луи. Принц был в черном, отороченном серебром местном одеянии, название которого Тагэре в очередной раз забыл, хотя сам носил такое же. На плечи Луи был наброшен роскошный вышитый плащ, на котором под веткой яблони возлежал рыжий бык с неправдоподобно острыми рогами. Глядя в пьяные от счастья глаза товарища, Сандер подумал, что смотрится в зеркало.

– Теперь ты должен привезти Беатке плащ билланского знаменного, – улыбнулся Ежи.

– Жабий хвост! Я ей привезу десять, – просиял глазами

Луи Трюэль.

Сын Анджея хлопнул влюбленного по спине, и они втроем вышли на крыльцо.

ЭСТЕЛЬ ОСКОРА

Сандер вышел на крыльцо вместе с Луи и Ежи, эта троица становилась неразлучной. Таянец еще ничего не понимал, но уже шел за Последним из Королей, как шли за ним «волчата», мириец Кэрна, гварские вожаки – все те, в которых честь и жизнь сильнее предательства и желания выжить, по возможности урвав кусок пожирнее. Ежи Гардани, в своем черном доломане казавшийся младшим братом Шани, вскочил в седло первым.

Снова запели трубы. Садясь на Садана, Сандер глянул на мое окно, и я подняла руку. Может быть, мной овладело безумие, но я ему не солгала. Я дождусь его возвращения, и я люблю его. Глядя в спину уходящим на войну, перестаешь прятать голову в песок и врать себе. Когда-то я не понимала Лупе... Что ж, самый верный способ угодить в западню, это осудить того, кто попался раньше тебя. Я не знала, жив ли Рене и где он, я не знала, что будет, если мы с ним встретимся, но сейчас, стоя в этой пронизанной солнечным светом комнате, я любила другого. Много лет назад я осознала, что я нелюдь и мне придется с этим жить. Теперь я поняла, что предала того, во имя кого бросилась в огонь и с чьим именем прорвалась в обреченную Тарру сквозь десятки миров. И с этим тоже придется жить...

Я стояла у раскрытого окна и смотрела, как в высокое сед-

ло поднялся Анджей Гардани. Леопардовый дрыгант затанцевал, грациозно изгибая шею, король умело сдержал расходившегося любимца и властно направил к распахнутым воротам. Словно дожидавшийся этого ветер расправил знамена. Таянская рысь с мечом охраняла крепостные ворота, меч Гардани серебрился на фоне трехглавой горы, над которой поднималось солнце, потрясали копьями лисы Гери, дальше шли сигны, которых я позабыла или вовсе не знала – путник с мечом и хищной птицей на плече, сбросивший всадника конь, пылающее дерево... А вот боевое знамя «Серебряных» я помнила. Рысь. Просто серебряная рысь на черном и девиз «Меч и верность». Консигна Стефана Ямбора, навсегда закрепленная Шандером за гвардией таянских принцев.

Звездный Лебедь, Великие Братья и все боги и покровители, дайте мне не сойти с ума, глядя на знамена, которые я провожала в юности и которые провожаю теперь... Рядом с Рысью Стефана задирали голову к невидимой луне молодой волк и серебрились три нарцисса. Ежи поднял консигну друга рядом со своей, и она... Она отличалась от консигны Рене Арроя лишь отсутствием луны и молодостью волка. Как же я раньше не поняла?! Рене и Сандер! Первый из династии и Последний из Королей! Избравший ту же консигну и ту же судьбу, что и его великий предок, и, как и он, вознесенный на гребень охватывающей Тарру войны. И я, Эстель Оскора, неразрывно связанная с обоими...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

DEBES, ERGO POTES ¹⁷

*Ваше благородие, госпожа Победа,
Значит, моя песенка до конца не спета.
Перестаньте, черти, клясться на крови!
Не везет мне в смерти, повезет в любви...*
Б. Окуджава

2896 год от В.И.

26-й день месяца Иноходца

ТАЯНА

Садан попытался ускорить шаг, и Александр придержал любимца. Сейчас войско ведут другие.

Это было так странно – оказаться на чужой войне. Чувствовать себя гостем, пусть желанным и уважаемым, но гостем, которому не нужно принимать решений, взваливать на себя ответственность за чужие жизни и исход сражений. Всю жизнь Александра Тагэре мучила боязнь что-то сделать не так, подвести других, ошибиться. Сейчас он стал тем, кем всегда хотел быть, – простым рыцарем, и это было непри-

¹⁷ Ты должен, значит, ты можешь (лат.).

вычно, ему не хватало возникающей перед битвой суеты с докладами, спорами, вопросами, советами, не хватало осознания того, что он отвечает за все и всех. Впрочем, думать о грядущем сражении он мог.

Александр всегда отличался любопытством, к тому же осенью гомона наверняка решит ввязаться в арцийскую склоку, и нужно знать, на что способны новые союзники. Сандер уже понял, что таянцы – отменные кавалеристы и природные вояки, но в больших сражениях подданных Анджея еще не видел. Их горячность и уверенность в себе немного настораживали: удержать подобную конницу на цепи под силу только настоящему повелителю, и Александру хотелось думать, что Анджей Гардани таковым и является.

Он, видимо, слишком задумался, потому что ехавший рядом с другом и сюзереном Луи не замедлил помянуть Жабий хвост и спросить сюзерена и друга, о чем он мечтает.

– Все в порядке, – улыбнулся Александр, – просто я всегда хотел свободы, хотел, чтоб от меня ничего не зависело, а теперь мне как-то неуютно. Я вот думаю, если бы меня вдруг избавили от горба, я бы и по нему затосковал?

– Умеешь ты удивить, – хмыкнул Трюэль. – Ты, как я понимаю, останешься с Анджеем, а он в бой не пойдет.

– Видимо, а ты?

– Если не возражаешь, пристану к Ежи. Разомнусь немного.

– Чтоб было, о чем Беате рассказывать?

– Жабий хвост, должна же она узнать, что я не «пудель».

– Для этого ей сначала нужно показать «пуделей».

– Мы с тобой, похоже, местами поменялись. Я переживаю из-за глупостей, а ты дразнишься.

– Нет, я тоже переживаю. С непривычки, видимо. Странная эта затея – штурмовать Варху именно теперь. Зачем?

– Ну, у ройгианцев есть свои пророчества, там ясно сказано, что в канун этого треклятого года Варха падет. На то, чтобы понять, что сама по себе она не падет, их ума хватает, вот они и лезут.

– А мы придем, ударим их с тыла и разобьем. Тебе это Гразу, часом, не напоминает?

– В смысле?

– Тогда мы были уверены в победе, но было как-то неуютно, а сейчас в победе уверен Анджей.

– И ему вполне уютно. Ты боишься, что наши проиграют?

– Надеюсь, они знают, что делают. Ладно, командор, покажи таянцам, что у нас в жилах не водица. Только башку не сломай, а то Беата расстроится.

– А ты?

– Я? – Сандер улыбнулся. – Если тебя убьют, я сочту это государственной изменой!

– Трюэли никогда не были предателями. А что эльфы говорят?

Тагэре кивнул. Он пока не привык к тому, что бессмертные и вечно юные создания не только существуют, но и яв-

ляются союзниками Таяны в многовековой войне с покло-няющимся клыкастому оленю изуверами. Сандер очень хо-тел узнать эльфов поближе, но пока загадочные Лебеди из последних сил сдерживали какое-то Зло, а их прикрывали река, лес и наружные укрепления, которые защищали девять тысяч людей и орков.

– Анджей говорит, эльфы насчитали шесть тысяч биллан-ской пехоты, тысячу конников, сотни две конных стрелков и двенадцать тысяч гоблинов. Четыре тысячи пехотинцев со-брались у северной насыпи. Делают вид, что вот-вот пойдут на штурм, но Анджей в это не верит.

– И правильно делает, – подтвердил Луи. – Билланцы – не гоблины, воюют так себе, а в пешем строю и вовсе не лучше ифранцев. Шум поднять они могут, и все. А куда они осталь-ных подевали?

– Тысячи полторы болтаются на холмах, остальные засели в лагере, а твои любимые гоблины сосредоточились в центре и, по всему, готовятся к штурму, но не раньше, чем люди нанесут отвлекающий удар. Конница защищает их с тыла у прохода в холмах.

Про холмы эти Сандер был наслышан. Невысокая гряда, начинавшаяся в излучине впадающей в Гану речки и посте-пенно сходящая на нет. В центре холмы расступались, обра-зуя удобный, широкий проход. Именно его и сторожила бил-ланская конница. Существовал и второй разрыв, но там все дело портил длиннющий овраг, тянувшийся до самой Вархи.

Если б Александра спросили, что делать, он бы посоветовал кавалерии обойти гряды, выйти в тыл стоящим отдельно от орков билланцам и изрубить их в капусту, а потом со стороны Вархи ударить по незащищенному лагерю, захватить его и оттуда неожиданно атаковать гоблинов во фланг. Желательно тогда, когда те увязнут в лобовой стычке.

Сил должно хватить. Четыре тысячи тяжелой конницы, не считая пяти сотен «Серебряных», тысяча легких конников и четыре тысячи гоблинской пехоты. Еще восемь тысяч сторожили фронтерскую границу. Соотношение сил вполне терпимое. Таянцы выигрывали в кавалерии, но уступали в пехоте, хотя, если умно распорядиться теми, кто стоит у Вархи, этот недостаток можно свести к минимуму.

– Ты, я полагаю, уже придумал, что делать.

– Надо же чем-то себя занять, – смутился Александр, – но я Гардани не указ. Он и своих, и врагов лучше знает.

– Оно конечно, – согласился Луи, – вояка он неплохой, в позапрошлом году отлупил билланцев по самое некуда.

– Мне обоз на опушке не нравится, – невпопад ответил Александр, – не люблю непонятного. – Обоз?

– Да, эльфы видели. Стоит второй день, телеги нагружены чем-то тяжелым.

– Может, катапульты со снарядами?

– Тогда их надо было или на холмы втащить, или ближе к Вархе подвезти.

– А что Анджей говорит?

– Анджей думает пока. Время есть, мы к холмам разве что завтра доберемся. Они всегда вперед кавалерию пускают?

– Вроде бы, – кивнул Луи, – король с наследником и его полком идут сзади, спину всем прикрывают, впереди – данская конница, а посередине – гоблины. Эти двуногие жеребцы, к слову сказать, от четвероногих почти не отстают, если рысью. Жаль, галопом бегать не умеют.

Сандер расхохотался. Он всегда любил старшего из братьев Трюэлей, хотя Рито и Сезар были ему ближе. Что-то с ними теперь? В Оргонде, скорее всего, идет война, а что учудит оставшийся без присмотра Кэрна, можно лишь гадать. Напасть на ратушной площади на Аганна мог только байланте... Только б он не заигрался!

– Жабий хвост! У тебя что, зуб заболел, – осведомился Луи, – чего смеяться бросил?

Ответить Тагэре не успел – подскакавший таянец в доломане «Серебряного» передал приглашение дану коронному пожаловать к королю.

НЭО РАМИЭРЛЬ

– Дальше нету пути, – вздохнул Таэтан, – по крайней мере, нам.

– Пути не может не быть, – улыбнулся Нэо, – просто он вам сейчас не нужен.

– Может быть, – пожал плечами ветеран, отчего-то напомнив эльфу Уанна, – тогда вы найдете дорогу, ведь вы ее ищите. Или проложите. Удачи!

– И вам удачи. Передай мою благодарность конду.

Нэо улыбнулся фэрриэнцам и пошел вперед, не дожидаясь ответных благословений и благодарностей. Вайард заслужил свое счастье, другое дело, что заслуживших куда больше, чем обретших. Судьба справедливостью никогда не отличалась, но на этот раз ему удалось отменить приговор. Пусть это будет доброй приметой и тропинка над обрывом не окажется очередной обманкой.

Прикосновение Нэо почувствовал именно тогда, когда достиг пресловутого пня. У эльфа возникло чувство, что его обнюхивает невидимая собака или волк. Разведчик остановился, позволяя стражу делать свою работу. Видимо, его сочли достойным доверия. Невидимый пес исчез, и его последнее касание вызвало в памяти почившего в Корбутских горах Кроха, норотившего на прощание лизнуть Нэо в щеку.

Его признали, а признают ли его друзьями? Нэо Рамиэрль

махнул рукой, Норгэрель, Аддари и льяма побежали к нему, фэрриэннцы остались на месте.

Людам было видно, как трое чужаков и странное, светящееся синим существо уходят по узкой тропинке. Поднялся ветер, закружил дорожную пыль и со смехом швырнул в глаза леганцам, они невольно зажмурились, а когда вновь открыли глаза, тропа была пуста. Надежды на то, что гости останутся, больше не было. Таэтан немного помолчал и приказал возвращаться.

Нэо оглянулся как раз вовремя, чтоб увидеть, как уходят люди. Уходят, значит, для смертных эльфы исчезли? Выходит, тропа и впрямь ведет в запретное для прочих место? На то, что они найдут врата в Тарру, Нэо не надеялся. Их скитания затянулись, дорога домой оказалась слишком длинной, и Рамиэрль старательно гнал от себя мысль о Геро, которой потребовалось шесть с лишним сотен лет, чтобы вернуться.

Тропа бежала вперед сначала вдоль обрыва, над которым цвели синие цветы с острыми лепестками, затем свернула в сосновую рощу. Таковую же, как на севере Арции. Норгэрель и Аддари о чем-то спорили, льяма рыскала между стволов, как самая обычная собачонка. Вдали мелькнуло животное, похожее на оленя, но, к счастью, не белое, а рыжеватое со светлыми пятнами на спине и боках, похожими на солнечные зайчики. Лес был самым обычным, но Рамиэрль чувствовал, что они приближаются к источнику Силы. Похоже, он был единственным в этом мире, кому было дано узнавать силу

Ангеса и использовать ее.

Рамиэрль был избранником Воина, но избран он был для спасения Тарры, а не для приключений в Фэрриэнне, хотя Ангес, оставляя Ларэну свое кольцо, а Воину – свою память, вряд ли думал о том, что обретет собственный мир. Возможно, сейчас ему нет дела до Тарры. Возможно, он далеко и воюет с исчадиями Света, в которых фэрриэннцы превратили бывших Светозарных. Боги могут воевать долго, время же смертных истекает.

...Тропа закончилась у подножия скалы, похожей на лежащего волка, между передних лап которого бил ключ. Вокруг шумели корабельные сосны, в небе плыли легкие облака, под ними лениво парила хищная птица. Пристрастия Ангеса к волчьим камням оставались неизменными, но Романа это не обрадовало.

– Не хватает вернуться туда, откуда мы начали, – Нэо с раздражением махнул рукой. Льяма, расценив это как приглашение, попробовала на него наскочить, но была отправлена прочь и в расстроенных чувствах прижалась к каменному боку.

– Не думаю, что мы вернемся, – негромко возразил Норгэрель, – веди дорога из мира Зимы не только в Светозарное, мы б увидели развилку.

– Значит, попадем в очередной мир, а потом в следующий, и так до окончания времен, а когда отыщем путь в Тарру, она или уже погибнет, или спасется без нашей помощи.

– Не идти вперед, значит, идти назад, – напомнил сын Ларэна, – ты сам это говорил.

– Я узнал эту присказку от Рене, а он еще от кого-то.

– От этого она не стала менее верной. Конечно, можно остаться здесь...

– Мне нравится Фэрриэнн, – признался Рамиэрль, – я бы с радостью в нем жил... если б потерял память, но память при мне, а наши дороги – слишком длинная песня. От нее устают и те, кто слушает, и те, кто поет. Аддари, а ты что скажешь?

– Ничего, – светло улыбнулся Солнечный, – все уже сказано. Надо идти, когда-нибудь мы придем... Куда-нибудь.

– Золотые слова, – Нэо отпихнул пытавшуюся забраться на каменную лапу льяму, – знать бы, кто нас ждет: улитки или драконы?

– Ничего хорошего, – сначала эльфам показалось, что с ними заговорила скала, но потом они увидели на гранитном плече темноволосого воина в развевающемся синем плаще. Ангес почтил Фэрриэнн своим присутствием именно тогда, когда его никто не ждал.

2896 год от В.И.

27-й день месяца Иноходца

ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Сражение никто не начинал, оно началось само. Авангард Гардани с ходу налетел на отряд билланской кавалерии, прикрывавший проход между холмами. Врагов было больше раза в два, но для горячих таянцев это ничего не значило, они пришпорили дрыгантов и лихо бросились вперед. Бой разгорался, как пожар в степи в летнюю сушь. Билланцы, используя численное превосходство, держались хоть и с трудом, но не отступали, и вскоре стало ясно почему. Тот, кто командовал ройгианцами, решил покончить хотя бы с вражеским авангардом и послал подкрепление. Тысяча конников со знаком Рогов изрядно потрепала три сотни дана Тонды, но к этому времени подоспел полк Михая Гарского, немедленно вступивший в драку.

Завязалась нешуточная рубка, но перевес был на стороне таянцев, когда же подошел Стефан Гери, положение билланцев стало безнадежным и они, огрызаясь, попятились в холмы. Это была прекрасная возможность – на плечах отступавшего врага проскочить проход и ударить в спину готовящимся к штурму гоблинам. Ее было грех упускать. Гери и не упустил.

Послав гонцов к Гардани, он лихой атакой сломил сопротивление рогоносцев и бросился в погоню за беспорядочно отходящим противником. Доставивший донесение молодой нобиль дрожал, как в лихорадке, мечтая об одном: успеть догнать своих до конца сражения. Окружавшие короля «Серебряные» откровенно завидовали мальчишке, так как было ясно, что им подраться не удастся. Анджей Гардани славился своей отвагой и именно потому мог себе позволить не лезть на рожон там, где это было не нужно. Урожай славы он собрал в молодости, будучи наследником и командиром «Серебряных», но король не должен пасть жертвой шальной стрелы или сабельного удара.

Гардани с улыбкой отпустил просиявшего гонца, но был ли он доволен началом сражения, Сандер Тагэре не понял. Сам Александр относился к подобной тактике настороженно. Вступать в бой с марша было делом опасным, оправданным лишь в самом крайнем случае, как когда-то у Мелового прохода, к тому же кавалерия, отрывающаяся от пехоты, всегда уязвима, но говорить об этом было поздно. Он не военачальник, а гость. Здесь и думают, и воюют иначе. То, что арцийская военная наука считает ошибкой, в Таяне воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Если конница Гери погонит расстроенную билланскую кавалерию на ее же пехоту, увязнувшую в штурме вархианских укреплений, той будет не развернуться, а к этому времени успеют и гоблины. Но почему они все-таки оставили у леса обоз?

От мыслей о проклятых телегах Александра отвлек еще один вестник, выглядевший много хуже первого. Гнедой дрыгант был весь в мыле, да и седок мало походил на победителя. Александр еще путался в таянских знаках различия, но, услышав ими Ракаи, понял, что всадник прибыл из-под самой Вархи. Не удивительно, что и всадник и конь чуть не падали от усталости. Ракаи сообщал, что билланцы пошли на штурм, который отнюдь не кажется игрушечным, и что он бросил к месту возможного прорыва находящихся в его распоряжении гоблинов, решив одним махом покончить с нападавшими. Дан Коронный решил, что тарскийские гоблины вот-вот пойдут навстречу королевским войскам и им будет не до Вархи.

Ничего страшного в решении Ракаи не было, одни наступали в одном месте, другие в другом, такое бывает сплошь и рядом. Анджей одобрил решение дана коронного, но приказал, как только штурм захлебнется, отправить «Зубров»¹⁸ на прежние позиции. К гонцу подвели другого коня, и тот умчался.

Король, его свита и «Серебряные» теперь шли вплотную к отряду гоблинов. Гардани спешил развить и закрепить успех Гери. Глаза таянцев горели охотничьим азартом и жадной битвы. Это были люди войны, не представлявшие другой жизни и не желавшие ее.

До холмов оставалось всего ничего. Луи умчался к «Се-

¹⁸ «Зубры», «Вепри», «Медведи» – названия полков южных гоблинов.

ребряным», и Александр остался рядом с Анджеем Гардани и его коронными, как никогда чувствуя себя гостем на чужом пиру.

2896 год от В.И.

27-й день месяца Иноходца

ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Анджей Гардани воевал с четырнадцати лет. Третий сын короля Ласло, как и его братья, рос в походах и схватках то с фронтерцами, то с билланцами и тарскийцами. Мужчины рода Гардани редко умирали в своей постели. Сначала фронтерская стрела унесла жизнь Яноша, бывшего старше Анджея на два года, потом гоблинский клинок раскроил голову отцу, и ставший королем на поле боя брат Ласло повел «Серебряных» в атаку на билланцев. Они победили, но Ласло из схватки не вышел. Так Анджей Гардани оказался старшим в роду, гомона подтвердила его права, мать и сестры нашли новому королю жену, и он стал править так же, как отец, дед, прадед, не слезая с коня и не вкладывая меч в ножны.

Нынешний поход был не первым, но должен был стать последним. Король Таянский принял решение, прочитав письмо графа Лидды и поговорив с Луи Трюэлем. Таяна должна исполнить свой долг перед Благодатными землями, но сначала нужно перебить хребет ройгианцам, их за спиной оставлять нельзя. Нынешний господарь «рогатых» словно подслушал мысли Гардани и ударил по Вархе. Это казалось удачей, но Анджей в удачу никогда не верил. Он не собирался ввязываться

ваться с ходу в бой, не разведав замыслов врага. Прорваться к Вархе непросто, билланцы могут возле нее хоть майерку плясать, хоть в Гане топиться. Не понимать этого они не могли, значит, на что-то рассчитывали. На что? Обоз вот этот еще...

Король задумчиво потрогал усы. Гоблины шли быстро, кони, само собой, тоже, до гряды оставалось не больше полувесы, но все равно Гери поторопился. Нужно было подождать, хотя когда это таянские конники ждали? Перед ними был враг, и они на него напали. Остудить их мог разве что боевой гоблинский строй, а билланская конница для них, что кошка для собаки. Не порвать, так на дерево загнать. Таянец повернулся к арцийскому изгнаннику, молча ехавшему рядом.

– Что думает дан про наши дела?

– Я слишком мало знаю о ваших обычаях. В Арции я сказал бы, что конница поторопилась.

– В Таяне я скажу то же самое, – буркнул Анджей, – пронесет, оттаскаю этих орлов за усы.

Не пронесло. Четверо прискакавших друг за другом гонцов принесли вести хуже не придумаешь. Гери угодил в западню – да какое там в западню, в мешок! Гоблины не собирались проламываться в Варху, они ждали, когда конница выведет к ним врагов и дождалась. Таянские тысячи с маху налетели на ошестинившийся пиками строй. Но это еще полбеды, будь куда отступить и где развернуться. Якобы рас-

строенная билланская кавалерия пронеслась между расступившимися перед ней и вновь сомкнувшимися гоблинскими колоннами, развернулась у лагеря и, пройдя кромкой леса, ударила Гери во фланг, а замкнул ловушку проклятый обоз. Груженные обычным камнем, связанные друг с другом тяжелыми коваными цепями телеги перекрыли проход в холмах, а за ними и на них угнездилась часть спустившейся с гряды пехоты.

Защитники Вархи попытались помочь окруженным, ударив гоблинам в спину, – не вышло. «Зубры» дрались с билланской пехотой, а напоровшиеся на копья горцев легко вооруженные пехотинцы отлетели обратно и убрались за линию укреплений.

Поняв, что он натворил, Стефан Гери послал три десятка человек к королю, вырвалось четверо...

Анджей выслушал донесение, не дрогнув бровью, и приказал остановиться. Спасти Гери мог только сам Гери. Те, кто уцелеет, прорвутся к Вархе, для них это единственный выход. За укреплениями достаточно сил, чтобы выдержать штурм, но вряд ли билланцы, перемолов четыре лучших таянских полка, будут думать о приступе. Гоблины сильнее и выносливее людей, но они не железные. Даже при худшем раскладе они потеряют не меньше трети своих и будут измотаны. Ближе к утру, обойдя проклятые холмы, можно ударить по победителям и превратить их в побежденных. И марш надо начинать немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.